

ВЛАДЫКА КИЕВЪ
ПРИНЕСЕ ЖЕ
СЪЩА : ТА
ЖЕ
ПАТ
ЩЕДРОТЫ БЖІА ꙗ ПРАДЪАВІТІИ

ВАЛЕРИЙ ШАМБАРОВ

ОТ КИЕВА

ДО МОСКВЫ

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКОЙ РУСИ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
История княжеской Руси. От Киева до Москвы
Серия «История допетровской Руси»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17694491

История княжеской Руси. От Киева до Москвы/ Шамбаров В.Е.: Алгоритм; Москва; 2012

ISBN 978-5-4438-0113-1

Аннотация

Книга известного российского историка Валерия Шамбарова, посвящена периоду возникновения и развития Древнерусского государства со времен Рюрика и до появления первых московских князей – св. Даниила и Ивана Калиты. Читатель, даже неплохо знакомый с отечественной историей, узнает из книги много нового и интересного о жизни великих князей, перипетиях политических взаимоотношений с Византией и Западом, междоусобных войнах... Св. Владимир, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Андрей Боголюбский, Александр Невский – вот далеко не полный перечень тех князей, о которых рассказано в этой книге.

Содержание

1. Залесская земля	4
2. Св. Владимир Креститель	9
3. Св. Владимир и соседи Руси	13
4. Св. Владимир и его сыновья	17
5. Св. Владимир и его богатыри	21
6. Св. Владимир и заговорщики	26
7. Святые Владимир, Борис, Глеб и Святополк Окаянный	31
8. Ярослав Мудрый	37
9. Ярослав Мудрый и «Русская Правда»	41
10. Ярослав Мудрый и величие Киева	46
11. Ярослав Мудрый и дела церковные	53
12. Ярослав Мудрый и система лестницы	60
13. Братья Ярославичи: Изяслав, Святослав, Всеволод	65
14. Братья Ярославичи и война с Полоцком	70
15. Братья Ярославичи и русские святые	75
16. Братья Ярославичи и князья-изгои	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

В.Е. Шамбаров

История княжеской Руси. От Киева до Москвы

1. Залесская земля

Верховья Волги, Днепра, тихая спокойная Ока с ее лесными притоками... Этот край принято называть сердцем земли Русской. Но так было не всегда. В течение тысячелетий здешние места оставались глухим и далеким углом обитаемого мира. В незапамятных глубинах прошлого тут жили племена ариев, оставившие о себе память разве что в названиях речек. Арии растеклись по земле, завоевывая страны и континенты, и пришли другие народы. Самым древним из тех, кто известен нам по историческим источникам, были угры. Они тоже оставили нам на память имена рек – Угра в Тульской обл., Угреша и Угричка в Московской. Угров упоминали Геродот и еще ряд античных авторов, искажая названия, писали: йирки, урки, уроги. Археологи связывают с этим народом Дьяковскую культуру – по городищу-крепости Дьяково (ныне в черте Москвы). А славяне именовали угров берендеями, отсюда и царь Берендей русских сказок [105, 106, 108].

Во II в. до н. э. на юге начались жестокие войны. Погибла Скифия, одна за другой по степям хлынули войны сарматских народов. Некоторые угорские племена участвовали в этих переселениях и сражениях, двинулись на юг, в привольные лесостепные районы. А на север, в более спокойные места, отступали финны. Здешних угров они вытеснили на восток, в Приуралье. На Оке обосновалось племя мурома, по соседству мещера, междуречье Оки и Волги заняло многочисленное племя меря, у Белого озера поселилась весь, у Финского залива ижора, нарова, чудь. От воинственных южных соседей отступили и племена балтов, расселились полосой от Западной Двины через верховья Днепра к верховьям Оки.

В IV в. в Причерноморье возникла обширная империя готов. Их король Германарих совершал завоевательные походы в разных направлениях, в том числе на север. Среди народов, которые он обложил данью, были и мордва, меряне, весь, чудь. Но империя была непрочной, в 371 г. ее разгромили гунны, и держава распалась. А в VI в. в Паннонии образовался могущественный и хищный Аварский каганат. Он сокрушил славянскую Антию, подверг ее земли жуткому опустошению, поработил соседние народы, и в начале VII в. произошли новые масштабные переселения.

Племя словен и часть русов отправились на север, остановились возле озера Ильмень и Ладоги, заключив союз с местными финнами, наровой и ижорой. На север ушли и кривичи, жившие в верховьях Немана. На Двине их остановили балты, и они осели по р. Полоте. Но со временем в жестокой войне славяне одолели балтов. Те, кто остался на Полоте, стали полочанами, а кривичи прорвались к Псковскому озеру и верховьям Днепра. От аваров изрядно досталось и ляхам. От них отделились две партии и двинулись на восток. Одна обосновалась в Среднем Поднепровье, радимичи. Вторая, вятичи, добралась до Десны. Они тоже сражались с балтами. Археология показывает, что крепости на территории Брянской и Тульской областей брались штурмом, после чего балтскую культуру сменила славянская [19]. Разгромив противника, вятичи стали продвигаться на Оку. А балтское племя галиндов отошло в леса, поселилось по р. Протве.

Северный край лежал далеко от центров тогдашней мировой политики, но он был богатым. В лесах в изобилии водились пушные звери, а меха высоко ценились на рынках Средиземноморья, Византии, Востока. В лесах было много пчел. А воск был ценнейшим товаром,

восковые свечи стоили дорого, их могли себе позволить только очень состоятельные люди и храмы. Северные реки служили важными дорогами, связывали между собой Балтийское, Каспийское, Черное моря. Этими путями пользовались еще скифы. Пользовались и болгары, основавшие в VII в. ханство на Средней Волге и Каме. Ими стали пользоваться и славяне. Словене и кривичи установили дружеские отношения с финскими народами, ездили к ним скупать пушнину, мед, воск, проложили на Волгу постоянные дороги. Финны, в свою очередь, ездили торговать в Ладогу, Псков, Смоленск, перенимали славянскую культуру. У них появились свои города, у веси – Белоозеро, у мерян – Ростов, у муромы – Муром.

Хотя богатства и торговые пути интересовали не только друзей. В конце VIII в. Ладогу захватили скандинавские викинги. Отсюда они начали совершать экспедиции в глубь материка. Вслед за словенами покорили кривичей, чудь, весь, мерян. Но эти племена восстали под предводительством князя Гостомысла, изгнали захватчиков, а чтобы на будущее противостоять врагам, объединились [39]. Образовалось большое и сильное государство, Русский каганат. А в IX в. с низовой Волги развернулась экспансия иудейского Хазарского каганата. На юге он подчинил славянские княжества северян, полян, радимичей. Продвигаясь на север, шаг за шагом подмял и обложил данью буртасов, мордву, черемисов, мурому, вятичей. Русский каганат был ему не по зубам, но около 844 г. умер князь Гостомysl, и его держава распалась в междоусобицах. Хазары этим не преминули воспользоваться, покорили мерян. Граница их владений дошла до верховий Волги.

Положение изменилось через два десятилетия. Словене, кривичи, чудь и весь снова решили объединиться, призвали от прибалтийских славян-ободритов князя Рюрика, внука Гостомысла по дочерней линии [39, 94, 106]. Между 862 и 864 гг. он провел успешную войну с хазарами, в состав Руси перешло междуречье Волги и Оки, племена меря и мурома, в Ростове и Муроме появились княжеские наместники. Рюрик начал «грады ставити» – опорные пункты своей администрации, таможенные и пограничные заставы. По Волге пошла оживленная торговля. С Балтики через Ладогу ехали купцы в Волжскую Болгарию, в хазарский Итиль. Сюда начали переселяться кривичи, строили деревни по соседству с мерянами, и никаких конфликтов это не вызывало. Свободной земли хватало, а места были выгодными: тем же проезжим купцам нужны были хлеб, мясо, рыба, пиво. Если балтийские варяги везли на продажу невольников, то и для них требовалось покупать продукты у местного населения.

Жители Ростова участвовали в войнах Вещего Олега, в его походе на Константинополь, привезли домой богатые трофеи [12]. По Волге войска русичей стали ходить через Хазарию на Каспий. Но в 912 г. Олег умер. Улучив момент, хазарский царь Вениамин вероломно вырезал нашу армию, возвращавшуюся из Закавказья, и Русь опять развалилась в межплеменных драках. А Хазария возобновила наступление, захватила Волжскую Болгарию, восстановила свое владычество над муромой и мерянами, каганат раскинул щупальца до стран приуральской югры, до Белоозера, области племени весь [35]. Только в 965 г. великий князь Святослав Игоревич нанес Хазарии смертельный удар. Вятичи и мурома, с которых каганат драл тяжелую дань, охотно заключили союз с князем, пропустили его войско по Оке, хазарское войско было разгромлено, огромный Итиль, город роскоши, денег, страданий и слез поработенных людей, разрушен до основания.

Однако вятичи, освободившись от хазар, не желали повиноваться и киевским князьям. Узнав, что Святослав выступил на Дунайскую Болгарию, они восстали. Князь таких шуток терпеть не стал. Сразу повернул войско в противоположном направлении, вятичей разбил и наложил на них дань. Не хотите служить Руси по-хорошему, извольте платить. Хотя он сохранил побежденным их обычаи, внутреннее самоуправление, племенных князей и старейшин. Меряне, мещеряки и мурома повели себя иначе. Они уже успели побывать и под властью русских князей, и под властью хазар, поэтому выбор сделали однозначный, и в состав Руси вернулись безоговорочно.

На Балканах Святослав Игоревич одолел болгар, потряс Византийскую империю. Но удержаться на Дунае он не сумел. Греки натравливали на Русь своих союзников, печенегов, подстрекали против Святослава подчинившихся ему властителей Болгарии Бориса II и Романа, объявляли их своими «друзьями», обещали женить на родственницах императора. Но это были лишь обычные византийские хитрости. В 971 г. внезапным вторжением греки раздавили Болгарию, осадили русичей в Доростоле. После кровопролитных боев Святослав согласился уйти с Балкан, за это византийцы обязались платить ему дань, признали русскими владениями отнятые у Хазарии Керчь и Тамань [27].

Впрочем, император Цимисхий и глава греческого дипломатического ведомства епископ Феофил нашли более радикальное средство избавиться от могущественного соседа. Феофил вел переговоры о мире с княжеским воеводой Свенельдом, потом лично отправился к печенегам, предупредил их, что Святослав пойдет по Днепру с поредевшей дружиной и огромной добычей. Правда, князь отправил Свенельда в Киев сухим путем, чтобы он организовал подмогу и встречу. Но воевода предал его. Захватил под свое влияние 10—11-летнего княжича Ярополка Святославича, сговорился со столичными боярами. Святослав и его воины, не в силах пробиться через полчища печенегов, зимовали в пустынном Белобережье в устье Днепра, голодали, умирали от болезней – помощь из Киева к ним так и не пришла. По весне, обессиленные и измученные, они попытались прорваться и у днепровских порогов попали в засаду, князь со своей дружиной сложили головы в неравном бою.

Фактическим правителем при малолетнем Ярополке стал Свенельд. Но для государства это обернулось очередным распадом. Узурпатора не признали древляне, у которых княжил еще один мальчик, Олег. Не признал Новгород, где княжил мальчик Владимир с воспитателем-дядькой Добрыней. Вятичи и радимичи просто отпали от Руси. А на земли муромлян и мерян нацелилась Волжская Болгария. Она считала себя преемницей погибшей Хазарии, высылала военные экспедиции, заставляла жителей Верхней Волги и Оки принимать свое подданство, набирала пленных для продажи в мусульманские страны.

Главный выигрыш от переворота в Киеве получила Византия. Она смогла забыть о выплатах обещанной дани, не опасаться Русской державы и не считаться с ней. Греки без помех завершили завоевание Восточной Болгарии, превратив ее в свою провинцию. Царь Борис II униженно прошел в триумфальном шествии по Константинополю, сложил с себя царские регалии и был оставлен второразрядным придворным, его брата Романа издевательски оскопили [100]. Греки постарались лишить Русь и выхода к морю. Вопреки договору со Святославом, признавшим «Боспор Киммерийский» владением Киева, позволили иудейским купцам возродить в Керчи и на Тамани осколок Хазарского каганата.

Византия стала опорой и для Свенельда с Ярополком. При ее поддержке Ярополк заключил союз с печенегами, убийцами своего отца. Свенельд позаботился упрочить отношения с Константинополем. Когда князь подрос, женил его на неизвестно откуда появившейся гречанке, якобы пленной монахине. При ней в княжеском дворце появились византийские священники – разумеется, не случайные люди. В 977 г. разразилась гражданская война. Свенельд нанес сокрушительное поражение древлянам, 15-летний Олег Святославович погиб. Юный Владимир с Добрыней вынуждены были бежать за море к варягам. Но новгородцы не оставили их, снабдили деньгами, поддерживали связь. А правление Свенельда и прочих бояр-временщиков очень быстро допекло народ. В 979 г. Владимир и Добрыня с небольшим отрядом вернулись в Новгород, и на их сторону сразу же перешла вся Северо-Западная Русь – словене, кривичи, чудь.

Киевские правители заключили союз с Полоцком. Он успел обособиться от Руси, там утвердилась самостоятельная варяжская династия неизвестного происхождения. За Ярополка сосватали дочь полоцкого князя Рогволода Рогнеду. Владимир попытался разрушить этот альянс, тоже посватался к Рогнеде, но получил не просто отказ, а страшное оскорбле-

ние, его обозвали «робичичем», сыном рабыни. Ставилось под сомнение его происхождение от Святослава – мало ли кто попользовался матерью-невольницей? Ответ был быстрым и красноречивым. Владимир с войском мгновенно оказался у стен Полоцка и взял его штурмом. По совету Добрыни князь овладел Рогнедой на глазах отца и братьев и велел их казнить.

Хотя все это четко вписывалось в рамки языческой морали. Подобное оскорбление можно было смыть только кровью. А Рогнеда отнюдь не считалась поруганной и обесчещенной. По тогдашним понятиям Владимир всего лишь добился своего – сделал ее своей женой, пусть и против ее воли [30]. Народ его поведение ничуть не осудил, популярность князя только возросла. На Киев с ним выступило многочисленное ополчение славянских и финских племен. Северяне и поляне без боя пропускали Владимира мимо своих крепостей. Ярополк же не поддержал никто. Он не надеялся даже на столичных жителей. Не рискнул выйти в поле, заперся в городе, а потом удрал. Киевляне и впрямь не выказали ни малейшего желания сражаться за него, как только князь исчез, открыли ворота.

Ярополк некоторое время отсиживался в крепости Родне. Единственным верным его подручным оказался вообще не русич, а приبلудный Варяжко. Князю и бежать-то было некуда. Ни к древлянам, ни к северянам, ни к полянам – а только, как советовал Варяжко, к печенегам, навести на собственную страну кочевников. Но другие советники во главе с боярином Блудом уже поняли, что песенка князя спета, уговорили его сдаться, и он был убит наемными варягами. Кстати, и это полностью соответствовало нормам русского обычного права. За смерть родственника следовало мстить смертью – какая же еще кара могла быть для Ярополка, отцеубийцы и братоубийцы, пусть даже действовавшего под влиянием Свенельда?

Утвердившись в Киеве, Владимир заново принялся собирать рассыпавшуюся Русскую державу. Воспользовавшись смутами на Руси попытался польский король Мешко I, захватил прикарпатские города – их называли Червенскими или Червонной Русью. Великий князь сразу же всыпал полякам и вернул утраченное. Два года ему пришлось вести изнурительную войну с вятичами, осаждать и брать их лесные крепости, пока они все-таки не признали подданство. Государь совершил поход и на запад, смирил нападавших на Русь ятвягов, куров, ливов, эстов, заставил их платить дань. Привел к повиновению радимичей. А в 984 г. с большой армией, конными дружинами и пехотой на ладьях, двинулся против волжских болгар. Сражения развернулись на Оке и Волге, победа осталась за Владимиром. На земли самой Болгарии он не претендовал, но потребовал, чтобы соседи больше не совались в чужие владения.

Так будущая сердцевина России окончательно вошла в состав Руси. Впрочем, только будущая. В X в. это была далекая окраина. Ее и Русью-то никто не называл. Под «Русской землей» понимали Поднепровье, Волынь, Новгород [12]. А здешний край называли Залесской землей, укрытой от Руси за далекими лесами. И сама эта земля представляла собой сплошное лесное море. На возвышенностях – вековые боры и дубравы, перекрытые непролазными завалами буреломов. В низинах – глухомань бескрайних болот. А среди них – разбросанные там и тут мерянские деревеньки с жилищами-полуземлянками. Лишь в одном месте в глубинах чащоб раскинулось открытое пространство, Суздальское ополье с плодороднейшей черноземной почвой. Как раз его и осваивали славянские землепашцы.

Но Залесские дебри не были непроходимыми. Сквозь них, обходя буреломы и гиблые топи, струились тропинки, знакомые местным жителям. Струились и реки с речушками. Они были куда более полноводными, чем теперь. Чистыми, глубокими, наполненными прозрачной свежестью лесных родников. Реки готовы были накормить любого, кто не поленится, щедрыми уловами рыбы. В половодья расширяли свои берега роскошными заливными лугами, приглашая пасти скот. Реки переплетались, сходились между собой, сра-

щиваясь системами волоков, зимой несли на себе быстрые сани, летом лодки. Главная из этих дорог прорезала Залесский край как раз посерединке, по р. Клязьме.

Спускаясь по ней, можно было попасть в Оку, а оттуда в Волгу. Поднявшись по притоку Клязьмы Нерли, через волок перетаскивали лодки в другую Нерль, она тоже вела к Волге, и значительно сокращалось расстояние, которое путешественник проделал бы, огибая Волгой всю Залесскую землю. Да и плавание было более безопасным, чем по великой реке – буря не потопит, в любой момент не трудно пристать к берегу. Если же подняться к верховьям Клязьмы, оттуда вел волок в Яuzu и Москву-реку. А от верховий Москвы-реки через притоки – на Днепр, в район Смоленска.

На столь важной дороге издавна возникали торговые поселения. На месте г. Владимира найдены монеты VII–VIII вв. [12] Существовала и Москва, хотя она еще не упоминалась ни в одном письменном источнике и неизвестно, как она называлась. Но под слоем построек Юрия Долгорукого археологами вскрыт более древний город с крепостными стенами, благоустроенными деревянными мостовыми, а одна из площадей была вымощена совершенно необычным образом, бычьими черепами. Здесь найдены монеты эпохи Рюрика, 862 и 866 г. [49] В крепости жили чиновники, воины, собирали дань с мерян, но и оберегали их от воинственных вятичей, галиндов, болгар, хазар. Контролировали и торговый путь. Волок между Клязьмой и Яузой не зря получил название Мытищинского – тут располагалась таможня, собирали мыт, пошлину. Очень удобно: купцы разгружали лодки, чтобы перетаскать в другую реку, тут-то можно было пересчитать у них товары и взять нужную сумму.

2. Св. Владимир Креститель

Владимир завершил дело своих предшественников – Рюрика, Вещего Олега, деда Игоря, бабки св. Ольги, отца Святослава. Под его рукой собралась Русская держава от Карпатских гор до северной тайги, от Балтики до мусульманской Волжской Болгарии. Эта держава была своеобразной, с самобытными традициями, древней культурой. Объединяющим государственным началом являлась власть великого князя. Он командовал войском, возглавлял правительство, был высшей судебной инстанцией. Существовали и законы. Они еще не фиксировались письменно, вырабатывались на основе обычаев, но обычное право было не менее прочным, чем, например, продажная византийская юриспруденция или запутанная римская, внедрявшаяся в Западной Европе. Как мы уже видели, некоторые из обычаев того времени могли показаться нынешнему человеку дикими и шокирующими. Но мораль язычников в X в. была совершенно иной, не похожей на нашу с вами. Для тогдашних людей подобные традиции представлялись вполне естественными, само собой разумеющимися. Впрочем, великий князь мог корректировать законы, если сочтет это необходимым.

Его опорой, основой аппарата управления, а одновременно и войска, была дружина. Она разделялась на старшую и младшую. Старшую составляли бояре, помощники и советники государя, на войне они командовали отрядами, в мирное время занимали высокие административные посты. В младшей служили гриди или отроки – профессиональные воины, исполнители отдельных поручений, их определяли и на низшие должности в администрации. Дружины русских князей насчитывали от нескольких сотен до нескольких тысяч бойцов, но и бояре содержали собственные дружины [33].

Русь была далеко не монолитной. Исторически она сформировалась из двух десятков славянских и финских племен: поляне, древляне, северяне, словене, кривичи, уличи, тиверцы, волыняне, полочане, дреговичи, радимичи, вятичи, нарва, ижора, весь, водь, чудь, меряне, муромляне, мешчеряки... Они имели разное происхождение, присоединялись к Руси в разное время, кто-то добровольно, кто-то в результате войн. Многие из этих племен прежде были независимыми княжествами, дружили или враждовали между собой. Отличались их обычаи, религиозные верования и обряды.

Племенные области в едином государстве сохранились, но стали обозначаться по городам. Вообще городов на Руси было много, только по письменным источникам насчитывают более 200. Норманны называли нашу страну «Гардарика» – «страна городов» (во всех скандинавских странах вместе взятых насчитывалось лишь 7 городов). Но русская терминология была несколько иной. Собственно «городом» считалась только «столица» области, остальные города числились в ее подчинении и именовались «пригородами». Для управления областью великий князь назначал своих наместников или посадников. Некоторые из бояр и воинов оседали в местах службы, обзаводились хозяйствами, семьями. Они смешивались с племенной верхушкой, и складывалась городская знать. Например, мерянские старейшины и вожди с добавкой русичей образовали ростовское боярство, верхушка племени северян – черниговское, словен и нарвы – новгородское.

Города и пригороды были центрами ремесла, торговли. Для решения важнейших вопросов созывалось вече. Но представлять его общим сборищем всех горожан совершенно неверно. Археологи обнаружили вечевую площадь в Новгороде, на ней никак не могло встать более 400–500 человек [72]. Это были те же местные бояре, верхушка. Простые горожане участвовали в собраниях более низкого ранга, по концам, улицам, выбирали местное управление: старост, сотских. А бояре из своей среды избирали тысяцкого. Он ведал городским хозяйством, финансами. На войну город выставлял полк под командой тысяцкого. Городских воинов, в основном пеших, называли ратниками.

Административными центрами в сельской местности являлись погосты, введенные св. Ольгой. Туда назначались чиновники-тиуны с несколькими воинами или слугами. Они разбирали мелкие судебные дела и тяжбы, расследовали преступления, представляя виновных на суд наместника или князя. Население прилежащих деревень сдавало тиунам установленные подати. Здесь устраивались и ярмарки, приезжали купцы скупать у земледельцев излишки продукции. Хотя такая система действовала не везде. Тиверцами и уличами по-прежнему управляли их племенные князья. Значительную автономию сохранили вятичи. К ним княжеская администрация не назначалась, племя само собирало и платило государю дань. Не было погостов и в Залесской земле. Тут наместник по старинке ездил в полюдь – лично объезжал села, творил суд, решал накопившиеся проблемы и получал от населения подати.

Большинство простолюдинов-смердов – земледельцев, рыбаков, охотников, бортников, были свободными. Подати, которые они сдавали, распределялись на содержание местного управления и в государственную казну. Были и личные княжеские владения или выделенные за службу боярам, дружинникам. Доходы от этих владений целиком шли хозяину. На Руси, как и во всем мире той эпохи, существовало рабство. Полными или «обельными» холопами становились пленные, несостоятельные должники, осужденные преступники, потомки невольников. Становились и люди, добровольно передававшиеся или продававшиеся в холопы, вступавшие в брак с рабами. Но холопами считались и люди, занимавшие важное место в обществе: княжеские и боярские ключники (управляющие хозяйством), боярские тиуны – старосты и чиновники. Закупы переходили в кабалу на время, отрабатывали полученную сумму. Рядовичи нанимались в услужение на тех или иных условиях, определенных договором.

Денежное обращение на Руси было ограниченным, драгоценных металлов не хватало, и подати собирались натурой. Поэтому жизненно важной была задача открыть выход к Черному морю. Здесь совпадали интересы великого князя, бояр, городов, купцов – продать зерно, меха, кожи, воск, обратить их в звонкую монету или необходимые товары. А главным рынком сбыта являлась Византия. За выход к морю и право торговать в империи боролись еще Вещий Олег, Игорь, Святослав. Но греки относились к подобным устремлениям крайне болезненно. Натравливали печенегов, перекрывавших пути по Днепру и Южному Бугу, заключали союзы с хазарами. Русичи выступали главными конкурентами византийцев. Если же удавалось отрезать их от моря, херсонесские купцы скупали те же товары в самом Киеве. Деваться-то некуда, все равно испортятся, приходилось отдавать за гроши. Да и печенеги, разграбив русские караваны, по-дешевке сбывали добычу в Херсонес. Кроме того, дорога к морю выводила Русь на большую политическую арену. Греческие берега открывались для ударов княжеских флотилий, значит, с Киевом требовалось считаться, строить политику с оглядкой на его интересы.

Эту задачу Владимир Святославович тоже решил. В 985–986 гг. он совершил поход на Тамань, раздавил оживший было осколок Хазарии [16]. Город Таматарха стал русской Тмутараканью, Самкерц (Керчь) – Корчевом. Византия в данное время как раз вела войны с Германией и правителем Западной Болгарии Самуилом. Владимир заключил с ними союзы, оказал Самуилу военную помощь, совместными усилиями греков наголову разгромили при Сардике (Средце) [100]. Но великий князь, в отличие от своего отца, не намеревался расширять свою державу на Балканы. Он уже получил все, что требовалось Руси. Оставалось лишь закрепить успехи и добиться, чтобы Византия признала их, перешла на другой уровень отношений. Чтобы высокомерные греки, традиционно презиравшие русских «варваров», приучились смотреть на них как на великую и уважаемую державу.

К этому времени относится и «выбор веры». Точнее, легенда о выборе веры. Летописный рассказ, как мусульманские, иудейские, латинские и греческие проповедники, скло-

няли князя к своим религиям и доказывали, чем они лучше других – «бродячий сюжет», он встречается в преданиях многих народов. На самом деле, никакого «выбора веры» не было и не могло быть. Вера – не товар. Ее не выбирают, как на базаре, торгуясь и прицениваясь, какая лучше и выгоднее. Она всегда одна. Ее принимают не расчетами, а душой. Владимира водила в православный храм еще его бабушка, св. Ольга. В его правление христианство на Руси распространялось все шире, церкви появились не только в Киеве, но и в Новгороде. Автор, ближайший по времени к Владимиру, митрополит Иларион, писал о великом князе: «Не видел ты апостола, пришедшего в землю твою», не видел чудес, совершаемых именем Иисуса Христа, «Без всех сих притече ко Христу, токмо от благого смысла и разумения». Без миссионеров, уговоров, своей волей. «Сошло на него посещение Вышнего» [85].

Но Владимир решил соединить духовный шаг с политическим. Для этого сложилась исключительно благоприятная ситуация. В Византии против царей-соправителей Василия II и Константина восстал популярный военачальник Варда Склир, объявил себя императором. Против него выпустили из ссылки другого знаменитого полководца, Варду Фоку. Брата императора Никифора Фоки, убитого 17 лет назад. Он одолел Склира, тот бежал к арабам. Но и Фока, в свою очередь, взбунтовался, провозгласил себя царем, двинулся на Константинополь, его войско вышло к Босфору.

Тут-то и предложил киевский князь свою помощь Василию и Константину. А за это просил ни больше ни меньше как руку их сестры Анны. По византийским канонам это было неслыханно. В свое время Анну сватал за сына германский император Оттон I, получил грубый отказ. Ему ответили, что «рожденная в пурпуре не может быть женой варвара». В период войны со Святославом Анну пообещали болгарскому царю Борису II, но надули, привели «жениха» в Константинополь в оковах. Ее сватал для сына король Франции Гуго Капет, сватал после победы при Сардике болгарский царь Самуил [30]... Дело было, разумеется, не в Анне. Достоинствами и красотой она ничуть не блистала. Ей было уже 25, по средневековым понятиям немало. Жила она дворцовой затворницей. Вдобавок, была по характеру истинной «ромейкой», т. е. римлянкой, как величали себя византийцы. Считала себя неизмеримо выше болгар, русичей и прочих «грубых скифов». Дело было в престиже государства. Монарх, получивший такую невесту, ставил себя на равную ногу с империей!

Но в данном случае положение у царей было безвыходным, им пришлось согласиться. В Киев помчалось посольство. Св. Владимир принял крещение сразу же. Греки для видимости обставили брак рядом условий – чтобы он крестился не только сам, но и привел к вере свой народ. А чтобы его будущих родственничков не свергли раньше времени, князь немедленно выслал корпус из 6 тыс. воинов, он нанес внезапный удар и отогнал Варду Фоку от Босфора. Но как только непосредственная опасность исчезла, византийцы попытались спустить на тормозах обещание о женитьбе. Имеет ли смысл держать слово, данное «скифу»? Великий князь отправился к днепровским порогам торжественно встретить невесту – а ее вдруг не прислали...

Владимир Святославович не преминул напомнить. Поднял могучее войско, выступил на Крым и обложил Херсонес. В городе далеко не всем улыбалось выдерживать трудности осады. Не лучше ли заранее подольститься к победителю? Священник Анастас пустил стрелу с запиской, указав, где проходят водопроводы. Их перекрыли, и Херсонес капитулировал. А великий князь пригрозил византийским властителям: «Сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Василий II и Константин пребывали в трансе: Владимир мог снова соединиться с болгарам, поддержать того же Варду Фоку, его мятеж еще не был подавлен. Пришлось исполнять договор. Анна безутешно рыдала, причитала, что ее «заживо хоронят». Но ее усадили на корабль и утешили, что она жертвует собою ради империи: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны».

В Херсонесе митрополит обвенчал Владимиру и Анну, русская дружина приняла крещение. В «вено» за невесту князь вернул грекам захваченный город. А для себя, на память, забрал понравившиеся статуи коней – украсить собственную столицу. Взял и иконы, церковную утварь, книги, обеспечил рождающуюся Русскую церковь.

По возвращении из Крыма он разрушил столичное капище, а на 1 августа 988 г. (по другим источникам 989 г.) назначил крещение Киева. Авторитет Владимира, поднявшего Русь из развала, побеждавшего всех врагов, был чрезвычайно высоким. У Днепра собрались жители столицы от мала до велика, гости, приезжие. Толпами входили в воду. Вдоль реки цепочкой стояли священники, совершали таинство крещения. В купель входили поляне, северяне, кривичи и... переставали ими быть. Ведь по языческим понятиям, полянином являлся лишь тот, кто отправлял родовые культы полян, северянином – исполнявший родовые обряды северян. А люди, выходявшие из купели, порывали со старыми куклами. Отныне они принадлежали к другой общности. Все – к одной, ее должно было связать одно, православное мировоззрение, одна система ценностей. Эту общность называли русскими. В купели крещения из многочисленных племен рождался новый народ.

3. Св. Владимир и соседи Руси

Западная Европа к концу X в. обвалилась в феодальный хаос. Королевства поделились на герцогства, графства. Их владельцы иногда объединялись, а чаще ссорились между собой, не желали считаться с собственными королями [13]. Даже католическая церковь перестала служить объединяющим началом. Короли в разных странах сами назначали архиепископов и епископов, давали им в лен землю, и почтенные иерархи превращались во вполне светских князей. Зависели не от Рима, а от монархов, служили им, воевали. Аббатства превратились в подобие баронств, выставляли воинов в войска епископов, и монастыри забыли о строгих уставах, жили почти мирской жизнью. Священники рассматривали свои посты в первую очередь с точки зрения дохода. Католическое духовенство в ту пору еще не придерживалось безбрачия. Выгодные посты оно, разумеется, хотело передать сыновьям, а ради этого требовалось сохранять верность властям.

Первой по рангу среди западных держав считалась «Римская империя германской нации». Германские короли Оттон I и Оттон II как раз и опирались на архиепископов и епископов в противовес светским герцогам. Взяли под покровительство римских пап, а за это первосвященники короновали их императорами. Но итальянцы, и папы в том числе, были от власти немцев совсем не в восторге. Местные города и князья поднимали восстания, истребляли и изгоняли германцев и их сторонников. Императоры, чтобы восстановить свое влияние, вынуждены были снова и снова организовывать походы в Италию. Начали ставить там немецких чиновников, епископов и пап. Но едва войско уходило, германское владычество опять сбрасывали [36].

Для защиты от немцев итальянские государства и римские папы искали защиты у Византии. Католическая и православная церкви уже значительно отличались друг от друга, но формальное единство еще сохранялось. Пап поминали на богослужениях греческие, Антиохийские, Александрийские, Иерусалимские патриархи. Римские первосвященники, спасающиеся от преследований немцев, получали убежище у греков, византийские императоры признавали их первенство в структуре Церкви [100]. За это и папы признавали Византийскую империю «настоящей» Римской, а германских императоров величали не римскими, а «тевтонскими».

Грекам принадлежал юг Италии, периодически их вассалами признавали себя другие итальянские князья. Оттон II, разгромив византийцев, договорился с ними поделить сферы влияния, сумел сосватать родственницу императора – не дочь или сестру законных царей Македонской династии, а всего лишь племянницу узурпатора Иоанна Цимисхия Феофано, но даже это считалось высочайшей честью. Зато их сына Оттона III мать-гречанка вырастила религиозным фанатиком, и к тому же, он жил только фантазиями возрождения Древней Римской империи. Очередной раз захватив Рим, постоянно поселился в нем, отгрохал дворец, установил пышный византийский церемониал. Папу низвел до роли своего помощника, председательствовал на церковных соборах. У византийских царей Василия и Константина не было сыновей, но у Константина имелось три дочери. Оттон III всячески силился сосватать одну из них – вот и воссоединится Римская империя. Куда там! Для греков даже он, наполовину грек, оставался «варваром», получил категорический отказ.

На восточной границе Германская империя вела наступление на прибалтийских и полабских славян. В данном отношении союзниками выступали и императоры, и герцоги, и епископы, старающиеся расширить свои владения. Были подчинены племена лужичан, лютичей, ободритов. Но прибалтийские русы, поморяне и пруссы давали крепкий отпор. А покоренные племена были упорными язычниками. Христианство категорически отвергали, а в 983 г. восстали. Перебили немецкие гарнизоны, взяли и разрушили города Бранибор

(Бранденбург), Мисень (Мейсен), Гану, Гамбург и др. Дальнейшие войны против них были безрезультатными.

В этот период выделилось несколько сильных государств по границам Германской империи. Одним из них была Дания. Она приняла христианство на два десятилетия раньше Руси. Датчане располагали сильным флотом, совершали походы на Англию, эта страна попала в зависимость от датских королей. На континенте они успешно били немцев, захватили у них земли, примыкающие к Ютландскому полуострову. В союз с Данией вступило и княжество ободритов. В середине X в. объединились славянские племена мазовшан, вислян и ляхов, и возникла Польша. Она признала себя вассалом германских императоров, приняла немецких миссионеров, польские князья и знать крестились примерно в одно время с Русью. Сильным герцогством считалась Чехия, она тоже являлась вассалом Германии, уже более ста лет была христианской страной. Могущественной была и Венгрия, пока еще языческая.

Когда Оттон III поселился в Риме, он совсем запустил управление Германией, вассалы отбились от рук. Но император по-прежнему вынашивал грандиозные проекты: расширять империю на север, на восток, покорить и крестить прибалтийских славян. Не удалось сойтись с Византией и герцоги не слушаются? Не беда, он найдет другие силы. Оттон совершил большое путешествие в Польшу. Королю Болеславу Храброму присвоил титулы «патриция», «друга и союзника римского народа», учредил для Польши отдельное архиепископство из четырех епархий (у католиков архиепископство соответствовало митрополии). К крещению склонился и венгерский князь Вайк, получив имя Иштван (Стефан). Император и его произвел в «друзья и союзники», пожаловал королевской короной, самостоятельным архиепископством. Но выиграла от этого только поляки и венгры. Они получили собственные церковные структуры, могли больше не оглядываться на Германию, а номинальную зависимость от нее быстро отбросили. Пока Оттон путешествовал, он выпустил из-под контроля и Италию. Она взбунтовалась, и император умирал ее, пока не умер. Его держава окончательно развалилась.

Норвегия и Швеция еще пребывали в язычестве, резали людей в жертву Одину, эскадры викингов по-прежнему безобразничали на морях. Хотя активность пиратских набегов поубавилась. Теперь норманны стремились к более прочным приобретениям или устраивались наемниками к властителям, способным хорошо заплатить. Во Франции они подмяли и превратили в свое герцогство Нормандию. Сделать это было не столь уж трудно. Единой Франции по сути не существовало. Многие здешние феодалы были богаче и могущественнее короля, месились в постоянных сварах. В Испании христианские княжества удержались только в горных районах, плодородные равнины занимал арабский халифат, а нищие испанские княжества жили за счет войн и грабежей мусульман. Арабы удерживали позиции и на Средиземном море, угнездились на Сицилии. Византия заключила с ними союз и использовала в Италии против немцев. Мусульмане воевать умели, громили германских рыцарей, а заодно разоряли и итальянские княжества.

Византия оставалась неоспоримым лидером христианского мира. Она была уже серьезно больна, ее разъедала и подтачивала внутренняя гниль. Но, преодолев период раздоров, она снова выглядела неодолимой. Василий II и Константин считались равноправными царями, хотя реально правил Василий, мрачный и жестокий воин, а брату он не мешал кутить и развратничать. Дочери Константина так и торчали незамужними, за кого же можно выдать столь высоких особ? Старшая, Евдокия, постриглась в монахини, Зоя и Феодора, искали отдушины в тайных похождениях. Когда они раскрывались, скандалы заминали, любовников ссылали, и сохранялась тишь да благодать.

В 989 г. Василию удалось покончить с восстанием Варды Фоки – во время решающей битвы при Абидосе предводителю подали холодной водички с ядом. Второй мятежник, Варда Скляр, укrywшийся в Багдадском халифате, пал духом, обратился в Константи-

нополь, каялся. Император согласился простить его, Склир вернулся на родину, состоялась его встреча с Василием II, а через несколько дней он... умер.

Но за те годы, пока византийское правительство было занято подавлением непокорных полководцев, продолжил наступление царь Западной Болгарии Самуил. Захватил значительные территории в Греции, вывез почитаемые святыни в свою столицу Охрид (ныне в Македонии). Мало того, брат прежнего, низложенного царя Болгарии Бориса II, искалеченный греками евнух Роман бежал из Константинополя. Уж теперь-то склонить к византийцам его было невозможно. Он примкнул к Самуилу. В дополнение к Западной Болгарии восстала Восточная, завоеванная два десятилетия назад. Перебила и выгнала императорскую администрацию, воссоединилась с Западной. В 991 г. Василий II направил свою армию против болгар.

А в их рядах не было единства. В состав болгарского царства входили и сербы, македонцы, далматинцы, валахи, часть хорватов, греков, они не ладили между собой. Крестьяне-повстанцы выходили из повиновения не только ромейской, но и своей знати, а знать косилась в сторону византийцев, предавала. Добавила раздрай богумильская ересь. Это было манихейское сектантское учение, доработанное болгарским попом Богумилом. Объявлялось, что Бог создал только «высший» мир, а земной – сатана, который и властвует в нем. Христос якобы приходил к людям в «эфирном теле», это была лишь видимость. Отрицались Св. Таинства, монашество, поклонение кресту и иконам. Утверждалось, что церкви населены демонами, и каждый человек – вместилище демона. А «чисты», разумеется, богумилы. Ради «чистоты» они отвергали брак, семью, вместо этого внутри общин устраивали свальные оргии.

Ересь строго преследовали и в Византии, и в Болгарии, проповедники бежали в другие страны. Но когда разлилось восстание, она обрела благодатную почву – ведь Византия выступала оплотом христианства, а богумильство противостояло ему. Сектанты обрабатывали крестьян, городскую бедноту, вели их грабить храмы. Естественно, это вызывало конфликты с православной частью болгар. Да и само повстанческое войско далеко уступало профессиональному. В битвах греки одерживали победы. Царевича Романа захватили в плен и уморили в темнице. Но против византийцев выступал весь народ, и удержаться в Болгарии они не смогли, четырехлетняя война кончилась ничем.

Куда более успешно для Константинополя развернулись события на востоке. В Сирии местные эмиры враждовали между собой, бунтовали против египетского халифа, и некоторые из них, чтобы получить помощь, принимали зависимость от Византии. Ее вассалами и союзниками являлись и Грузия с Арменией. Но греки были верны своим традициям, повели с ними точно такую же политику, как когда-то с Болгарией – принялись исподтишка ослаблять и расшатывать собственных друзей, навязывали все более тесное покровительство. Грузинскому царю Давиду Василий II в знак дружбы присвоил византийский придворный чин куропалата, осыпал драгоценными подарками. Но за это грузинское духовенство и сановники должны были ездить в Константинополь, и им тоже давали греческие титулы.

А потом Давид вдруг скончался при совершенно жутких обстоятельствах – на Пасху архиепископ дал ему яд в причастии. Тут же явился Василий II с войском. К нему прибыли цари и князья Грузии, Абхазии, Армении: детей у Давида не было, но он усыновил некоторых соседних властителей, другие были его родственниками, вот и хотели выяснить, кому император отдаст опустевший престол. Однако Василий вдруг объявил: поскольку Давид был византийским придворным, то и царство отходит к Византии. Ошалевших властителей «утешил» тем, что и им даровал чины, кому куропалата, кому магистра. Назначил в Грузию своих наместников, расставил гарнизоны. На тех, кто попытался сопротивляться, бросил корпус русских наемников и раздавил. Множество знатных грузин и армян император попросту захватил и увел заложниками в Константинополь...

Св. Владимир при крещении тоже получил греческий придворный чин. Даже не куропалата и магистра, а второстепенный чин стольника. Это следовало из основной доктрины Константинополя: император – глава христианского мира, все православные являются его подданными. Именно такая установка определяла особенности византийской политики. Интересы империи отождествлялись с интересами христианства в целом и Самого Господа. Отсюда вытекало следствие, очень близкое к идее, к которой придут через несколько столетий иезуиты: цель оправдывает средства. Ради блага империи средства допускались любые.

4. Св. Владимир и его сыновья

Договариваясь о крещении и женитьбе, св. Владимир позаботился и об организации Русской церкви. Никоновская и Иоакимовская летописи сообщают, что князь просил царей Василия и Константина прислать в Киев митрополитом Михаила Сирина, весьма ученого иерея Константинопольской патриархии, но родом болгарина. Это было понятно. Славянские языки в ту эпоху почти не отличались. Новый митрополит и его паства понимали бы друг друга, он мог служить на славянском языке по книгам, переведенным св. Кириллом и Мефодием (этим переводом Православная Церковь пользуется до сих пор). А если уж император был вынужден отдать замуж сестру, ему пришлось уважить и требование насчет митрополита. Князь запросил также «иереи и диаконы и демественники из славян».

Хотя в свите царевны Анны к Владимиру прибыл и большой штат «царевниных» священников. Уж конечно, это был особый, специально подобранный и подготовленный «десант», чтобы «обращать землю Русскую к покаянию». Не перед Богом, а перед греками. Взять князя под контроль, подчинить влиянию Константинополя. Но Владимир Святославович постарался избежать подобных последствий. Он забрал с собой священников и диаконов из Херсонеса. Кроме того, он не порвал связей с Болгарией. Там существовала независимая Охридская патриархия, и по просьбе Владимира от царя Симеона прибыли «иереи учены и книги». Что тоже понятно. Откуда же еще великий князь мог получить в нужных количествах богослужебную литературу? Болгарская патриархия оставалась единственной, где официально было установлено славянское богослужение, Охрид уже сотню лет являлся центром миссионерской деятельности среди славян [100]. Славянские священники имелись и в Византии – из местных жителей, из оккупированной Восточной Болгарии, но Константинополь размножал книги на греческом и насаждал среди подданных греческое богослужение.

Нет, св. Владимир не хотел враждовать с Византией. Он сохранял верность союзническим обязательствам, в составе греческой армии действовал 6-тысячный русский корпус, сражался в Сирии, в Закавказье. Но великий князь не желал, чтобы его втягивали в зависимость от империи, и церковь пытался создавать свою, русскую, а для этого использовал возможность маневрировать между Константинопольской и Охридской патриархиями. Впрочем, и русский корпус на службе империи уже не был теми княжескими воинами, которых Владимир прислал спасать Василия и Константина. Наряду с «русским», его называли «вэрингами» или «варангами», то бишь варягами. Это были наемники, вербовавшиеся как из русичей, так и из балтийских славян, скандинавов. Удальцы, желавшие подзаработать своим мечом. Если такие останутся насовсем на чужбине или погибнут за морем – что ж, это их личное дело.

Крещение потребовало от св. Владимира скорректировать не только политику, но и пересмотреть свои семейные дела. В связи с этим летописец привел легенду, которую в XIX в. подхватили либеральные историки, писатели, композиторы. О том, как князь, насильно взявший полоцкую Рогнеду, охладел к ней, увлекшись другими женщинами. Оскорбленная супруга хотела убить его ножом, но князь перехватил ее руку и вознамерился казнить ее. Повелел одеть свадебное платье и ждать смерти. Однако Рогнеда подговорила ребенка Изяслава, он объявил вошедшему отцу: «Ты не один здесь». Тот устыдился сына, отменил приговор и, по совету бояр, вернул Рогнеде и ее отпрыску отцовский удел, Полоцк.

Все это не более чем байка. К сожалению, Нестор насобирав в свою летопись немало сплетен и фольклорных фантазий, не выдерживающих не то что критики, а даже совсем абсурдных. Например, о том, что у князя было 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 в Берестове. Хотя достаточно вспомнить, что в году всего 365 дней. На 800 дам князю

потребовалось бы более 2 лет! А 8 лет своего языческого правления он провел в непрерывных походах, отправляясь с одной войны на другую, в Киеве бывал лишь короткими наездами. Аналогичную несурязицу легко увидеть и в ситуации с Рогнедой. Владимир состоял с ней в браке 8 лет, и она родила 5 детей. Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, Предславу. Какое уж тут охлаждение! В язычестве она оставалась законной и любимой супругой Владимира. А при удалении жены с ней почему-то уехал лишь старший ребенок, младшие сыновья отправились в другие города, дочь осталась в Киеве...

Кроме Рогнеды, у Владимира было еще несколько жен. Второй по счету стала беременная гречанка, супруга казненного брата Ярополка, на Руси ее звали Преславой. Это диктовалось не извращением, не похотью. По славянским обычаям, вдова переходила к брату покойного. Конечно, бывшая монахиня была не пленницей, а может и не монахиней – Святослав Игоревич и Свенельд, правивший при Ярополке, не приводили пленных византийцев, при заключении мира их вернули императору. Скорее, она была греческой шпионкой, подsunутой направлять политику Ярополка. Она была значительно старше юного мужа, могла воспитывать и наставлять его. Разница ее возраста с Владимиром была еще больше, лет 12–15. Но за преступления супруга она не отвечала, и Владимир поступил, как требовало русское право. С гречанкой он не жил как с женой, но принял в семью, содержал наравне с другими женами и признал своим ее сына Святополка. Хотя на Руси таких детей называли «сыновьями двух отцов».

Авторитет князя, побеждавшего всех врагов, был огромным. Многие монархи хотели заключить с ним союз. Даже христианские властители стремились породниться с язычником, готовы были отдать ему своих родственниц. Среди жен Владимира летописи называют внучку германского императора чешку Мальфриду, родившую сына Вышеслава, еще одну чешку Адель, родившую Святослава и Мстислава, мелькают и норвежка Олова, болгарка Милолика [89]. Не уточняется, от каких матерей родились Судислав и Позвизд. Ревновать у язычников было не принято. Напротив, славянки гордились количеством жен у своих мужей. Та же Рогнеда намеревалась стать второй женой Ярополка в дополнение к гречанке.

Но когда князь обратился к Христу и предъявил претензии на руку византийской царевны, многоженство оказалось уже недопустимым. Дети и те его супруги, кто еще пребывал в язычестве, приняли крещение одновременно с Владимиром. Но этих жен и впрямь требовалось куда-то убрать. Помог другой обычай, издавна существовавший на Руси, давать детям в уделы те или иные города. Сыновья еще детьми ехали туда с пестунами-боярами, с младых лет постепенно постигали искусство управления, ведения хозяйства. Для них формировали дружины из сверстников, боярских сыновей, они росли вместе с князьями, становились их помощниками. Так когда-то росли Святослав, сам Владимир с братьями.

Теперь великий князь сделал то же самое. Старшего сына, Изяслава, назначил в Полоцк. С ним отправил и любимую Рогнеду. Государь счел, что в родном городе ей будет легче перенести перемену своего положения. Вышеслав был определен в Новгород, с ним уехала Мальфрида. Святополк с матерью-гречанкой получил Туров, землю дреговичей, Святослав с чешкой – землю древлян. Мстислав был назначен в Тмутаракань, Ярослав в Ростов, Всеволод во Владимир-Волынский, Судислав в Псков. Но какого-либо разделения страны это не предполагало. Владимир назначал сыновей не в центральные города, а по границам. Они оставались в полном подчинении отца, выступали его наместниками на далеких окраинах, должны были вырасти настоящими правителями и воинами.

На Руси было учреждено четыре епархии. Но процесс ее обращения к новой вере стал далеко не быстрым и не гладким. Крещение Киева воодушевило князя, сразу же после этого был намечен Новгород. Уж этот-то город был для Владимира почти родным, его главной опорой. Его дядя Добрыня вообще «прирос» к Новгороду, женился на местной боярышне. Тут и христианство уже начало утверждаться, действовал храм Преображения Господня.

Сюда и отправился с легким сердцем Добрыня Никитич с недавно окрещенными дружинниками и епископом, Иоакимом Корсунянином. Этот уроженец Херсонеса был достойным пастырем, искренне отдал себя великой задаче, привести к вере Христовой северные края. Он знал русский язык, впоследствии записывал исторические предания новгородцев и стал автором летописи.

Но это было позже, а поначалу Новгород встал на дыбы против христианства. При чем организовали сопротивление не язычники, а «волхв» Богомил, проповедник богумильской ереси. Объединиться с язычниками оказывалось для еретиков ничуть не зазорно, главное – не допустить утверждения Православия. Богомил взбунтовал народ, его поддержала и часть бояр, постановила новой веры не принимать. Восточную, Торговую сторону, где жители составились из словен, тысяцкий Путята удержал в повиновении. Встретил Добрыню, Иоаким ходил по улицам и учил людей, за два дня окрестил несколько сот. А западную часть города населяли финны-нарова, они были настроены совершенно иначе. Выбрали себе другого тысяцкого, Угоняя. Вооружились, разобрали мост через Волхов, выставили заряженные камнеметы.

Богомил и Угоняй подзуживали мятежников, толпа кинулась к дому Добрыни, зверски растерзала его жену, слуг и родных, разнесла храм Преображения. Только после того, как дошло до бесчинств, Добрыня применил силу. Ночью через Волхов переправился Путята с отрядом из 500 человек, захватил Угоняя с несколькими зачинщиками. Остальные бунтовщики навалились на десант, прижали к реке. Но утром к нему подоспел Добрыня с дружиной, велел поджечь ближайшие дома. Часть язычников разбежалась тушить пожар, других сломили, и они запросили мира. Условие было – снести капище и уничтожить идолов. После этого началось крещение новгородцев в Волхове. Оно шло непрерывно в двух местах, мужчины приходили и крестились выше моста, женщины ниже [30].

Ну а в Залесскую землю поехал первый ее князь Ярослав, будущий Мудрый. Но в то время вряд ли кто-нибудь стал бы называть его «мудрым», он был еще мальчиком, хромым от рождения. Он поехал с греком, епископом Федором. Однако здесь результат стал вообще нулевым. Город Ростов епископа выгнал. Князя-христианина тоже принимать не желал. Ярославу пришлось остановиться в селении с красноречивым названием Медвежий угол. Местные жители воспротивились, чтобы князь жил у них, но мальчик и его опекуны не устрашились, проявили упорство. Отец дал Ярославу хороших дружинников, и в стычках они взяли верх. На месте Медвежьего угла возникла крепость Ярославль.

Постепенно отряд Ярослава осваивался в северных краях, приучал людей уважать власть князя. Через некоторое время из Киева прислали другого епископа, грека Илариона. Ростовцев заставили принять его. Но крестились только суздальцы. На суздальском ополье селились пришлые славяне, не связанные с финскими племенными культурами, и их оказалось легче обратить в истинную Веру. Меряне же отвергали ее напрочь. Подчиняться они не отказывались, платили подати. Но как только дело касалось их религии – стояли твердо, крещение отвергали и храмов строить не позволяли. А вокруг епископа в Ростове нагнеталась такая атмосфера, что он предпочел сбежать. В итоге в Залесской земле вместо одного главного города стало два, языческий Ростов и христианский Суздаль, куда и переместилась княжеская администрация.

Эти конфликты породили шутку в адрес новгородцев – знаем, мол, какие вы христиане, Добрыня крестил вас огнем, а Путята мечом. Атеисты и либералы выдернули фразу из контекста летописи, преподносили ее так, будто речь шла о германских крестоносцах. Хотя на самом-то деле после первых конфликтов св. Владимир принял принципиальное решение, определившее русскую церковную политику на много веков вперед: насильственного крещения не насаждать. Действовать не страхом, не расправами, а именно по-христиански, убеждением и силой Слова Божьего. Карательных экспедиций в Ростов не посылали. А кре-

щение следующего большого города, Чернигова, произошло лишь через 3 года после Новгорода, в 992 г. Сперва подготовили, а уж потом провели. Крещение соседнего с Черниговом Смоленска состоялось аж через 21 год...

Впрочем, распространение христианства задерживалось не только противодействием язычников, а и другими причинами. Где было набрать священников для всей Руси? А что толку окунать людей, если не объяснить им суть христианского учения? Греческие священники были не способны донести его до русичей. Примутся лопотать и петь на непонятном языке – не обратят, а отпугнут. Оставалось рассчитывать на болгар и готовить собственные кадры. Для этого Владимир открыл в Киеве первые в нашей стране училища, определял туда детей и подростков.

Надо сказать, грамотных на Руси, в отличие от Западной Европы, было очень много. Удобная в обиходе кириллица получила широкое распространение даже раньше принятия христианства. В Новгороде торфяная почва хорошо сохраняла древесину, и до нас дошло большое количество берестяных грамот. Образцы их найдены и в Старой Руссе, Смоленске, Пскове, Витебске, Мстиславе. Они показывают, что писать умели и мужчины, и женщины, и слуги, даже сапожники подписывали свои колодки [19, 72]. Но училища, кроме грамоты, давали православное воспитание, готовили будущих чиновников, а в первую очередь – необходимых, как воздух, священнослужителей.

Сам Владимир воспринял христианскую веру глубоко и искренне, всей душой. В Киеве он начал строить величественный собор Успения Пресвятой Богородицы. Выписал архитекторов и художников из Византии, отдал этому храму драгоценную утварь, вывезенную из Херсонеса, отделил десятую часть доходов от своих сел – отсюда пошло другое название собора, Десятинная церковь. Великий князь стремился строго выполнять евангельские заповеди. Устраивал массовые раздачи милостыни для бедных, одаривал их деньгами, продуктами. Мало того, приказал, чтобы хлеб, овощи, мясо, мед, квас, возили по улицам для престарелых и больных, которые не могут сами прийти во дворец. При храмах организовывались богадельни, больницы, странноприимные дома.

Пытаясь буквально следовать Евангелию, государь даже отменил смертную казнь. Прощал преступников или смягчал кары, довольствуясь штрафами. Правда, ни к чему хорошему это не привело. Разбойники почувствовали безнаказанность, стали наглеть. Множились грабежи, убийства. И получилось так, что священники и епископы не заступались за осужденных, а наоборот, наставляли князя быть строже. Доказывали, что для правителя добродетелью является отнюдь не всепрощенчество, а соблюдение справедливости. Грех не в том, чтобы наказать преступника, а в попустительстве преступлениям, ведь от этого пострададут другие люди. «Ты поставлен Богом на казнь злым, а добрым на милование» [31].

Владимир внес поправки в законы в соответствии с греческим Номоканоном. Священники и все церковные учреждения выводились из юрисдикции светских властей и подчинялись лишь своему начальству. Епископам предоставлялись большие полномочия, в их ведение передавались разборы семейных споров, дела о супружеской неверности, незаконных браках, идолопоклонстве, волшебстве, непристойной брани и др. Великий князь пробовал организовать и миссионерскую деятельность, донести свет христианства до печенегов, в 990 г. послал философа Марка Македонянина к волжским болгарам [30]. Но печенеги оказались к вере в Христа почти не восприимчивы, крестился лишь один из ханов. А в Волжской Болгарии прочно утвердился ислам, и сменить веру склонились только несколько мелких князьков.

5. Св. Владимир и его богатыри

Для преобразований и просвещения Руси мирного времени в общем-то и не было. Наша страна принимала христианство от Византии, готова была дружить с ней, но мог ли император простить Владимиру, что он навязал собственные условия? Мог ли смириться с претензиями «варваров» держаться на равных с Константинополем? Могучая Русь была для греков как бельмо на глазу. Почти сразу же после похода на Херсонес и крещения Киева, с 990 г., начались набеги печенегов, давних византийских союзников. С предшественником Владимира, Ярополком, развалившим державу и сдавшим завоевания Святослава, печенеги поддерживали очень теплый альянс, а теперь внезапно, без всякой видимой причины, будто с цепи сорвались.

Силы Руси были неизмеримо больше, чем у кочевников. Печенеги не были едиными, разделялись на восемь кланов с собственными ханами, не всегда ладившими между собой. Хазарским каганам, а потом и Святославу удавалось привлекать часть из них на свою сторону. Но сейчас сказывалась невидимая организующая рука, против русичей нацелились все кланы. А опасность их заключалась не столько в численности, сколько во внезапности – попробуй угадай, где и когда ворвутся орды конницы? Под удары попадали южные, самые плодородные районы. Степняки рассыпались облавами. Полыхали костры деревень, свистели стрелы и сабли, и падали землепашцы, едва успевшие схватить рогатину или топор.

Князья и бояре поднимали дружины, выступали полки городов, но печенеги уже поворачивали обратно. Исчезали в мареве степей колонны возов с награбленным добром, стада угнанного скота, довольные всадники понукали пленных, связанных длинными вереницами – понурых мужиков, отборных баб и девок, подростков. В выигрыше оказывалась... Византия. Печенеги стали в Херсонесе одними из главных поставщиков воска! Хотя никогда в жизни не собирали его, бортничеством в лесах занимались славяне. А работорговля превратилась в основной промысел херсонесских евреев. Перехватить хищников было трудно, и борьба шла с переменным успехом.

Первыми набегами орда кочевников разорила окрестности Киева, но увлеклась грабежами. Государь собрал воинов и вывел наперерез, встретил врага на обратном пути под Переяславлем. В сражении печенегов разнесли наголову. Но пока одни кланы зализывали раны, лезли другие. Св. Владимир с небольшой дружиной отправился в собственную загородную резиденцию Василев, праздновал Преображение Господне, и неожиданно доложили о появлении печенегов. Князь счел, что это отдельная банда, храбро вылетел с наличными воинами, а на него выкатилось огромное полчище. Дружину смели, сам Владимир спасся лишь чудом, спрятался под мостом и молился. Потом в благодарность за избавление построил храм Преображения, оделил нищих чрезвычайно щедрой милостыней.

Чтобы справиться с этой напастью, Владимир принялся создавать на южных рубежах мощную систему обороны. На правом берегу Днепра, прикрывая подступы к Киеву, строилась линия крепостей по р. Стугне. Превратились в крепости княжеские села Белгород и Василев, возводились Триполь, Тумаш, Витичев. На днепровском Левобережье устраивались несколько линий. Передовая по р. Суле с городом Воишь, за ней – линия по р. Трубеж, опирающаяся на Переяславль, за ней – крепости по Остру и Десне, прикрывающие Чернигов. Намечая рубежи обороны, Владимир и его воеводы использовали древние системы Змиевых валов, в незапамятные времена насыпанных славянами против сарматов, гуннов. В некоторых местах сооружали новые валы, соединявшие крепости между собой. Они тормознут конницу, помогут выиграть время для организации отпора.

А заселять опасное приграничье зазывали добровольцев из северных земель – словен, кривичей, чудь, вятичей. Это и были богатыри Владимира Красно Солнышко, воспетые в

былинах. Соглашался-то, конечно, не каждый. Приходили самые удалые, отчаянные. Спокойной жизни и сказочных заработков им не обещали, наоборот – тревоги и битвы. Давали землю, давали службу, кольчугу, шлем, острый меч и меткое копье. Ну а к этому прилагались всего лишь честь, слава и благодарность народа, если сумеешь заработать ее. На валах, на курганах появились знаменитые заставы. Наблюдали за степью, при угрозе зажигали подготовленные костры. Завидев огни или дым, приводились в готовность гарнизоны крепостей. В свою очередь, поджигали огненный сигнал. Он передавался в глубь страны. Крестьяне бежали укрываться в лесах или городах, князь и бояре исполчали воинов...

Сами богатыри, перемешавшись и спаявшись общей судьбой, были уже не вятичами или чудинами, а просто русичами. А их подвиги и самоотверженность, как позже выяснилось, не только цементировали границы государства. Они закладывали кирпичики в фундамент культурных традиций русского народа. Традиции-то стали особыми. Западный эпос превозносил доблесть ради доблести, восхвалял рыцарей, героически месившихся между собой. Потому что и авторам платили те же рыцари. Скандинавский эпос славил драки викингов друг с другом, их успехи на чужеземной службе, количество добычи. Ну а как же иначе, из этой добычи викинги платили певцам-скальдам.

Но достижения русичей под знаменами византийских императоров отмечали разве что греческие, арабские, кавказские историки. На родине они никого не интересовали. На родине воспевали лишь тех воинов, кто защищал свою страну. Дядю и воеводу св. Владимира народная память превратила в одного из любимейших богатырей Добрыню Никитича. Их современником был и Никита Кожемяка, участник битвы под Переяславлем. Реальные Алеша Попович и крестьянский сын Илья Муромец жили и сражались позже. Тем не менее былины подметили важную деталь. На княжескую службу принимали людей любых сословий, независимо от происхождения. Принимали и иноплеменников: среди былинных богатырей называются Михаил Козарин, удалой Рахдай. Св. Владимир привлекал в войско печенежских врагов: торков, черных клобуков (каракалпаков), ясов (осетин), касогов. Приезжали к нему и венгры, скандинавы.

Но каждый, поступавший на службу, обязан был принять крещение, и сама эта служба становилась еще одним способом внедрения христианства. Хотя новые традиции св. Владимир соединял со старыми, славянскими. Например, сохранил обычай княжеских пиров с дружиной. Это были отнюдь не попойки, а старинный ритуал. Хмельное употреблялось умеренно, существовал порядок чередовавшихся заздравных чаш или пускаемых по кругу братин. Дистанция между монархом и его сотрапезниками поддерживалась, но пиры сплачивали дружину с князем. А к св. Владимиру за стол приглашались и видные горожане. В непринужденной обстановке он советовался с подданными по тем или иным вопросам, каждый имел возможность высказать свое мнение.

Сражаться приходилось не только с печенегами. Поляки по-прежнему с аппетитом косились на Прикарпатье. Вместе с ними выступили белые хорваты, подданные Венгрии. В 992 г. св. Владимир выступил на них, разгромил и утвердил западную границу по естественному рубежу, Карпатскому хребту. Не успокоились и волжские болгары. Вторгались в муромские и ростово-суздальские земли, грабили. Св. Владимиру пришлось предпринимать походы на северо-восточную окраину в 994, 996 гг. Изгнав и наказав соседей, заставлял их подтверждать мирные договоры. Постарался и понадежнее защитить дорогу по Клязьме в глубины Залесского края, на месте древнего торгового поселения основал крепость Владимир. А набеги печенегов не прекращались. Они безуспешно осаждали Белгород, пробовали прорваться к Киеву. Словом, опять получалось – с войны на войну.

Между тем, в самом Киеве назревал нешуточный конфликт. Около 992–994 г. умер митрополит Михаил Сирий. Его преемником стал грек Леонтий, и на этот раз митрополита выбрали не русские, на его кандидатуре настоял Константинопольский патриарх Николай

ХризOVERг. Он взялся проводить ту политическую линию, которую считала полезной Византия. Разумеется, в первую очередь от Владимира требовали расторгнуть связи с Болгарией. А еще лучше, объявить ей войну. Патриархия и ее ставленник нажимали, что надо бы пересмотреть отношения и с западными странами. И если сами греки не считали нужным ссориться с католиками, то для Руси надо было ограничить свободу внешней политики, Леонтий написал целый трактат «против латинян» [93].

Киевское великое княжество подталкивали в струю чисто греческого влияния. А для этого очень важным было внедрить византийскую культуру, систему понятий и этикета. Пускай русичи ориентируются на «ромеев», перенимают их образ жизни, свято почитают особу императора. Ведь именно таким способом грекам удавалось разлагать и подчинять Болгарию, Сербию, Грузию, Армению, перетягивать на свою сторону и перекупать знать. Причем почти без затрат – всего-навсего обольщая, снисходительно признавая «почти ромеями» и раздаривая не стоящие ни гроша греческие чины и титулы!

Но обвести вокруг пальца св. Владимира было трудно. Он не мог не догадываться, кто ему пакостит печенежскими набегами, и «дружбу» Константинополя оценивал более чем трезво. В международных делах великий князь вел себя независимо, пришлым дипломатам и церковникам вмешиваться в них не позволял. Обменивался посольствами с Германией, заключил мир и союз с Польшей, Чехией, Венгрией. Взаимовыгодные отношения с Болгарией не порывал, а укреплял. Она выглядела политическим противовесом Византии, царь Самуил опять одерживал победы, присоединил Черногорию, в самой Греции у него было много сторонников.

Культуру греков св. Владимир перенимал весьма охотно, но... только лучшее. Приглашал архитекторов, мастеров, иконописцев. А превращать Русь в окраинный филиал Византии он отнюдь не намеревался. Греческое духовенство доказывало, что пиры и скоморохи – грех. Разъясняли, что князь таким образом роняет свое достоинство. Правда, их собственный младший соправитель Константин пил сверх меры, проводил время на ипподромах и ристалищах, но это грехом не было и достоинства не роняло. Нет, Владимир доводам не внимал, пристраиваться к византийскому этикету даже не думал.

Сам государь был человеком очень культурным для своего времени, любил чтение, «книжную премудрость». Но ведь и эта премудрость приходила в основном через Болгарию. Среди книг той эпохи, популярных на Руси, известны «Евангелие учительное Константина Болгарского», природоведческий «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, энциклопедический «Изборник» – перевод с греческого, сделанный для болгарского царя Симеона. Из Болгарии шли и переводы исторических хроник, житий святых, эпических поэм. Владимир считал не грешным учиться чему-то полезному и у других народов. Специально направил гостей-купцов в Рим, Иерусалим, Багдад, Египет «посмотреть обычай». Опять же, может быть, завязать полезные контакты.

Нежелание св. Владимира следовать курсу, который ему навязывали, вызывало трения. Случилась накладочка и с церковной собственностью. В Византии многие иерархи становились очень состоятельными людьми, крупными землевладельцами. На Руси церковь тоже жаловали щедро, но Владимир в церковном уставе четко зафиксировал апостольское правило, что достояние церкви – это «нищих богатство, церквам, монастырям, пустыням подъятие, живым прибежище, а мертвым памяти». В свою очередь, и у государя были серьезные претензии к грекам. За германскими монархами Константинополь признал титул императоров, пусть и «варварских». А куда более могущественного властителя Руси упорно именовал «архонтом». Это означало не более чем «князь». Мало того, титул архонта носили правители византийских провинций. Что ж, коли так, св. Владимир вспомнил другой титул, его носили еще Гостомысл, Рюрик: великий каган. Титул тюркский, но по рангу он соответствовал царскому [85, 100].

Проводником политики Константинополя в Киеве должна была стать не только митрополия, но и супруга государя. Не зря же говорят, «ночная кукушка дневную перекукует». Но с ролью «кукушки», ни ночной, ни дневной, Анна не справилась. Влияния на мужа она не оказывала ни малейшего и не отметилась ни в одном значительном деле. В летописях о ней от свадьбы до смерти не упоминается вообще ничего. Дважды мелькнула в хрониках, а в промежутке будто ее и не было [30]. Единственная добрая характеристика – построила на Руси «много церквей». Ясное дело, греческих. А ее супруг строил отечественную.

При св. Владимире на Руси уже появились первые монахи. Набожный юноша Антиппа из Любеча уехал на Афон, принял там постриг с именем Антония, вернулся на родину и поселился на берегу Днепра в пещере, выкопанной разбойниками. Но подготовку священников из русских кандидатов греки притормаживали, под разными предлогами отказывались рукополагать их, силились удержать собственную монополию. А великий князь не ходил к греческим священникам. Кстати, и Св. Причастие принимал не у них. Мало ли что? Береженого Бог бережет...

В 996 г. была завершена и освящена великолепная Десятинная церковь, Успенский собор. Лучший в Киеве. Да что там лучший – пока единственный на Руси храм подобного уровня. Но великий князь отдал его не митрополиту, не «царевниным попам». Весь клир он составил из херсонесских священников, а настоятелем назначил Анастаса Корсунянина – того самого, который пустил стрелу с запиской и помог взять город. Изменника Византии, полностью связавшего судьбу с русскими.

Это уже был скандал, на грани явного разрыва. А церковный конфликт был однозначно связан с семейным. В общем-то супружеская жизнь Владимира и Анны получилась такой, что никак не позавидуешь – ни ему, ни ей. Да и каким могло быть супружество, если жена заранее настроила себя, что ее «заживо хоронят»? Если муж заведомо был для нее «грубым скифом», неполноценным чудовищем? А себя воспалила мыслью, что она – эдакое жертвоприношение во имя империи? И на тебе... жертвоприношение получилось напрасным. Супруг превращаться в «ромея» не намерен, а слушаться советов, внушаемых ему через жену, тем более.

Князь находился в походах, на пограничных рубежах, устраивал и оборонял государство, совещался с боярами, пировал с дружиной – а княгиня все это время варилась в замкнутом пространстве терема, в одном и том же кругу с греческими дамами и служанками, евнухами, «царевниными» священниками. Растравляла себя воспоминаниями о Константинополе, раздражалась непохожей жизнью, манерами русских, поведением Владимира. Сюда за поддержкой наведывался и митрополит, шастали его присные, шушукались, вырабатывали выигрышные, как им казалось, ходы.

Когда муж, усталый и измотанный, или наоборот, радостный и окрыленный, появлялся в покоях супруги, много ли он находил душевного тепла, сочувствия, внимания? Ждали ли его любящие жадные объятия? Нет, ждали косые взгляды, нервно поджатые губы. Ждало неприязненное и напряженное тело. В самые неподходящие моменты – попытки поучать. Когда что-нибудь не по шерсти Константинополю – слезы и истерики. Потом в ее разговорах с приближенными выплескивались сплетни и обиды. А Владимир был бы плохим князем, если бы не имел в окружении Анны собственные глаза и уши.

Ответ государя на византийские происки, демонстративная передача Десятинной церкви Анастасу, вывел из себя греков, закрутил новые клубки интриг, и терпение Владимира лопнуло. Он решил покончить с таким положением. Перевести Русскую церковь под юрисдикцию Охридской патриархии и расстаться с Анной. Что было первичным? Впрочем, разделять было бы бессмысленно. Это были две стороны одной медали. Переход в лоно Болгарской церкви автоматически вызвал бы желание Анны разорвать с мужем. А расторжение брака с Анной автоматически означало разрыв с Константинопольской патриархией.

Разводы венценосных супругов в тех или иных государствах иногда случались. При этом жена обычно постригалась в монахини. А предлог у Владимира имелся основательный, его признавала Церковь во всех христианских странах – бесплодие жены. Восемь или девять лет для проверки было куда больше, чем достаточно. Но, если уж разобраться, то удивляться бесплодию Анны не приходилось. Наследственность-то у нее была очень неважной. По политическому престижу – недостижимая по рангу невеста Европы, а с медицинской точки зрения – дочь хронического алкоголика Романа II и трактирной шлюхи Феофано. Здоровье у Анны было слабым (умерла в 48 лет), да и ее братья известны патологиями. Василий II вообще не интересовался женщинами. Константин VIII (как и Василий II), страдал садизмом, ходил в застенки любоваться на пытки...

Как бы то ни было, Русь изменила политический курс, а императорская сестра удалилась доживать век в монастыре. Сведений об этом не осталось ни в одной летописи. Потому что в них с 997 г. следует... обрыв на целых 17 лет! Вся вторая половина княжения св. Владимира оказалась из них удалена [30]. Последующие греческие митрополиты Киева постарались напрочь изъять этот период. Исторические события данных лет приходится восстанавливать по крупицам, по отдельным упоминаниям, иностранным источникам.

И все-таки спрятать правду не удалось. Кое-что не досмотрели. В тех же самых летописях, в житиях святых, дружно, в один голос указывается: младшие сыновья великого князя, святые Борис и Глеб, родились от болгарки, и в 1015 г. оба были еще юными, неженатыми. Болгарку летописцы упоминают в общем списке «языческих» жен св. Владимира. Очевидно, она была дочерью или внучкой царя Самуила. Расторгнув брак с Анной, великий князь повенчался с ней. Это четко соответствует выводу многих ученых о переориентации Русской церкви на Болгарию [16, 30]. Некоторые источники приводят имя болгарки – Милолика или Милица [89]. Что ж, красивое имя. Невольно наводит на мысль, что и сама княгиня ему соответствовала. И только Ипатьевская летопись, вообще обойдя молчанием византийку, сообщает, что женой св. Владимира была болгарская царица, а христианское имя у нее было такое же, как у предшественницы, Анна.

С молодой женой государь наконец-то нашел и настоящую любовь. Она видна хотя бы из отношения к детям от нее. Видна даже из имени их первенца. Имя резко выделяется из тех, которые были приняты до сих пор в роду Рюриковичей. Борис. Оно болгарское, причем не простое. Это имя св. равноапостольного Бориса, крестителя Болгарии. И имя Бориса II, последнего царя единой Болгарской державы. Ну а Византию Владимир Святославович вогнал в такой шок, что глубже уж просто некуда. На протяжении веков лишь несколько монархов сумели правдами и неправдами жениться на представительницах императорской семьи. Но чтобы пренебречь столь высокой особой и развестись с ней – подобных случаев еще не было! На это оказался способен только русский князь. Хотя, с другой стороны, это ведь тоже показатель престижа государства и его могущества, разве не так?

6. Св. Владимир и заговорщики

Альянс Руси и Болгарии крайне встревожил императора Василия II. В 1000 г. он как раз завершил покорение Грузии и Армении, свернул боевые действия в Сирии и все силы перебросил на Балканы. С 1001 г. развернулось наступление на Болгарию. Царя Самуила в Македонии клевали отвлекающими ударами, а основные византийские контингенты вторглись в Восточную Болгарию. Русь не могла оказать ей помощь. Снова активизировались печенеги, связали ее войной. К тому же, в Восточной Болгарии царила повстанческая анархия, кому там помогать? Зато для греков это облегчало победы. Некоторые болгарские бояре и православные епископы сами передавались императору, чтобы защитил от разгулявшихся мятежников и еретиков. А Василий II теперь продвигался не торопясь, закреплял каждый шаг. Пали Видин, Плиска, Преслава [100]. Повстанцев истребляли, опустошали землю, сжигали селения, массы людей угоняли и переселяли на Кавказ. К 1004 г. Восточная Болгария была захвачена, а Западная – отрезана от Руси.

После этого Василий II перешел к планомерной осаде Самуила. Попросту покупал его военачальников, и они сдавали город за городом. Болгарское царство уменьшалось, зажималось в горных районах. А в 1014 г. при Кимвалунге Самуил пытался защитить проход по ущелью. Но византийский отряд горными тропами вышел ему в тыл, возникла паника и войско было разгромлено. Самуил едва спасся бегством, 15 тыс. болгар попали в плен. Император приказал всех ослепить. На каждую сотню оставляли одного поводыря, выкалывая ему только один глаз, и отпускали прочь. За это Василий II получил прозвище Болгаробойца.

Когда слепое воинство пришло к Самуилу, он не выдержал, умер от отчаяния. Наследником был его сын Гавриил-Роман, но византийская агентура умело плела заговоры среди болгарских аристократов, и царевич даже не успел сесть на престол, его убил родственник Иоанн-Владислав. Он объявил себя царем и обратился к грекам, просил мира, заранее соглашался на все требования императора, обещал полное подчинение. Не тут-то было. Императору не требовалась вассальная Болгария, он хотел вообще ее ликвидировать. Вскоре Иоанн-Владислав пал от руки неизвестного убийцы, и страна рассыпалась на десятки мелких владений. Василий II скопом покупал их начальников, принимал на службу, присваивая греческие чины.

Болгарской церкви император даровал грамоту, подтверждающую ее права, она сохраняла особый статус и окормляемые ею области. Но как только угасли остатки сопротивления, византийцы расставили в городах гарнизоны, назначили свою администрацию. Болгарскую знать Василий переселял в греческие области, заставлял перемешиваться с греками, вступая с ними в браки. Сотни тысяч простых людей депортировали на Кавказ. А Болгарскую церковь превратили в архиепископию в составе Константинопольской патриархии, и о ее автономии было забыто.

Погромы в Болгарии вызвали приток эмигрантов в нашу страну, в том числе столь необходимых священников, учителей. Св. Владимир охотно принимал их, они обретали новую родину. Руси участь Болгарского царства никак не грозила. Император мог сколько угодно злобиться, строить каверзы, но сокрушить Киевскую державу было не в его силах. Набеги печенегов теперь успешно отражались. Укрепив южные рубежи и создав базы в приграничных крепостях, св. Владимир и его воеводы сами начали совершать походы в степь. Южные районы обрели безопасность, заселялись и благоустраивались, прежде безлюдные просторы оживали деревнями, колосились засеянными полями. Разрастался и красавец Киев. Иностранцы называли его «вторым Константинополем», историк Титмар со слов очевидцев-поляков писал, что в нем «находилось более 400 церквей, 8 торговых пло-

щадей и необычное скопление народа, который, как и вся эта область, состоит из беглых рабов, стекшихся сюда отовсюду... Киев оказывал постоянное сопротивление печенегам».

Насчет рабов поляки, конечно, наврали из вражды к русичам, но доля истины в их словах была. Если холоп бежал от язычника-хозяина и принял крещение, его не выдавали. Как же можно христианина отдать язычнику? А коли так, то и состоятельным язычникам приходилось призадуматься, не пора ли сменить веру, чтобы не разориться? Строго запрещались и браки с иноверцами. Полюбил крещеную девицу – крестись сам. Да и вообще жить в богатом Киеве оказывалось выгодно и безопасно, а чтобы влиться в мир христианского города, нужно было стать христианином. Сюда перебирались купцы, умелые ремесленники.

Но торговлей и промыслами на Руси не гнушались заниматься не только простолюдины, а бояре, князья. Не сами, конечно, а через тиунов, управляющих. На этом разбогатело новгородское боярство, «триста золотых поясов». А св. Владимир организовал в Вышгороде, Белгороде, Берестове большие мастерские по производству полотна, вышивке. Как раз эти мастерские с сотнями работниц враги князя изобразили в сплетнях его гаремами. Русь богата, начала чеканить свою монету, золотую и серебряную – с надписями «Владимир, а се его серебро», «Владимир, а се его злато», «Владимир на столе» [30]. По тогдашним понятиям, это тоже было политической акцией. Вассальный князь обязан был указать на монетах имя своего сюзерена. «Владимир на столе» означало царя, самодержца. Без малейшего намека, что византийцы числят его своим подданным.

Св. Владимир пользовался колоссальным уважением за рубежом. К нему присылали дипломатов, обращались с просьбами. Германский император Генрих II попросил пропустить миссионера Бруно Квертфуртского к печенегам, и великий князь не отказал. Русь от Православия не отступала, и о проповеди латинян на ее территории даже речи не было. Но у печенегов – почему бы и нет? Это могло быть полезным, вывести степняков из-под византийского влияния. Владимир хорошо принял Бруно в Киеве, лично проводил до пограничных валов, но предупредил, что сильно сомневается в успехе. Ведь и сам князь уже пробовал обращать печенегов в христианство. И действительно, миссия не дала никакого результата.

Но при всех достижениях Руси она оставалась очень непрочной. Народы, вошедшие в состав государства, еще не были связаны общими историческими судьбами, каждый осознавал себя отдельной общностью, жил «своим обычаем». А городское боярство составилось из бывших племенных верхушек, тянуло к самостоятельности. Почему оно должно подчиняться Киеву? Первая трещина возникла там, где объединение племен было самым недавним и «срастись» так и не успело, в Полоцке. Переезд туда княжича Изяслава, а тем более Рогнеды, был серьезной ошибкой государя. Полочане не забыли, как их город взяли новгородцы, как убили их князя с сыновьями. Возвращение его дочери восприняли как восстановление прежней, «законной» власти.

Видимо, и Рогнеда, оскорбленная разводом, поощряла такие настроения. В какой-то мере они даже соответствовали древнему русскому праву: приданое считалось собственностью жены, при распаде семьи возвращалось ей [73, 93]. В данном случае под «приданным» начали подразумевать Полоцкое княжество. Изяслава мать женила на местной девушке. В 1000 г. Рогнеда отошла в мир иной, через год преставился и Изяслав. В Полоцк следовало послать другого сына государя, но городское боярство потребовало, чтобы у них княжил внук Брячислав – ребенок Изяслава, здешний уроженец. Владимир счел вопрос принципиальным и согласился. Стоило ли ссориться с целой областью из-за пустяков? Какая разница, кто из его потомков будет там править? Глядишь, вернее будут служить со «своим» князем. Это была еще одна ошибка. Полочане убеждались в своей самостоятельности, снова возникала отдельная династия.

Около 1010 г. умер еще один сын, новгородский князь Вышеслав. Тут проблем, вроде бы, не было. Великий князь перевел в Новгород Ярослава. Несмотря на молодость, он уже

получил неплохую подготовку, накопил опыт правителя. Установил контроль над Залесской землей, хорошо себя проявил в столкновениях с волжскими болгарами. А вместо Ярослава в глухой Залесский край св. Владимир направил подрастающих младших детей, Бориса и Глеба. Борис должен был княжить в Ростове, а Глеб в беспокойном приграничном Муроме. Приехали они вместе, остановились лагерем в Кидекше, сопровождавшие бояре отправили делегацию договариваться с муромлянами. Но и они оказались упрямыми язычниками, Глеба впускать отказывались. Их убеждали, уламывали, угрожали – ничего не помогло, «невернии быша людие и жестоцы и не прияша его к себе». Глебу, как когда-то Ярославу, пришлось строить отдельную резиденцию [12].

Борис и Глеб были из первого русского поколения, родившегося уже в христианстве. Их детские годы прошли в бурной атмосфере торжествующего Православия, его распространения по стране, разговоров о нем – и ученых, и наивных, в атмосфере откровений и свершений. Оба мальчика с пеленок впитали этот радостный дух Веры и несли его в себе. Чистые, незамутненные, они жили христианским учением и только им. Они и свое назначение на север восприняли в первую очередь как задачу миссионеров. О сборе податей договаривались их опекуны, а они видели главным Веру. Боярский Ростов помаленьку шел на уступки. Видные горожане начинали креститься, если не из веры, то ради карьеры. В городе был построен дубовый храм Пресвятой Богородицы. А Глеб построил церковь Спаса в своей резиденции. Он привез с собой и нескольких монахов. Возможно, соплеменников матери, болгар. Основал первый на территории России Спасо-Преображенский монастырь. Надеялся, что это поможет обратить язычников, но пока его надежды оставались тщетными.

Ну а Ярославу в Новгороде потребовалось сразу же подтвердить свои воинские качества. При киевском дворе нашла пристанище вдовствующая королева Норвегии Астрида с малолетним королем Олафом – им пришлось бежать от родственника, принца Эрика, захватившего престол. Олаф рос и учился на Руси, служил Владимиру, при его поддержке набравал дружину и отправился добывать свое королевство. По некоторым данным, с ним пошел отряд волынского князя Всеволода Владимировича. Он сложил голову в Скандинавии, но Олаф победил и выгнал Эрика.

Тот укрылся в Швеции и крепко обиделся не только на соперника, но и на русских. Задумал расквитаться с ними, а заодно приобрести какие-нибудь владения взамен Норвегии. Заключил союз со шведским королем Олафом Скотконунгом, получил возможность набрать войско и внезапным налетом захватил Ладогу. Но устроить на Руси то ли герцогство, то ли пиратское гнездо принцу не позволили. Ярослав с новгородцами быстро перекрыл дороги из Ладоги, не давая пришельцам расширять плацдарм. Подоспел и св. Владимир с подмогой. Осадили Ладогу, после долгих и упорных боев незваных гостей вышибли.

На Швецию обрушились ответные удары – новгородским ладьям до ее берегов плыть было ровно столько же, сколько шведам до Руси. Король Олаф взмолился о мире. Великий князь и новгородцы согласились. Драки на Балтике были им совсем ни к чему. А скрепили договор браком, король выдал за Ярослава свою дочь Ингигерду. Привезли, правда, совсем еще девочку, лет десяти, тоненькую и хрупкую. Ей еще требовалось подрасти, прежде чем сможет стать настоящей женой. Но в венценосных браках подобное бывало нередко. Девочка была умной, с ходу схватывала незнакомые русские слова, начала учиться грамоте. Симпатичная, со временем обещала стать красавицей. А главное – принцесса, не кто-нибудь. Ее окрестили, назвали Ириной, обвенчали честь по чести.

Но вслед за северным соседом заявил о себе западный, польский Болеслав Храбрый. Это был монарх могущественный и крайне воинственный. Он задумал создать собственную обширную державу. Захватил земли полабских славян, восточные немецкие районы, оккупировал Чехию. Германский император Генрих II потребовал хотя бы принести за Чехию вассальную присягу, она входила в состав империи. Болеслав отказался и крепко поколотил

немцев. Но чехи восстали. А лютичи, прежде выступавшие против Германии, под властью Польши тоже быть не желали. Вместе с чехами присоединились к императору, к коалиции примкнула Венгрия. Совместными силами поляков потеснили, заставили уйти из Чехии.

Болеслав нашел выход, обратился к Владимиру. Предложил вступить в союз с Польшей и посватался к его дочери Предславе. Но ввязываться в совершенно ненужную войну с немцами великий князь не соблазнился. Да и дочку пожалел – Болеслав, даром что «храбрый», был необыкновенно толстым, он даже передвигался с трудом, а на коня его подсаживали слуги. Зато воевать он готов был с кем угодно, без разницы. Получив отказ св. Владимира, оскорбился. С германским императором тут же заключил мир, даже согласился признать себя его вассалом, и в 1013 г. полез драться на Русь [36]. Но витязи у св. Владимира были ничуть не хуже, чем у немцев и венгров, и их было вполне достаточно. В первых же боях они крепко всыпали полякам, и Болеслав сообразил, что он, пожалуй, погорячился. Заюлил, вступил в переговоры. Мир условились обставить по-родственному, и свадьба все-таки состоялась, но не Болеслава и Предславы, а другая. Король выдал свою дочь за Святополка, княжившего в Турове.

Этот «сын двух отцов» получил область отнюдь не маленькую – она охватывала южную часть Белоруссии, города Туров, Пинск, Брест. Княжество было куда более благоустроенным, чем далекое Ростово-Суздальское Залесье, в 1006 г. здесь была учреждена самостоятельная епархия. В общем, отчим усыновленного племянника не обидел. Но рядом со Святополком находилась его мать-гречанка, вдова Ярополка. Уж она-то теплых чувств к Владимиру никак не питала. Пока жили в Киеве, еще приходилось придерживать язык. А потом очутилась с восьмилетним сыном в Турове. Тут мать и ее окружение держали Святополка под полной опекой. Вдалбливали и раз за разом перемывали, как узурпатор-дядя коварно сверг и убил его отца, какое блестящее положение он занимал бы при Ярополке: первенец, законный наследник!

Русские умельцы строили чудесные хоромы – светлые, жизнерадостные, украшали их затейливой резьбой, чтобы даже глазу, и то приятно было скользнуть по фигуркам и завитушкам. Таким был и туровский дворец. Но наполняли его злоба и ненависть. Они копились день ото дня, год за годом. Церковный разрыв с Византией добавил новую порцию яда: ведь приближенные матери и ее духовники были греками, поддерживали связи с соотечественниками в Киеве, Константинополе. И все это вливалось в молодого князя. Впрочем, какого уж молодого? Святополку перевалило за 30, а мать цепко удерживала его под своим влиянием, не позволяла жениться. Для истинного наследника киевского престола любая боярская девка была неподходящей партией...

Болеслав Храбрый знал, что творится в Турове. А сочетать храбрость с честностью и благородством король полагал излишним. Предложение о браке было выверенным снайперским ходом. В бою Русь не сломишь, разве что лоб расшибешь, так почему не подарить «троянскую лошадку»? Радужный улыбающийся король привез дочку – пышная, цветущая, вся в папу. Как водится, повенчали, от души погуляли, с озорными прибаутками отправили молодых на сеник... Но к дочке прилагался духовник, и не простой, а королевский, колобжегский епископ Рейнберн. Празднества отгремели, родные и гости разъехались, а как остались в узком кругу, Рейнберн от имени Болеслава выложил Святополку: а не пора ли ему отделиться от ненавистного дяди, перейти со своим княжеством под руку любезного тестя?

Но все же измену затеяли недостаточно скрытно. Владимир Красно Солнышко у власти находился не первый день, и соседшка явно его недооценивал. Неужто великий князь и сам не знал, что в Турове неладно? Неужто не позаботился, чтобы рядом со Святополком находились верные люди? Вызреть заговору он не позволил. Как только открылось, что «сын двух отцов» ответил Болеславу согласием, исподволь подговаривает ближних бояр поменять Отечество, а вместе с ним и веру, Владимир рассудил, что его отцовские обязанности к при-

емышу исчерпаны. Теперь надо выполнять обязанности государя. Дружинники нагрянули и накрыли теплую компанию. Привезли в Киев, королевну устроили деликатно, при дворе. А Святополк с Рейнберном определили туда, где и положено находиться предателям, в темницу. Епископ только что пребывал в уверенности, все идет как надо – и вдруг на тебе! Такого потрясения Рейнберн не перенес, в тюрьме скончался.

7. Святые Владимир, Борис, Глеб и Святополк Окаянный

Казалось, спокойствие на Руси наладилось – ан нет... Подал голос Новгород. Город богатый, край обширный, и подать в казну он должен был платить немалую, 3000 гривен серебра в год. Треть шла на содержание местного князя и его дружины, две трети отправлялись в Киев. Новгородские бояре давно уже роптали, а надо ли платить? На ком стоит вся Русь, как не на новгородцах? Разве от Киева держава выростала? Разве не Новгород призвал Рюрика, шел на Киев под знаменами Вещего Олега, был вотчиной Святослава, возвел на киевский престол самого Владимира? И где же благодарность?

Князь Ярослав новгородцам понравился – хоть и хромой, но смелый, решительный, умный. Они тоже Ярославу понравились. Вместе шведов лупили, сжились, почти что сроднились. В боях и свою силу почувствовали, закружились молодецкие головушки. «Золотые пояса» принялись подзуживать князя. Полоцк для Владимира брали новгородцы, а теперь-то Полоцк ничего не платит. Это как, справедливо? А Смоленск, Чернигов, Волынь, Ростов, Муром сколько отстегивают в казну, разве по три тыщи? Почему Новгород должен за всех отдуваться? Столица и без того благоденствует, купается в роскоши, неужто сами не нашли бы, куда деньги девать? Храмы и дворцы отгрохали бы не хуже киевских! Почему на новгородские деньги укрепляются южные границы? Разве печенеги разоряют наши земли? Лучше бы ту же Ладогу укрепили на будущее...

Ярославу их доводы показались резонными. Новгородскую землю нужно было восстанавливать после войны, а с нее серебро требуют! В 1014 г. он отписал отцу, что дани присылать не будет. Владимир, разумеется, рассердился. Пригрозил послушнику, что приведет его к порядку силой. Но здесь уж нашла коса на камень. Гнев отца Ярослав расценил как незаслуженный, в свою очередь завелся. Да ему и стыдно было бы отступить – перед новгородцами, перед молодой супругой. В конце концов, он князь или не князь? В войне побеждал, на дочери шведского короля женат. Отрезал – не будем платить, и все.

Такая строптивость уже зашкалила через край, и св. Владимир велел собирать войско. Намеревался ли он сражаться против сына? Конечно, нет. Он прекрасно знал, что кашу заварили новгородские бояре, жалевшие свои кошельки. Но великий князь знал и другое: эти бояре тоже не хотят войны. Помнил, что случилось в 977 г. Когда Ярополк и Свенельд послали отряды на Новгород, «золотые пояса» настояли, чтобы он, Владимир, отчаливал за море. Ведь при осаде могли погибнуть их дома, богатства, разорались бы их села. А сейчас они пытались припугнуть, выторговать поблажки. Схватки с печенегами научили киевлян мгновенно поднимать полки. Государь имел возможность выступить сразу же, по удобной зимней дороге. Но на этот раз, в отличие от броска на Туров, он готовился к походу не спеша, помаленечку. Давал Новгороду время одуматься. Поймут, что он не уступит, да и зачешутся, закинут удочки для переговоров.

Но измена Святополка и выходка Ярослава заставили великого князя задуматься о другом... Сыновей у него было много, от разных матерей, разного воспитания. Некоторые уходили из жизни во цвете лет. Тем не менее в Тмутаракани еще оставался Мстислав, у древлян Станислав, в Пскове Судислав. Кто знает, какие мысли варятся в их молодых головах? А ну как заявят о себе после Полоцка, Турова, Новгорода? А как они уживутся друг с другом, когда не станет отца?... Системы наследования власти на Руси еще не существовало.

Древнее русское право предусматривало минорат. Даже позже эта традиция отразится в Русской Правде: «Двор отеческий всегда без раздела принадлежит меньшему сыну». Но при младшем государе власть могли перехватить временщики, в свое время это уже случи-

лось с Игорем Рюриковичем [105, 106]. В Европе установилась другая система, майорат, власть и владения передавались от отца к старшему сыну. Но ведь формально старшим считался Святополк! В ту эпоху существовали и иные традиции. В Германии наследника выбирал съезд князей, а в Византии и Болгарии монархи сами определяли преемника. Нередко греческие и немецкие императоры еще при жизни короновали наследников, назначали их управителями, чтобы передача власти прошла без потрясений.

Владимир решил поступить так же. Он вызвал к себе сына Бориса. Именно его великий князь наметил в преемники. Хватит ему сидеть на ростовской окраине. Пусть будет рядом, входит в хитросплетения киевской политики, приучается к государственным масштабам. А бояре, войско, другие сыновья пускай привыкают, что вот он, будущий правитель. Борис приехал радостный, одухотворенный. Соскучился по отцу, по родным, по красивым киевским храмам. Спешил рассказать о своих делах на севере. Воевать с Ярославом Борис и подавно не был настроен, относился к нему с уважением. В Ростове на каждом шагу приходилось видеть и слышать, чего достиг первый русский князь, что он построил, как решал те или иные вопросы. Да и вообще евангельское сознание Бориса не вмещало, что можно скрестить оружие с родным братом. Он же не враг Руси, не чужеземец.

За Ярослава заступалась перед отцом и дочка Предслава. Она дружила со старшим братом, переписывалась с ним. Мало ли с кем не бывает – погорячился, советники попутали. Великий князь размышлял, как лучше ликвидировать глупый конфликт. Например, Предслава напишет как бы от себя, подаст надежду на примирение. А когда выступит войско, новгородцы в любом случае пойдут на попятную. Тут-то Ярослав сам поймет, чего стоят их подзуживания. Да и миролюбивый Борис поможет усостыжить брата. Можно будет пойти и на уступки новгородцам, но не первому и не сразу. Выждать, чтобы поклонились, повинились...

Воплотить планы государь не успел. Заговор уже сплелся рядом с ним, в Киеве. Основу его составило столичное боярство. Оно усилилось, богатело, наследственные угодья дополнялись новыми государевыми пожалованиями. Державная власть великого князя стесняла знать, раздражала. Не лучше ли, как на Западе? Бояре не забыли, как их отцы в свое удовольствие заправляли Киевом и всей страной при Ярополке. Сейчас в тюрьме сидел его сын... Но сами столичные тузы никогда не осмелились бы что-то замыслить против св. Владимира. Куда им было копать под такую могучую фигуру! Пример Турова был слишком свежим. Организовать заговор исподтишка помогли византийцы. Вот им-то св. Владимир стоял поперек горла. С заключенным Святополком велись тайные переговоры, выработывались условия. Приезд св. Бориса и разговоры, что он будет провозглашен наследником, подстегнули изменников.

Великий князь был еще совсем не стар, ему лишь перевалило за 50. Здоровье у него было отменное, ни разу и нигде не упоминалось о его болезнях, он постоянно бывал в походах, на коне. А весной 1015 г. он внезапно почувствовал недомогание. Была ли вызвана его болезнь естественными причинами? В этом можно усомниться. Уж как-то все слишком «своевременно» сложилось. Крамольникам было необходимо удалить из Киева собравшуюся армию, и поступило ложное донесение о нападении печенегов. Государь поручил войско св. Борису – вот ему и первое поручение в роли «правой руки» отца. Хотя состояние великого князя не вызывало никаких опасений. В противном случае разве смог бы сын оставить его? Для командования имелись и воеводы. Но войско выступило в степи, а после этого самочувствие св. Владимира резко ухудшилось, всего через несколько дней, 15 июля, Креститель Руси предал душу Господу...

И вот тут-то сработали все подготовленные механизмы. Волю великого князя о наследнике бояре утаили от киевлян, а от остальных городов утаили даже его смерть. Сразу же выпустили из темницы Святополка, он объявил себя государем. Первым делом раскрыл

богачейшую казну, накопленную приемным отцом, принялся раздаривать сокровища. Естественно, не всем киевлянам. На всех никаких сокровищ не хватило бы. Он расплачивался с теми, кто посадил его на престол, покупал других сторонников. В заговоре оказалось замешано столичное духовенство – и греки, и обласканный Владимиром Анастас Корсунянин. Что, в общем-то не удивительно, предавший один раз предаст и во второй. Киевские иерархи не обличили узурпатора, признали законным властителем. Его поддержали и евреи. Ведь он был зятем Болеслава Храброго, а польские короли очень благоволили евреям, дозволили им свободно бывать и торговать при своем дворе [16].

Тем временем св. Борис с войском бесцельно поблуждал по степям, никаких печенегов не встретил и повернул назад. А на р. Альте его встретило известие, способное ошеломить кого угодно: отца уже нет в живых, и в Киеве воцарился Святополк. Многие витязи возмутились. Они-то знали, кого прочил в преемники покойный Владимир. Предложили св. Борису – дело поправимое, а горевать сейчас не время. В твоём распоряжении войско, отцовская дружина. Айда на Киев, и вышибем наглеца! Дружинники знали, князь не был трусом. Еще мальчиком участвовал с отцом в походах на печенегов, в Ростове дрался с волжскими болгарами. Но... св. Борису претила сама мысль схлестнуться с русскими против русских, развязать братоубийство. Нет, он предпочел пожертвовать властью. Сказал, что Святополк – его старший его брат, он готов подчиниться старшему, как отцу. Он не хотел давать даже повода к столкновению. Демонстративно показал, что он не намерен сражаться – остановился лагерем на Альте, отправил в Киев гонцов, а войско отпустил.

О, для заговорщиков все складывалось как нельзя лучше! Главный воевода Владимира Волчий Хвост состоял в их числе, повел воинов присягать Святополку и получать за это серебришко. Новый государь, в свою очередь, послал св. Борису дружеский ответ, рассыпался в любезностях, обещал выделить дополнительные владения. Но настроен он был совсем не мирно. Он решил попросту истребить братьев. Созвал в загородной резиденции, Вышгороде, тайное ночное совещание. Бояре Талец, Еловит, Ляшко и Путша получили однозначное и недвусмысленное указание: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса».

Далеко не все киевляне были в восторге от Святополка. Среди дружинников, слуг, хватало таких, кому темные делишки вокруг трона совсем не понравились. Центром оппозиции стал не столичный клир, не купленные на корню придворные, а девушка. Дочь св. Владимира Предслава. Узурпатор не обратил внимания на княжну, а к ней стекались тревожные сведения, она старалась узнать о замыслах, вызревающих в окружении Святополка [73]. К св. Борису полетел сигнал об опасности. Но князь не успел ничего предпринять. Бежать к врагам-печенегам он счел для себя недопустимым, а убийцы были тут как тут.

При св. Борисе оставалась только личная дружина, сверстники – такие же молодые, как их князь. Тем не менее бояре с бандой опытных головорезов не решились напасть открыто. Боялись даже взглянуть своей жертве в глаза. Затаились и ждали ночи. Св. Борис долго молился в шатре. Мало того, он молился о душе Святополка... Лишь после того, как он лег в постель, злодеи кинулись делать свое дело. Ударили князя копьями через стену шатра, ворвались вовнутрь. Верный телохранитель венгр Георгий пытался закрыть князя собой и был убит. Прикончили и остальных дружинников, кроме тех, кто сумел скрыться в темноте.

Св. Бориса завернули в попону, повезли предьявить «работу» Святополку. Но выяснилось, что израненный князь в невероятных страданиях еще дышит. Сводный брат брезгливо дал знак, и его закололи мечами. Отряды убийц были высланы и к другим родственникам. Древлянский князь Святослав получил известие о судьбе Бориса, пытался бежать за границу. Погоня настигла его в Карпатах и умертвила. А св. Глеба задумали выманить из далекого Мурома. Отправили письмо, будто отец тяжело заболел, зовет его к себе (вот, кстати, еще

одно доказательство, что св. Владимир до весны 1015 г. был здоров). Но и Предслава не сидела сложа руки, к братьям поскакали ее слуги...

А в Новгороде как раз в это время начала приносить плоды выжидательная тактика покойного Владимира. Его предположения, что единство Ярослава с горожанами продержится недолго, оправдались очень скоро. Ожидая, что вот-вот нагрянет киевская рать, Ярослав призвал наемных варягов. А рать не появлялась. Наемники бездельничали, скрашивали скуку выпивкой, хулиганили, приставали к женщинам. Новгородцы злились. В один прекрасный день группа пьяных варягов разошлась, полезла пощупать горожанок. Люди возмутились, набросились на чужеземцев и поубивали попавшихся под руку. Правда, поостыли, послали к князю делегатов, согласились заплатить «виру», штраф за кровь.

Но тут уж вскипел Ярослав. Новгородцы поставили ни во что законы и его власть. За бесчестье женщин вообще-то полагался штраф, а не смерть, и карать преступников имел право только князь. Получалось, что город поссорил его с отцом, а теперь ссорит и с варягами? От Владимира Новгород откупится точно так же, как хочет откупиться от него, а Ярослав перед отцом останется крайним? Он поступил строго по букве закона. За убийство следовала кровная месть, и князь отдал делегатов на расправу варягам. Новгород зашумел, взбурлил... И именно в этот день примчался гонец от Предславы! Словом, было от чего схватиться за голову. Город бунтует и вооружается, а из Киева прикатились такие вести!

И все-таки Ярослав не зря заслужил прозвище Мудрого. Он сумел найти выход, казалось бы, из безвыходного положения. Выход довольно простой, но для него и впрямь требовались смелость и мудрость. Князь перешагнул через свою гордость. По бушующим улицам и площадям поехали вдруг его слуги, оповещали – Ярослав созывает вече. Новгородцы удивились, но и подзавелись. Ага, то что надо! Сейчас с него спросим! Хлынули к князю на двор. А он вдруг вышел перед людьми, поклонился и покаялся. Да, он убил своих слуг и подданных. Да, сегодня он отдал бы все золото, чтобы вчерашней трагедии не было, но это уже невозможно. Ну а сегодня стало известно: великого князя больше нет в живых, на престоле в Киеве сел Святополк и уничтожает братьев.

Новость прогремела, как удар грома. Новгородцы были поражены. Все проблемы и страсти, которыми они жили в последние месяцы, разом перечеркнулись. Приходили в себе не сразу. Задавали вопросы, уточняли, что и откуда узнал князь. Начали обсуждать. Что ж, у них были личные счёты с князем, были обиды на Владимира, но... неужели подчиниться окаянному братоубийце? Обдумывали еще и еще раз, взвешивали со всех сторон. Но и не только с эмоциональной, с практической точки зрения дело совсем не нравилось. Кому хочется, чтобы снова сели на шею хищные киевские наместники, как при Ярополке? Бояре не забывали и о претензиях к Киеву, о собственных интересах. А ведь если подсобить Ярославу, то от него можно и заслужить желанные льготы. Как ни крути, а вывод напрашивался однозначный. Новгородцы потолковали и объявили: «Государь, мертвых нам не воскресить. Пойдем добывать тебе стола киевского».

Ярослав послал письмо Глебу, звал его укрыться в Новгороде. Но в бескрайних Залесских дебрях найти князя было не просто. Ложное приглашение Святополка к «больному отцу» дошло раньше. Св. Глеб был еще совсем мальчиком. Взволновался, сел на коня и сразу заспешил в Киев. Гонец Предславы ехал какой-то другой дорогой и разминулся с князем. По пути под Глебом оступилась и упала лошадь, он повредил ногу. Нашли несколько лодок, пересели в них. При этом пришлось оставить почти всю конную дружину. Поплыли по Волге, а в начале сентября выбрались на Днепр возле Смоленска. Только здесь Глеба сумел перехватить посланец от Ярослава. На мальчика внезапно свалились известия, способные ошеломить кого угодно. Его отец не болеет, а уже полтора месяца в могиле! Его брат Борис убит...

Потрясенный князь сделал остановку на р. Смядыни, изливал душу в молитвах и рыданиях. Тут его и поймал один из отрядов убийц во главе с неким Горясером. Слуги у св. Глеба подобрались далеко не лучшие. Пребывание в окраинном Муроме не принесло им никаких прибытков и надоело. А старания князя, чтобы его приближенные следовали христианским правилам, раздражали их. Заступиться за мальчика и погибнуть за него не считал нужным никто. Предпочли перекинуться на сторону сильнейшего, а собственный повар св. Глеба инородец Торчин пожелал выслужиться и зарезал его. Труп спрятали в чашобе, засунули между двумя колодами.

Русь раскололась. Святополк Окаянный был не глупым человеком, он прекрасно отдавал себе отчет, что народ вовсе не на его стороне. Поэтому наступать на Новгород не пытался. Наоборот, он готовился обороняться на юге и для этого заключил союз с печенегами. Св. Владимир воевал с ними четверть века, и замириться никак не удавалось (да и попробуй замиришь, если в печенежские кочевья регулярно наведывались византийские эмиссары с мешками золота). Зато у узурпатора ни малейших затруднений не возникло! Печенеги буквально с ходу стали его друзьями!

Но новгородцы изготовились серьезно, наwerbовали тысячу варягов, снарядили 3–4 тыс. своих ратников и двинулись на врага. По дороге к ним присоединялись добровольцы из других мест. Святополк вывел навстречу свою дружину, отряды киевских бояр, призвал печенежскую конницу. Поздней осенью 1016 г. сошлись на Днепре у Любеча. Уже приморазживало, и холодная река разделяла противников. Киевлян и их союзников было значительно больше, и к тому же, у них были профессиональные воины, а у Ярослава вооруженные простолюдины. Насмехались, воевода Волчий Хвост ездил по берегу и орал: «Эй вы, плотники, зачем пришли сюда со своим хромым князем?»

Хотя дух киевского воинства оставлял желать лучшего. Русские и печенеги враждебно косились друг на друга, во избежание беды их пришлось поставить отдельно, на разных берегах замершего озера. Часть дружинников в душе сочувствовала Ярославу, даже один из воевод пересылался с ним, подсказывал, как лучше ударить. А Святополк силился возбудить симпатии воинов к себе, подогреть боевой пыл. Для этого он придумал единственное средство – крепко поил их каждый вечер.

Ярослав, оценив ситуацию, решил атаковать. Новгородцы постановили – любого струсившего считать изменником и убивать. Переправились ночью и оттолкнули лодки, сами себе отрезая путь к отступлению. Обвязали головы платками, чтобы различить в темноте своих, и навалились на пьяный стан. Засверкали боевые топоры и мечи, круша врагов. Печенеги, отрезанные озером, не могли помочь Святополку. Киевляне начали отходить к ним по тонкому льду, он провалился. Разгром был полным... Святополк в панике удрал в Польшу к своему тестю, бросил жену в Киеве. А столица, лишившись такого князя, даже не думала сопротивляться.

Ярослав вступил в Киев победителем. Новгородцев он награждал деньгами, даровал им значительные привилегии. Сократил подати в казну, город получил самоуправление в своих внутренних делах, отныне он сам избирал не только тысяцкого, но и посадника. Св. Бориса убийцы закопали в земле рядом с церковью в Вышгороде. Ярослав перезахоронил его в княжеской гробнице. Специально послал священников под Смоленск на поиски тела св. Глеба. А над местом, где его спрятали, люди стали замечать необычное – то столп света, то огонек свечи. По рассказам о таких явлениях мощи удалось найти, их перенесли в Вышгород и похоронили рядом с братом [85].

Но завершая рассказ об этих событиях, стоит еще раз коснуться вопроса, кто же организовал переворот Святополка Окаянного? Его союз с печенегами сам по себе говорит о многом. Но обращают внимание и некоторые другие факты. Ведь в Тмутаракани княжил еще один сын св. Владимира, Мстислав. И к нему Святополк почему-то не посылал убийц.

Странно, правда? Хотя странность объяснялась довольно просто. Современники вспоминали, что Мстислав был толстым, румяным, сильным, храбрым. А при этом недалеким и простодушным. Греки опутали его по рукам и ногам. Видимо, он и женат был на знатной гречанке.

На Руси резали его братьев, в битве под Любечем решалась судьба страны, но храбрый Мстислав не вмешался! В том же самом 1016 г., когда новгородцы отчаянно отталкивали в Днепр лодки, чтобы не отступать, он был занят совсем другой войной. Против императора Василия Болгаробойцы взбунтовался стратиг Херсонеса Георгий Цуло, и князь по просьбе византийцев выступил подавлять восстание. Воины Мстислава вместе с греческим военачальником Андроником доблестно рубили херсонесцев, сами падали не пойми за чьи интересы, пронзенные херсонесскими стрелами и копьями. Мятежников одолели, пленного Георгия Цуло отправили на расправу в Константинополь. Византийцы похвалили Мстислава, сказали спасибо. Вот вам и ответ на вопрос, с кем был связан Святополк. Кто, кроме греков, мог запретить ему убивать ценного и послушного тмутараканского князя?

Наконец, имеет смысл сопоставить даты. Напомню, как раз перед этим, в сентябре 1014 г., греки разбили и ослепили болгарскую армию, скончался царь Самуил. На Балканах прокатилась целая серия убийств претендентов на престол Болгарии. А святые Борис и Глеб, умерщвленные в 1015 г., были детьми болгарской царевны. Они тоже могли бы предъявить претензии на корону погибшего Болгарского царства. Случайное ли совпадение?

8. Ярослав Мудрый

Латинская церковь, в отличие от русской, добивалась в любой обращаемой стране быстрого и поголовного крещения. Методика была уже отработана. У епископов имелись собственные войска, а короли и князья придавали на усиление своих воинов. Отряды планомерно прочесывали деревни, сгоняли жителей округи в одно место. Делили по сотням, сопровождавшие священники торопливо читали молитвы, толпу обливали водой, давали каждой сотне одно христианское имя, и отряд двигался дальше (отсюда и пошел католический обычай крестить обливанием – с погружением конвейер занял бы больше времени и сил).

Хотя в действительности получалось так, что христианство внедряется еще медленнее, чем на Руси. Ведь священники были немцами, молитвы и службы бормотали на исковерканной латыни, их никто не понимал. Люди воспринимали крещение как некий колдовской обряд. Именно поэтому прибалтийские славяне жестоко сопротивлялись попыткам крестить их. Население Польши, полностью окрещенное, продолжало жить вполне по язычески. Зато оно платило десятую часть доходов церкви, и это признавалось достаточным.

Знать тоже не понимала латыни, оставалась неграмотной, и о христианстве имела самые смутные представления. Перестраивать и переосмысливать свою жизнь не считала нужным. Зачем? Грамотные и полуграмотные священники одновременно занимали посты министров, секретарей, соперничали между собой за теплые места, и ради этого легко отпускали любые грехи. При дворе польского короля Болеслава Храброго нравы царили самые распущенные. Король открыто содержал наложниц, не оставлял без внимания придворных аристократок. Несмотря на уродливо расплывшиеся тела монарха, польские дамы почитали великой честью потерпеть на себе груз венценосного мяса и жира: объятия Болеслава обеспечивали щедрые подарки, карьеру мужьям и детям.

Разумеется, королю подражали его вельможи, рыцари. Многие продолжали участвовать в разгульных языческих обрядах. Стоило ли отказывать себе в удовольствии попрыгать на игрищах среди голых девок, подзавестись в темных ночных ритуалах, где все дозволено? Но когда речь шла о захвате земель язычников, поморян или лютичей, поляки сразу же вспоминали, что они христиане и выполняют священную миссию. Вспоминали и в войнах с немцами, союзниками которых выступали лютичи. Раз немцы дружат с язычниками, значит и сами не настоящие христиане, а мы настоящие – бей их!

Когда к Болеславу примчался Святополк Окаянный, для короля это оказалось очень кстати. Могущественный Владимир умер, в Киеве осталось немало сторонников зятя, почему бы не воспользоваться? Святополк был князем сговорчивым, без слов подмахнул соглашение отдать за помощь прикарпатские города. А в Прикарпатье были месторождения соли. В Средние века – продукт очень дорогой, без соли нельзя было приготовить впрок мясо, сало, рыбу. Как раз по этой причине польские короли так интересовались Червенскими городами. Интересовались ими и финансовые советники королей, евреи. Они установили с монархами взаимовыгодные отношения. Снабжали их наличными, когда требовалось воевать, а взамен скупали добычу, пленных, королевские монополии на те или иные промыслы.

Но сперва Болеслав был не в состоянии подсобить зятю, он был занят очередной войной с германским императором Генрихом II. Немцы, австрийцы, лютичи и чехи вторглись в Польшу, нацеливались на ее столицу Гнезно. Да только войско у них было слишком разнородным. Немцы и лютичи относились друг к другу неприязненно, задирались, доходило до вооруженных драк. Пришлось разделить армию на три колонны. А Болеслав умело организовал оборону. Две фланговые колонны отразили на рубеже Одера. Реку форсировала лишь

центральная во главе с самим Генрихом II. Но колонну окружили, загнали в болото и разнесли, император с трудом вырвался [36].

Генрих II отправил послов к Ярославу Мудрому, предложил вступить в союз и ударить с двух сторон. Это сулило выгоду и для Руси, великий князь прекрасно понимал, какую угрозу представляет для него альянс Болеслава и Святополка. Союз с немцами был заключен, русская рать выступила к западным границам. Но друзьями Святополка были не только поляки. В 1017 г. на Русь обрушились печенеги. Скакали гонцы на взмыленных конях, поворачивали дружины назад, отражать степняков. Невидимый враг действовал и в самом Киеве. В городе вспыхнул большой пожар, вряд ли случайный – погорели дубовые городские стены, башни.

А Генрих II попытался наступать на Силезию и снова был разбит. Он с радостью согласился замирился с Болеславом, причем теперь уже сам подталкивал поляков на русских, подальше от собственных владений. В 1018 г. в Будишине подписали условия. За Польшей остались Моравия, Лужицкая и Мейсенские области, император обязался помогать Болеславу в войне на востоке, выделял отряд из 300 немецких воинов [36]. Что ж, для короля все складывалось как нельзя лучше. Он поживился за счет Германии, теперь настал черед Руси. Кроме немцев, Болеслав заключил союз с венграми, навербовал наемников. А на приглашение Святополка охотно откликнулись печенеги.

И сразу же, без малейшего промедления, Болеслав бросил огромную армию на восток. Для Ярослава столь быстрое и массированное вторжение стало полной неожиданностью. Он оставил ремонт киевских укреплений, спешно собрал кого смог и встретил врага на берегах Буга. Поляки встали у реки лагерем, начали строить мост. Ярослав счел, что пока все идет отлично, он выигрывал время, к нему успеют подтянуться отряды из отдаленных городов. Но Болеслав был опытным военачальником. Наведением моста король лишь усыплял русичей. Они видели, что строительство завершится еще через несколько дней, расслабились. Отдыхали в своем стане. Как водилось в те времена, развлекались, выкрикивая оскорбления, грозили пощекотать копьями толстое брюхо Болеслава.

А река на летней жаре обмелела, король велел скрытно промерить глубину, привести воинов в полную готовность. Выбрав подходящий момент, изобразил, что шуточки вывели его из себя. Воззвал: «Отомстим или я погибну!» и среди бела дня ринулся вброд. За ним хлынула его армия. Русские даже не успели изготавиться. Лавина врагов расшвыряла их, рубила бегущих. Ярослава спасли прикрывшие его дружинники и быстрота коня. Но на верность столичного боярства ему рассчитывать не приходилось, он помчался на север. Южная Русь оказалась во власти победителя. Города, видя бесчисленные полчища и не надеясь на подмогу, сдавались. Лишь один оказал сопротивление, его взяли приступом, всех жителей от мала до велика Болеслав продал в рабство.

Киев начал было готовиться к обороне, но сгоревшие стены еще не восстановили. Стронники Святополка убеждали горожан, что защищаться невозможно и губительно. 14 августа городская верхушка и духовенство торжественно встретили Болеслава и Святополка, принесли присягу братоубийце. Начались репрессии. Хватали противников Святополка и тех, кто выдвинулся при Ярославе, казнили, обращали в неволю. В руках захватчиков оказались и сестры Ярослава, Предслава и Доброгнева. Раскрылась история, как Предслава помогала брату, и Болеслав придумал для нее особую кару. Сделал своей наложницей. Недавно св. Владимир отказал в сватовстве, теперь русскую княжну силой уложили под королевскую тушу.

А Ярослав добрался до Новгорода лишь с четырьмя спутниками. Он был разбит не только физически, но и морально. Все рухнуло, все было потеряно. Была ли у него надежда одолеть объединенные силы Святополка, поляков, печенегов? Казалось, остается только эмигрировать. Он велел готовить ладьи, плыть к родственникам жены, шведам. Но вздыби-

лись новгородцы. Ладьи они демонстративно изрубили и объявили: «Мы хотим и можем еще противиться Болеславу. У тебя нет казны – возьми все, что имеем». Ввели дополнительный налог на войну, принялись заготавливать оружие, снаряжать ратников.

Они оказались правы. Ситуация в Киеве очень быстро изменилась. Святополк и группировка бояр, державшая его сторону, получили совсем не то, чего они хотели. Болеславу богатая и красивая русская столица очень понравилась. Куда лучше, чем его городишки и сырые, прокопченные факелами замки. Имеет ли смысл довольствоваться обещанным Прикарпатьем? В его распоряжение попало куда больше, так зачем же отдавать? Король рассчитал и отпустил наемников, а собственное войско оставил. На словах признавал зятя «законным» князем, но на деле перестал с ним считаться. «Законный» был нужен, пока шли к Киеву, чтобы русичи согласились ему подчиниться. А сейчас законным стал тот, у кого сила.

Король уходить не собирался, попросту оккупировал Киев и окрестные города, распределил поляков по гарнизонам и учинил самый беззастенчивый грабеж. К нему поспешил подольститься не кто иной как Анастас Корсунянин, настоятель Десятинной церкви. Предложил услуги, стал ближайшим подручным Болеслава в поисках русских богатств. Рядовые поляки вели себя аналогично. Они же были победителями! Требовалось вознаградить себя.

По дворам трещали взламываемые сундуки и двери кладовых, переполошно визжали убиваемые свиньи, мычали коровы, кудахтали куры. Стонали хозяева и выли хозяйки, лишаясь нажитого добра. Бравые вояки молодецки разрывали сорочки девок и молодых, валили на лавку или у всех на глазах, под забором. И попробуй-ка воспротивиться, защити, против меча не попрешь... Но мечами запугивали днем, а ночью обожравшиеся и нагулявшиеся поляки засыпали, и русичи взялись за ножи. На улицах вдруг обнаружились трупы. Кто, как? А никто не знает. От ночи к ночи убитых было все больше. Поляков очень радушно приняли евреи, принялись скупать у них добычу, русских рабов, но еврейские дома начали поджигать [16].

Болеслав задержался, забеспокоился. А Святополку вообще с двух сторон припекло. С одной – король, захвативший у него власть. С другой – нарастающая русская ярость. Князь метался в поисках выхода. Кажется, придумал. Шепнул приближенным, пускай распускают слухи, что он сам борется против поляков, готов возглавить подданных. Но приближенные у него были под стать господину, тут же заложили Болеславу. Он возмутился двурушничеством зятя, а польское войско продолжало таять. Король рассудил, что лучше все-таки попроситься с Киевом.

Из города выполз огромный обоз. Увозили такие богатства, каких в Польше никогда не видели. Болеслав уводил пленных, забрал с собой двух княжон, юную Доброгневу, самую младшую из дочерей св. Владимира, и растоптанную Предславу. Киевские бояре-заговорщики сообразили, что дела у Святополка обстоят совсем тухло. Кто-то надеялся выкрутиться и выслужиться перед Ярославом, а те, у кого рыльце было совсем запачкано, присоединились к королю, уезжали с семьями, возами барахла, навсегда. Уезжал и довольный Анастас Корсунянин, за усердие Болеслав назначил его своим казначеем. Польский король проанализировал ситуацию более трезво и решил отхватить от Руси только те районы, которые он сможет удержать, часть Волыни и Прикарпатье. Наметил границу по Бугу, разместил войска в городах западнее реки.

Святополк Окаянный растерял последних сторонников. Поляки и изменники ушли. Киевляне его попытки примазаться к борьбе всерьез не восприняли, проклинали князя, притащившего на их головы вражескую орду. А новгородцы выждали, сформировали рать и двинулись на юг. Святополку собирать под свои знамена оказалось вообще некого, сражаться за него не стал бы никто. Он бросил Киев и скрылся. Ярослав вошел в город без боя, и его встречали как освободителя. Хотя его соперник все еще не угомонился. Он снова гнал коней к врагам Руси, на этот раз к печенегам. У него не было денег приплатить им, всю казну

выгреб Болеслав. Святополк, вроде бы, не оказал никаких дружеских услуг печенежским ханам, ничем не заработал их особенной любви. Но... все же у него были другие покровители, тайные, и они своего ставленника не бросили. На его поддержку поднялись все кланы, все орды.

Известия об угрожающем движении в степи поступили в пограничные крепости, донесли в Киев. Ярослав успел собрать большое войско, повел навстречу. Встал он на р. Альте. Там же, где безуспешно искал печенегов св. Борис, где настигли его копья и клинки убийц. Сейчас кочевников искать не приходилось. Степь почернела от выплеснувшейся конницы. Летописцы отмечали, что массы неприятелей надвинулись, как сплошной дремучий лес, такого количества печенегов русичи еще ни разу не видели. Но против них стояли плечом к плечу новгородцы, киевляне, белгородцы, переяславцы, черниговцы, смоляне. Теперь-то стояли не для драки за власть, а закрыли собою Русь.

Едва забрезжил рассвет, воины молились. Понимали, что этот день и они сами должны решить судьбу страны. Понимали, что многие из них не доживут до заката. А Ярослав напомнил и о том, что именно с этого места началась цепочка подлости и злодеяний. Воззвал: «Кровь невинного брата моего вопиет ко Всевышнему». Рати столкнулись так, что содрогнулась сама земля. Стрелы затеняли солнце, как налетающие тучки, и выпадали стальными дождями. Хрустели ломаемые копья и кости, противники секлись мечами, схватывались в смертельных объятиях и душили друг друга. Измочалились, выдохлись, казалось, уже и сил не было руку поднять. Шатаясь, разъезжались и расходились. Но едва перевели дыхание, похлебали теплой, нагретой на солнце воды, схватились снова...

И опять обессилели, падали на месте от усталости, перевязывали раны. А чуть-чуть передохнули, оклемались, и поле на Альте засверкало, зазвенело, загремело, будто не было никакой усталости. Битва и в третий раз заглохла сама собой, бойцы расползались, насквозь мокрые от крови и пота. Сейчас-то, чувствовали, уже все, больше драться невозможно. Нет, оказалось, возможно. Приходили в себя, князь и ханы перестраивали поредевшие полки, и кинулись в круговерть с новой силой. Лишь к вечеру печенеги дрогнули, начали пятиться – и сломались, покатались прочь...

Святополк с немногими оставшимися слугами удирал на запад. От перенесенных стрессов его парализовало, он не мог сидеть на коне. Его привезли к Бресту – городу его прежнего, Туровского княжества. Но князь был уже не в себе. Ему чудилась погоня, мерещилось, что его настигают. Он в ужасе озирался, запрещал останавливаться, приказывал ехать дальше. Но опять же, куда? К Болеславу было уже нельзя, тесть отличался злопамятностью, припомнил бы поведение в Киеве. Да и вообще, кому он был нужен, проигравший и ни на что больше не годный? Двинулись в сторону Чехии глухими лесными дорогами. Где-то по пути Святополк Окаянный скончался.

Сестру Доброгневу Ярослав Мудрый сумел выволить. Очевидно, выкупил или обменял на вдову Святополка, дочь польского короля. Ее содержали в Новгороде, поэтому она оставалась в плену у великого князя. Судьба Предславы неизвестна. То ли она сгинула на чужбине, то ли вернулась вместе с Доброгневой, но отреклась от мира и удалилась в монастырь.

9. Ярослав Мудрый и «Русская Правда»

Увы, гибелью Святополка русские неурядицы не завершились. Причем следующий конфликт разыгрался в городе, который был самой верной, самой надежной опорой Ярослава, в Новгороде. Власть тут получил первый избранный посадник Константин Добрынич, двоюродный дядя великого князя, соратник, совсем недавно он звал новгородцев порубить княжеские лады и ополчаться на Болеслава. Но для народа его власть обернулась безобразиями. Он расставил своих чиновников, принявшихся обирать смердов и купцов, сам судил и рядил как считал нужным. Давил конкурентов, грабил горожан штрафами, кабалил свободных.

Люди взвыли, к великому князю посыпались жалобы. Ярослав сам прибыл в Новгород разобраться. Но Константин Добрынич обнаглел. Дарованные льготы он воспринял как полную независимость. Князя встретил дерзко. Дескать, ты здесь уже никто. Я сам тебя на трон посадил, вот и будь благодарен, а в наши дела вмешиваться больше не имеешь права. Спустить такое – и вся расшатанная, сшитая на живую нитку Русь поползет по швам. Ярослав не спустил. Пришлось переступить через родство, не считаться, что сражались вместе. Великий князь арестовал Константина и сослал в далекий Ростов.

Большинство новгородцев сочли наказание справедливым, против государя не выступили. Но и насторожились – как же с привилегиями? Великий князь не раз и не два заседал с «золотыми поясами». Льготы подтвердил, хотя одновременно утрясали с боярами и разграничивали, где кончаются вольности, а где вступает в силу власть государя. Он оставлял за собой надзор, роль высшей судебной инстанции, военное командование. С другой стороны, князь уступал правительственные функции, отказывался от собственности на новгородской территории, его резиденцией оставался особый Ярославов двор, а город выделял статьи дохода для содержания князя, его дружинников и слуг.

Ярослав не мог все время находиться с Новгороде. Условились, что его будут замещать наместник или сын. Но для того, чтобы исключить хищничество и злоупотребления в будущем, требовались и профилактические меры. Ярослав Мудрый решил дать Новгороду письменные законы. Славянское право основывалось на выработавшихся обычаях, их знали и контролировали племенные старейшины, жрецы. Но некоторые обычаи отпали вместе с язычеством, жрецов уже не было. Вдобавок ко всему у разных племен право несколько отличалось. Прибывшие из других областей чиновники и наместники вносили путаницу.

Великий князь взялся выработать «Русскую Правду». Она как раз и должна была стать основой законов, руководством для должностных лиц, рассматривала типичные случаи, с которыми приходилось сталкиваться администрации: уголовные преступления, гражданские и семейные спорные дела. Снова заседали, совещались с боярами. Взвешивали, какие еще вопросы стоит охватить в «Правде». Перебирали варианты законов у тех или иных славянских племен, интересовались у купцов и чужеземцев, как принято поступать в других странах. Наконец, «Правда» была готова. Она вполне удалась. Достаточно полная, сжатая, четкая. Ею начали пользоваться не только в Новгороде, для которого она готовилась, но и в Киеве. «Русскую Правду» оценили и иностранцы, ее использовали в качестве образца более поздние скандинавские и англо-саксонские законодатели.

Впрочем, на Руси внедрились не все статьи обновленного права. В тех случаях, когда тяжущиеся стороны обвиняют друг друга, а свидетелей или однозначных доказательств нет, древний обычай предусматривал поединки. Против них серьезно возражала Церковь, и Ярослав их в законы не ввел. Заменял «Божьим судом», который практиковался в Западной Европе. Спорящие должны были взять рукой раскаленное железо или, при меньшей сумме иска, достать кольцо из горячей воды, а Бог, как считалось, поможет правому. Но на Руси этот

метод не прижился, ни в источниках, ни в народном фольклоре нет ни единого упоминания, чтобы он где-нибудь применялся. Зато судьи по-прежнему присуждали «поле», вооруженные поединки, опять же, подразумевая, что правого поддержит Господь. Невзирая на то, что в письменных сводах законов «поле» отсутствовало [33].

А Ярославу недолго удалось заниматься мирными делами. На этот раз напомнил вдруг о себе Полоцк. Сказался просчет св. Владимира, позволившего ему жить обособленно. Он и обособливался год за годом. Полочане русскими себя не считали, а умер Владимир – и вовсе отпали. Их князь Брячислав, племянник Ярослава Мудрого, не участвовал в войнах со Святополком, поляками, печенегами. Полочанам это не требовалось, для их племени сражения Руси были чужими. Другие города несли потери, а они сохранили воинов, казну. Но старые обиды помнили: как когда-то новгородцы взяли Полоцк штурмом, прикончили князя. По языческим понятиям, прощать было нельзя. Даже дети и внуки были обязаны отомстить за предков.

Брячислав выбрал подходящий момент и в 1021 г. налетел на Новгород. Этого никто не ожидал, ничто не предвещало ссоры. Сам Брячислав не предъявлял никаких претензий, за киевскую власть не боролся. Он видел свое государство уже отдельным, а пришел лишь для того, чтобы отомстить и поразбойничать. Захватил Новгород, разграбил, разорил окрестные села, набрал множество полона и повел к себе. Славяне гнали славян, делили между собой. Оценивали мускулы мужиков, каковы будут работники. Ощупывали девок, кого оставить для собственного пользования, кого продать полякам или евреям. Почему бы нет? Новгородцы были для них иностранцами, врагами. Родиной была лишь Полоцкая земля, и не больше. Но они слишком увлеклись грабежами, Ярослав с дружиной срочно вылетел из Киева, собирая по дороге подмогу, перехватил племянника на р. Судоме под Псковом, разбил перегруженных добычей полочан, отнял трофеи и освободил полон. Брячислав сбежал.

Странную позицию занял и брат великого князя Судислав, княживший во Пскове. Когда Святополк Окаянный убивал родственников, он укрылся за плечами Новгорода и Ярослава. Но от войны уклонился. Сидел в сторонке сам по себе. Предоставил старшему брату разбираться с узурпатором, ничем не помог в битвах с Болеславом. Он и полочанам не помешал Новгород опустошать, хотя от него-то было куда ближе, чем от Киева. Прибыв на Псковщину, государь увиделся с Судиславом. Тот выкручивался, лепетал оправдания. А Ярослав смотрел на него и понимал – его младший брат просто трус. При Владимире подданными Руси признавали себя эсты, куры, ливы, платили дань. Контролировать их было делом псковского князя. Но Судислав и это забросил, на походы не отваживался, прибалты совсем отбились от рук. Да еще и, небось, выжидал – вдруг польский меч или печенежская сабля оборвут жизнь Ярослава? Тогда и заявит о себе еще один сын Владимира...

Великий князь простил его, все-таки не враг, и на том спасибо. Потребовал хоть теперь-то созывать рати, оставлять безнаказанной выходку Брячислава было нельзя. Но попробуй достань его в безбрежных полоцких лесах и крепких городах! В боях воины Ярослава брали верх, но схватки были нелегкими. А потом изменила часть варягов. Впрочем, у наемников такое поведение не считалось изменой. Ярославу служил скандинавский принц Эймунд с дружиной викингов. Брячислав пообещал заплатить щедрее, и Эймунд перешел к нему. И не просто перешел, а помог завершить войну.

Вместе с великим князем находилась его юная жена Ирина-Ингигерда. Смелая и умная, она повсюду была вместе с супругом, сопровождала его даже в военных походах. Незадолго до того княжеская чета похоронила своего первенца, Илью. Но почти одновременно Ирина принесла мужу второго сына, Владимира. Едва оправилась от родов, и уже снова делила с Ярославом труды и опасности. Эймунд знал, по каким дорогам ездит великая княгиня, и устроил для нее ловушку. Ирина со свитой воинов отправилась по своим делам без всякой опаски, как вдруг из засады хлынула толпа варягов, вчерашних соратников. Ошеломили

и погнали сопровождающих, великая княгиня стала поворачивать лошадь, чтобы ускакать, но Эймунд заранее позаботился, выделил самых метких лучников. Коня сразили несколько стрел.

Подхватив бесценную пленницу, варяги потащили ее к Брячиславу. Бережно, со всем возможным почетом – кто знает, вдруг когда-нибудь снова придется служить Ярославу? Полоцкий князь заполучил такой козырь! Надежды Эймунда вполне оправдались, Брячислав на радостях наградил его целой областью. А великому князю волей неволей пришлось вступить в переговоры. Выработали компромисс, для видимости почетный. Брячислав обязался больше не нападать, номинально признал над собой главенство Ярослава, вернул ему жену. Но фактически Брячислав оказался в немалом выигрыше. Великий князь за освобождение любимой супруги вынужден был не только подтвердить самостоятельность Полоцка, но даже отдать племяннику города Витебск и Усвят.

А в далекой Тмутаракани сидел еще один братец Ярослава, толстый и храбрый Мстислав. Его, как и прочих уцелевших родственников, не слишком занимал исход сражений на Буге, Альте, Судоме. Мстислав тешился собственными богатырскими подвигами. Задумал завоевать кубанских касогов, повел против них рать. Касожский князь Редедя был лихим воином, выстроил к бою соплеменников, но предложил – зачем гибнуть многим людям? Давай поборемся один на один. Кто одолеет, тот и победитель. Если выиграешь, возьмешь «жену, детей и страну мою», я выиграю – я возьму. О, это было вполне в духе Мстислава. Он азартно согласился – давай, была не была.

Как-то даже и не подумал, что одним махом ставит на карту судьбы и свободу своих дружинников, семьи, княжества, все они теперь зависели только от того, насколько силен и ловок их князюшка. Чуть-чуть не поплатились. Противники отложили оружие, схватились, пыхтели, и Редедя перебарывал соперника. Но Мстислав, ужаснувшись, все же обратился к Господу и Божьей Матери, из последних сил сломил медвежье объятие Редеди, повалил его и добил ножом. Касоги признали победу честной. Условие выполнили, согласились платить дань. Мстислав тоже проявил широкую богатырскую натуру. Отнесся к побежденным дружески, выдал дочку за сына Редеди, а в благодарность Пресвятой Богородице начал строить в Тмутаракани храм.

Но на Руси вслед за Полоцком, Киевом, Новгородом, озаботилось своими правами боярство Чернигова. То есть племенная верхушка северян. Племя когда-то было могущественным, а сейчас очутилось на второсортном положении. Киевляне пробовали посадить на престол собственного князя, новгородцы посадили, и вон какие выгоды приобрели. А чем черниговцы хуже? В их город наезжали купцы, тмутараканские и византийские греки. Подсказывали – есть отличный князь, лучше и сыскать невозможно. Брались передать ему приглашение, замолвить словечко, отвезти северских бояр к князю для переговоров.

А тем временем запыхала война по соседству с Тмутараканским княжеством, в Закавказье. Там начал вести себя независимо царь Армении Ашот III. А царь Абхазии Георгий, в свое время усыновленный отравленным Давидом Грузинским, объявил себя законным властителем этой страны, и грузины поддержали его. Прибыл византийский император Василий Болгаробойца с армией. В Армении греки спровоцировали междоусобицу, против Ашота III выступил его брат Иоанн Сембат. Дрались сурово, и оба обратились за поддержкой к императору. Василий II «рассудил» спор – выбрал Сембата, который согласился на большие уступки: отдал Армению «в вечное владение» Византии, а за это был назначен «пожизненным правителем» [100].

Абхазский Георгий пытался укрыться в труднодоступных местах, но греки подвергли Грузию и Абхазию жуткому опустошению. Нахватали в плен 200 тыс. жителей, часть их император велел умертвить, часть ослепить, остальных депортировать в Болгарию. А в Грузию приказал переселять болгар. В 1023 г. Георгий сдался, признал себя полным вассалом

императора, дал в заложники сына. Но за Абхазией лежало Тмутараканское княжество. Оно единственное разделяло владения Византии на Кавказе и в Крыму. С ним Черное море превращалось бы во внутреннее море греков.

И... случайно ли? В том же 1023 г., румяного доблестного Мстислава подтолкнули бросить свое княжество. Греческое окружение соблазнило его принять приглашение северян. Помогло деньгами, он набрал касогов, ясов, хазар и выступил заварить новую смуту, искать золотого престола киевского. Причем печенеги беспрепятственно пропустили его конницу через свою территорию.

Хотя на Руси и без того было неладно. В Ростово-Суздальской земле случился неурожай, голод. Начались волнения, и ими воспользовались языческие волхвы. Объявили, что во всех бедах виновата «старая чадь» – осевшие под Суздалем княжеские слуги, старосты, тиуны. Они были уже христианами, и волхвы внушали, будто их «колдовство» вызвало голод. Покатились погромы, «старую чадь» уничтожали целыми семьями, чтобы умилостивить прежних богов. Ярославу Мудрому, едва примирившись с Брячиславом Полоцким, пришлось мчаться в Суздаль. Бунтовщиков он разогнал, предводителей казнил. Отправил делегатов в Волжскую Болгарию, там закупили большое количество хлеба. Разъяснял народу, что голод наступил не от колдовства, а Господь наказывает людей за грехи, в том числе за упорство в язычестве.

В общем, греческие друзья Мстислава и северяне выбрали самый подходящий момент. Великий князь находился далеко, занялся устройением Залесского края. Ввел здесь «Русскую Правду», отлаживал администрацию [12]. А на юге из степей вынырнуло вдруг войско брата, и Чернигов встретил его с распростертыми объятиями. Но планы заговорщиков сразу стали нарушаться. Киев ни в какую не захотел принять Мстислава. Он совсем недавно натерпелся от поляков, и после этого впустить новые банды чужеземцев? Зачем оно нужно, такое сокровище?

А Ярослав оказался отрезан от столицы. Он уже привычно отправился в Новгород. В который раз собирал рать, нанял варягов, и в 1024 г. вступил на Черниговщину. Мстислав занял позицию у села Листвена. Уж что-что, а полководцем он был великолепным. Ночью начали готовить войска к битве, и тмутараканский князь правильно определил, что Ярослав поставит в центре основную ударную силу, варягов. Против них он построил ополчение северян, а личную дружину и кубанскую конницу разместил на флангах. Под утро натянуло тучи, загрохотала сильнейшая гроза. Но Мстислав не стал пережидать ее, дал команду атаковать.

Это было неожиданно, тут даже черниговские ополченцы смогли потеснить профессионалов. Рубились во мраке, под стенами ливня, ориентировались при ослепительных вспышках молний. Варяги все же устояли под ударом, опомнились, их копья и мечи разили противников уверенно и точно. Северяне подавались назад, варяги сминали их, вклинивались в их ряды. Но при этом они нарушили строй, и Мстислав ударил с флангов отборными частями. Рать Ярослава опрокинули, она побежала. Победитель, обходя поле боя, радовался: «Здесь лежит северянин, там варяг, а собственная моя дружина цела...»

Что ему были северяне? Он был чужим на Руси, с детских лет рос в Тмутаракани. Но очень быстро ему пришлось понять, что по-настоящему он не выиграл ничегошеньки. Киев, Переяславль, Смоленск, его по-прежнему не признавали. Видели в нем именно чужака. Кому нужен князь, которому трагедии и победы Руси были до сих пор безразличны? Ко всему прочему, ставленник черниговских бояр. А неужели киевским или смоленским боярам хотелось подчиниться черниговским? Ясам, касогам и хазарам требовалось платить. Поживились добычей, получили деньги и ушли по домам. И те же северяне, к коим Мстислав отнесся так пренебрежительно, остались его единственной опорой. Мало того, докатились известия, что без князя касоги захватили Тмутаракань.

Византийцы могли удовлетворенно потирать руки. Русичи лишились главной и единственной морской базы. А Мстислав лишился любимого города, считай что родины. Вот тогда-то удалой и недалекий богатырь наконец прозрел. Победитель обратился к брату. Соглашался признать его старшим, подчиниться ему. Ярослав, отступив на север, готовил новую армию. Он мог связаться с киевлянами, древлянами, ростовцами, раздавить Мстислава с нескольких сторон. Но разве не важнее было прекратить затянувшиеся кровопролития? Русские, в отличие от армян, не стали обращаться к «арбитражу» византийского императора. Убедившись, что Мстислав не замышляет подлости, а искренне готов к миру, Ярослав съехался с ним под Киевом и обо всем договорился. Мстислав получал в удел Левобережье Днепра и обязался повиноваться государю.

10. Ярослав Мудрый и величие Киева

Согласие между Ярославом и Мстиславом стало великим благом для Руси. Ее города и земли снова объединили свои силы. В 1029 г. Ярослав Мудрый лично возглавил поход на Тмутаракань. Отбил город, вернул брату его владения. Но ведь выиграл не только Мстислав, выиграло государство, Тмутаракань снова стала русским портом. Вместе принялись налаживать оборону против печенегов. Младший брат Судислав вел себя так же, как и раньше. От войны между старшими он опять постарался остаться в стороне. Вел какие-то подозрительные пересылки с полочанами, но покорить отпавшую Эстонию даже не пытался. Великому князю пришлось это делать самому. В 1030 г. он поднял дружину, пригласил новгородцев, охотно присоединились псковичи, они-то были отнюдь не такими робкими, как их князь.

А прибалты жили совсем еще примитивно. Даже в племена не объединялись, расплозились родовыми общинами по дебрям и болотам. В каждой выбирали отдельного вождя. Он снаряжал мужчин на охоту, рыбную ловлю. Если кто-то совершил серьезный проступок, нарушил обычаи, вождь его судил. Единолично выносил приговор, а виноватым собственноручно тяпал им головы топором. Эсты молились у колод-идолов, почтительно кланялись жрецам-колдунам, пускай удачу наколдуют, подальше отгонят болезни.

Победить и подчинить эстов для великого князя не составило труда. Чтобы закрепить над ними русское владычество, он построил крепость Юрьев (ныне Тарту) – Ярослав Мудрый носил христианское имя Георгий или Юрий, его небесным покровителем был Св. Георгий Победоносец. Государь прошелся и дальше, до самого моря, заложил еще одну крепость, Колывань (Таллин). Местным вождям он сохранил полную власть над их родами, управляйте как умеете. А в городах посадил своих наместников и гарнизоны для сбора дани, поставил Божьи церкви.

Эсты, как и прочие финские народы, христианство отвергали наотрез. Попытки крещения могли сплотить их и обернуться такой войной по лесам, что мало не покажется. Что ж, Ярослав не настаивал, насильно крестить не нужно. В Юрьев будут приезжать псковские купцы, в Колывань приплывут корабли новгородцев, туземцы потянутся в города продавать белок и куниц, покупать русские товары. Будут присматриваться к русскому быту, культуре, Вере, им станут объяснять ее. Найдутся желающие креститься, за ними другие... Именно так было в Залесском крае, где когда-то начинал княжить Ярослав.

В Польше христиане недалеко ушли от прибалтийских язычников, и обернулось это серьезными потрясениями. Пленных, приведенных из Киева, король Болеслав Храбрый распродавал и раздаривал приближенным. Одной знатной подружке монарха достался молодой воин Моисей Угрин – брат Георгия, убитого вместе со св. Борисом. Аристократка была без ума от красивого невольника. Но он был твердым в Православии, перспектива стать профессиональным наложником его не прельстила. Мало того, смерть брата, плен, рабство потрясли его, он задумал вообще уйти от мира. В Польшу в данное время приходили не только немецкие монахи, но и афонские, болгарские, основывали обители в лесах, проповедовали по городам. Моисей встретил таких проповедников и принял от них постриг.

Хозяйка не могла понять, как такое возможно? Невольник принадлежит ей, значит, ей принадлежат и его душа, и тело. Соблазнила, поселила в собственных покоях, щеголяла перед ним в самом откровенном виде, требовала по ночам ложиться рядом. Моисей выдержал все испытания. Полячка ярилась, от ухаживаний перешла к истязаниям. Наконец, выведенная из себя, приказала оскопить непокорного раба, а короля взялась уговаривать, чтобы он изгнал монахов, разносящих столь вредные, по ее мнению, обычаи. Болеслав и сам был не в восторге от монахов. В отличие от послушных ему епископов и придворных священников,

они смели обличать его поведение. Просьбу дамы, подарившей ему немало приятных минут, он исполнил, распорядился все обители порушить, а монахов гнать вон из королевства.

Но сразу после этого Болеслав скончался. Вокруг престола завязалась свара. Старший сын Мешко II сцепился с младшими, не поделив владения. Феодалы разделились. А кампания Болеслава против монахов оживила тайных язычников – не лучше ли совсем отбросить христианство? В междоусобице победил Мешко II. Двоих родственников ослепил, а младший брат Бесприм бежал на Русь [36]. А Ярослав не был бы Мудрым, если бы не принял его со всей любезностью. Пришла пора уточнить отношения с Польшей, вернуть отнятые земли и города.

У поляков не утихали внутренние дрязги. Взбунтовались покоренные Болеславом лужичане, к ним присоединились лютичи, призвали на помощь немцев. Германия не забыла, что Польша оттягала у нее области по Эльбе. Правда, Мешко II нашел сильного союзника, венгерского короля Иштвана I. Но и германский император Конрад II легко приобрел союзников – ими стали Ярослав Мудрый и отирающийся у него князь Бесприм. В 1031 г. немцы и чехи двинулись на Польшу с запада, а с востока – братья Ярослав и Мстислав с мощным русским войском. Они перешли Буг, осадили и взяли город Бельз. Западная Волынь вновь стала русской.

У Германии дела обстояли не так удачно. По ее тылам ударили венгры, ворвались в Австрию. Но Мешко II спешно согласился мириться с императором, отказался от завоеваний отца. Это его не спасло. Ярослав и Мстислав продолжали наступление, легко овладели Червенскими городами – их жители охотно возвращались в подданство Киева. Русские вступили в самую Польшу, давили и разбрасывали отряды враждующих между собой королевских воевод. Мешко бежал в Чехию, воины Ярослава заняли его столицу, Гнезно, и усадили на трон Бесприма [36]. Великий князь не стремился удержать чужую страну, как это пробовал сделать Болеслав. Удовлетворился восстановлением старых границ. Но за нашествие на Киев рассчитался в полной мере. Русичи забрали все вывезенные вещи, которые удалось разыскать. А что не нашли, компенсировали польскими богатствами.

Покидая страну, увели тысячи пленников. Хотя они предназначались не для рабского труда и не для продажи. Нет, Ярослав Мудрый задумал очередное большое дело. На Левобережье Днепра путь печенегам преграждали несколько линий крепостей, а на Правобережье – всего одна. Государь наметил строить еще одну, по р. Рось. Рубежи отодвигались на 60–90 км южнее, осваивались новые плодородные земли. Здесь возводились крепости Корсунь, Богуслав, Юрьев. Города надо было заселить, и как раз сюда направили поляков. Живите, трудитесь, служите новой родине.

Конечно, желания переселенцев никто не спрашивал. Но им в общем-то и в обиде быть не приходилось. Можно даже сказать, что уведенным на Русь повезло. Потому что Польша рухнула в полнейшие безобразия. Бесприм на престоле не удержался. Как только русские ушли, его убили заговорщики. Вернулся Мешко II, но теперь он вовсю заискивал перед немцами, в 1033 г. заключил с императором новый договор, признал себя вассалом, отдал дополнительные земли на западе. А это возмутило польских аристократов, поднялись бунты. Мешко скоропостижно помер, то ли от стресса, то ли помогли, его наследника Казимира вельможи выгнали.

Но тут же передрались между собой. Причем в выигрыше оказалась языческая партия, у нее имелась «идея». Объявляли, что христианство – «немецкая» религия, и великий герой Болеслав Храбрый как раз и намеревался от нее избавиться, да не успел. Князь племени мазовшан Моислав сделал язычество своим знаменем. Почему бы ему не надеть польскую корону? Другие аристократы не испытывали ни малейшего желания подчиниться Моиславу, зато к нему потянулось простонародье, мелкие феодалы, чем-либо обиженные аристокра-

тами. Польша уже 70 лет прожила в христианстве, но выяснилось, что язычество живо-живехонько. Оно забурлило повсюду, да еще в самых жутких формах.

Полыхали и рушились храмы, сооружались капища. Какие-то обряды уже и забыли, но что-то помнили. А что не помнили, с ходу придумывали. И в первую очередь – тащили к капищам христиан. Тащили женщин, подростков, детей из захваченного селения или замка, когда перебили мужчин-защитников. Какая разница, христиане или такие же полуязычники? Жили во владениях противника, значит, христиане. Растягивали на валунах алтарей голые тела, оружие и дергающиеся от ужаса. Не пойми откуда взявшиеся бесноватые ведуны вздымали скрюченные руки к небу, выкрикивали имена древних божков. Взмахи ножей потрошили плоть, землю пакостили вывалившиеся внутренности, а к алтарям вели следующих. Коптили палеными кусками мяса жертвенные костры, собравшаяся толпа пьянела от крови, от человеческих мучений, заходила в возбужденных плясках...

Из Польши хлынули беженцы в разные стороны, в том числе на восток. Их принимали, люди были нужны. Великий князь расспрашивал приехавших в Киев польских рыцарей, воинов, определял на службу по их достоинству. Сравнил – до такого, как у них, Русь все же не доходила. А почему? Причина выглядела очевидной. Удержала Веру, не отдала на поругание. Ярослав вспоминал, как подавлял мятеж под Суздаlem. Пожалуй, назревало то же самое. Своими глазами видел сожженные селения, изуродованные трупы. Но сравнение с Польшей убеждало и в мысли, что нельзя насаждать христианство силой. Надо, чтобы люди сознательно, собственной душой обращались ко Христу. Православие должно быть их собственной Верой, тогда от него не отступят.

Урок Польши приводил и к другому выводу: внутренняя смута страшнее любого внешнего врага. Пока едины, неприятеля можно отразить, переиграть, выгнать. А «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякой город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Матф. 12, 25). Не зря же о такой опасности предостерег Сам Господь. Но поняли это еще не все. Теперь тревожная информация стала поступать из Пскова. Рядом с Судиславом появились крамольники, покинувшие Киев с Болеславом, сейчас-то им и с Польшей пришлось распрощаться. Дорожку к брату проторили и византийцы. С Мстиславом не удалось, так есть еще один. А Судислав, даром что трус, поддался.

Завидовал старшему брату, его успехам, богатству. Повел тайные переговоры о союзе с Брячиславом Полоцким. Больше прощать Ярослав не стал. Сколько можно? В 1034 г. пресек измену на корню, взял брата под стражу. В тюрьму не посадил, распорядился содержать прилично (в тогдашней тюрьме-порубе выжить 24 года, как получилось у Судислава, было невозможно). Но свободы лишил, а Псков подчинил Новгороду. Город слишком обособился от общерусских дел, пускай новгородцы подтянут его к своему уровню.

А в 1036 г. скончался брат Мстислав. Поехал на охоту, занемог, и уже не оправился. Не стало простодушного богатыря, наломавшего столько дров, но потом верой и правдой служившего Руси. Украшал Чернигов, возводил величественный собор Спаса. Был грозой для печенегов. Их ханы то и дело пробовали на прочность русские границы, за 21 год летописи отметили 16 войн! [30] Но Мстислав за всю жизнь не знал ни одного поражения в боях! Великий князь мог спокойно ехать по делам в Новгород, Псков, покорять эстов – на юге оставался его брат. Степняки, раз за разом получая взбучку, присмирели, несколько лет вели себя тихо.

Единственный сын Мстислава умер раньше отца. Левобережье Днепра и Тмутаракань перешли под непосредственное управление великого князя. Ему-то пресечение рода не угрожало. Любимая Ирина дарила ему все новых детей. За Владимиром родились Изяслав, Анна, Святослав, Всеволод, Анастасия, Елизавета, Игорь, Вячеслав. Но Ярослав не спешил рассылать сыновей на княжение, как делал его отец. По себе знал, как это бывает. Самостоятельность, конечно, хорошая школа. Но чему можно научиться на окраинах? Ездить по лесам

собирать подати, решать мелкие споры между селами? Помнил и то, как руководили им при- ставленные дядьки, как окручивало его, несмышлениша, ростовское боярство, потом новгородское. Ведь так же окручивали и Мстислава, Святополка Окаянного...

Нет, сыновьям надо подольше побыть вместе, одной семьей, тогда и мыслей не возникнет поднимать меч на брата. А настоящее княжеское воспитание удобнее организовать при дворе. Государь следил, чтобы его дети получили достойное образование. Они знали по нескольку языков, даже дочери свободно владели греческим, латынью. Только в 1036 г., когда старшему, Владимиру, исполнилось 16, Ярослав решил, что пора доверить ему самостоятельность. Куда назначить? Ясное дело, в Новгород. Новгородцам будет лестно, что у них княжит наследник, они станут для Владимира лучшей опорой, а школа ему выпадет трудная, но нужная. Ярослав сам повез сына сажать на престол. Городу честь оказать, а заодно подсказать что к чему. При нем бояре не будут лукавить, закидываться перед молодым князем на лишние права. Накопились и другие дела: надо было выбрать новгородского епископа, узнать, что в Пскове делается.

Но сопредельным державам укрепление Руси было совсем не по сердцу. За всем, что творилось в стране, цепко присматривали чужие глаза. Вот и сейчас они четко оценили выгодную ситуацию: непобедимого Мстислава больше нет, черниговцы недовольны приездом к ним киевских наместников, а Ярослав отправился на север... Операцию организовывали не печенеги, это был не их уровень. Авторы грамотно рассчитали, сколько нужно времени великому князю, чтобы доехать до Новгорода, оторваться подальше от столицы. По степям снова сработала рука опытных дипломатов, будоража кочевников. Ничто не предвещало грозы. У русских с печенегами был мир, он ничем не нарушался. Но так же, как когда-то на Альте поднялись вдруг все кланы, забыли взаимные счеты и без всякого повода понеслись на Русь.

Бесчисленные тучи кочевников проломили пограничную оборону, и на осады крепостей, мелких городов, они не отвлекались. Двигались целенаправленно – на Киев. Передовая линия крепостей, заложенная Ярославом на Руси, сыграла свою роль. Столица получила больше времени изготавиться. В город бежали крестьяне, воеводы вооружали киевлян. Лавина врагов выплеснулась к стенам и споткнулась. Засвистели стаи стрел, ударили камнеметы. Поворачивали лошади, волоча мертвые тела, хромящие всадники выбирались из-под убитых лошадей. Самых напористых, дорвавшихся до подножия стен, окатили кипятком и горячая смола.

А к Ярославу уже летели гонцы, загоня коней. Новгородцы, как всегда, не подвели его. Вооружились мгновенно – веди, государь! Взметнулся великокняжеский стяг, браво гарцевали дружинники, грузилась в быстрые ладьи пехота. Призывая по пути отряды других городов, рать полным ходом помчалась к осажденной столице. Все расчеты печенегов оказались перечеркнуты. Надеялись взять Киев с налета. Увидят полчища, растеряются, тут-то и бери их голыми руками. А город держался, отражал атаки. Надеялись, что осада сделает свое дело – народу в крепость набилось много, съедят запасы, тут им и конец. А неожиданно появился Ярослав...

Печенеги к этому оказались не готовы, но киевляне ждали. Открыли ворота, ринулись на вылазку и соединились с подмогой. Битва была жаркой, яростной. Рубились и резались целый день. Лишь к вечеру степняков сломили и опрокинули. Бросились в преследование, добивали вдогон. А от Киева до родных степей им было удирать куда дальше, чем от берегов Альты. Вышли на перехват гарнизоны крепостей, оставленных неприятелями в тылу, истребляли перемешавшиеся отряды. Вторжение обернулось для печенегов таким разгромом, что стало последним. Больше они на Русь не приходили никогда. Угроза, больше ста лет терзавшая страну, исчезла. Развевалась в воплях перебитых, в панике бегущих.

Люди этого еще не знали, но чувствовали – победа-то не рядовая. Произошло что-то особенное. Это ощущал и великий князь. Ощущал в общем ликования, радости. Он решил и отметить победу по-особенному. Точнее, задумка была старой, а разгром степняков предоставил ему подходящий повод. Ярослав повелел прямо на месте битвы заложить храм. Не просто храм, а св. Софии. Заодно он стал прозрачным намеком для тех, кто подстрекал печенежские набеги. Есть св. София в Константинополе – будет и в Киеве. Не похожая на греческую, своя, неповторимая, и не менее прекрасная. Правда, храм получался за пределами города. Но дело было поправимым. Нападение показало, насколько тесными стали старые укрепления для умножившегося населения. Ярослав повелел строить новые стены, каменные, неприступные и величественные. Денег на это в казне хватит. А ворота тоже распорядился назвать как в Константинополе – Золотые, Серебряные...

Рюрик, Вещий Олег, св. Ольга, Святослав, св. Владимир создавали державу. При Ярославе Мудром в полной мере созрели плоды. Русь становилась не только самым большим государством Европы, но и самым красивым, развитым. Иностранцы и раньше удивлялись размерам Киева, а сейчас вокруг прежнего, Владимирова города, разрастался Ярославов. Возводился дворец великого князя, палаты, вздымались купола новых храмов, оборудовались торжища, пристани.

Государь настойчиво добивался, чтобы его подданные были образованным народом. Он создал книжные мастерские. В одних трудились переводчики, перелагали на славянский язык лучшие произведения греческой мысли. В других книги размножались, переписывались. Великий князь лично контролировал эту работу. Прочитав хорошую книгу, давал указание делать с нее списки. Ярослав собрал богатейшую семейную библиотеку, но впервые на Руси организовал и городскую, при храме св. Софии. А к киевским училищам, учрежденным св. Владимиром, Ярослав добавил школу в Новгороде на 300 детей.

Впрочем, Новгород вообще не хотел отставать от Киева. Он разросся на пять концов, привлекал множество иностранных купцов. По договоренности с городом они основывали постоянные подворья, заселили целые улицы – немецкую, готскую. Владимир Ярославович, подражая отцу, тоже заложил храм Св. Софии. Опять же, он был не похожим ни на греческий, ни на киевский. Он был особым, как бы вобрал в себя дух русского севера. Могучая, основательная св. София Новгородская.

Энергичные новгородцы старались распространять свое влияние и на соседние области. Юный Владимир показал, что умеет быть хорошим воином. Совершил с городской ратью трудный поход в Финляндию, победил и обложил данью племя емь. А ватаги удальцов и отряды бояр проникали в глубины северной тайги. Они выработали собственные методы и традиции. Могли ли несколько десятков или сотен добрых молодцев покорить оружием бескрайние пространства? В глухомани, в отрыве от родины, их попросту вырезали бы, не сегодня так завтра. Новгородцы действовали иначе. Когда нужно, пускали в ход и оружие, но старались договориться по-хорошему. Склоняли таежное население платить дань, а за это обещали покровительство, защиту от других племен. В обычаи местных жителей не вмешивались. Привозили товары, которых у них не было. Хочешь торговать – пожалуйста. Хочешь воевать – попробуй. Строили укрепленные остроги. Вокруг них возникали селения.

В это же время норвежские викинги пытались попасть в «Великую Биармию» – т. е. Пермь, сказочную страну золота и драгоценных мехов. Это было чрезвычайно трудно, утлые ладьи погибали во льдах и полярных штормах. Тех, кому удавалось пройти на восток, считали героями, воспевали в сагах. Но когда норманны сумели обогнуть Кольский полуостров и добраться до Северной Двины, они обнаружили русский город, ярмарки, куда съезжались купцы и окрестные население. Викинги попробовали было установить «контакты» теми способами, как было принято у них. Разграбили святилище божества Йомалы, ободрали золото и серебро с идола, обчистили даже приношения здешних жителей на их кладбище.

Итог был предсказуемым. Поднялись таежные племена, русские подсобили, и уцелевшим героям оставалось отчаливать пока не поздно. Новгородцы подобных проколов не допускали. Они-то идолов и кладбища не трогали. У них на севере появлялись друзья. Опираясь на друзей, узнавали дальнейшие дороги. От Двины и Сухоны дошли до Мезени, потом до Печоры. Достигли и сурового «Камня», Уральских гор.

Ну а Ярославу Мудрому все-таки пришлось заниматься хаосом в Польше. Распад там углубился так, что дальше некуда. Крестьяне пришли к выводу, что христианство – не только «немецкая», а «господская» религия, крушили всех, кого причислили к господам. Воспользовался князь Чехии Бржетислав. Он, подобно Болеславу Храброму, возмечтал создать собственную великую державу и двинул на Польшу войска. Феодалы с облегчением вздохнули, переходили к нему, разгоняли повстанцев.

Бржетислав легко захватил почти всю страну, кроме Мазовии. Но она была оплотом язычников. Ее князь Моислав заключил союз с другими язычниками, ятвягами и литовцами, отразил чехов. Для Руси расклад получался совсем нехорошим. Гнойник воинствующего язычества рядом с границами был ей ни к чему. Мазовшане со своими союзниками разохотились совершать набеги как на польские, так и на русские земли. Еще опаснее было, если зараза язычества перехлестнет к не окрепшим в Вере подданным великого князя.

Но и в той части Польши, которую оккупировали чехи, было неладно. Войска Бржетислава вели себя так же, как поляки в их стране. Расположились полными хозяевами, грабили, насильничали. Уцелевшие польские вельможи спохватились, обратились к немцам, как бы вернуть их законного монарха. Германскому королю Генриху III этот вариант понравился. Его вассал Бржетислав после своих завоеваний возгордился, не желал подчиняться. Генрих связался с Ярославом Мудрым, предложил действовать сообща. Великий князь рассудил, что это и впрямь будет полезно. С одной стороны язычники, с другой – аппетиты чехов Польшей не ограничивались, они начали коситься на Прикарпатье, Волынь. Пусть лучше правит польский король. Он ослаблен в раздорах, вреда не нанесет.

А законный король Казимир уже и не надеялся, что возвратится на престол. В Германии с ним сперва обошлись довольно неласково, он перебрался во Францию и постригся в монахи. Но немецкие и польские посланцы извлекли его из монастыря, папа по просьбе Генриха III разрешил короля от монашеского обета. Немцы начали войну с Чехией, отвлекли ее. В Польшу прибыл Казимир, паны и простолюдины встретили его с радостью, принялись выгонять чехов. А русские ударили на Мазовию и ее союзников. Сражения были нелегкими. Самому Ярославу и его сыновьям пришлось организовывать три похода на запад. Княжеские рати одолели ятвягов, литовцев, сокрушили и многочисленное воинство мазовецкого Моислава.

На земли побежденной Мазовии Ярослав не позарился, она была бы слишком сомнительным приобретением. Для Руси был важнее прочный мир. Государь отдал Мазовию Казимиру – сам разбирайся со своими язычниками. Польский король не знал как благодарить. В 1042 г. заключил с великим князем договор, «навечно» признал русскими Прикарпатье и другие спорные владения. Возвратил 800 человек – всех, кто еще оставался в Польше из давних пленных. Дружбу и союз скрепили двойным браком. Король брал в жены сестру Ярослава Доброгневу (Марию), а свою сестру выдавал за сына великого князя, Изяслава.

Как с семейной, так и с государственной точки зрения все сложилось удачно. Младшая дочка св. Владимира, сестренка Бориса и Глеба от болгарки, получила коронованного супруга. А положение Казимира было ох каким шатким! Даже его столица лежала сожженная и разграбленная, скромненько венчались не в Гнезно, а в Кракове. Но через жену он приобрел могущественное покровительство Ярослава, держался за русских двумя руками.

Великий князь задумывал и другой альянс. Союз с Германией уже несколько раз оказывался выгодным и эффективным, а Генрих III как раз овдовел. Ярослав ему тоже забросил

предложение – почему бы не породниться? В Киеве подросла дочь государя Анна, умница и красавица. А если русский и германский монархи станут родственниками, кто сможет противостать им? Они будут диктовать свою волю хоть чехам, хоть венграм, хоть грекам. Но... помыслы и политика Генриха были нацелены в совсем в иную сторону. Туда же, куда у его предшественников – в Италию, к блестяшке императорской короны.

Волею судеб в собственность Генриха III перешло большинство германских герцогств, казалось бы – можно установить единоличное правление. Но ему даже с Германией было возиться недосуг, он пораздавал герцогства новым вассалам. А для женитьбы, поколебавшись, выбрал Агнессу, дочь герцога Аквитанского. Властителя совсем плевенького, но ему случайно достался чисто формальный титул «короля Италии». Однако на Западе, перенявшем римский культ юридического крючкотворства, подобным формальностям придавалось важнейшее значение... Для Киева отрицательный ответ, конечно, был обидным. Ну что ж, пожали плечами. Как хотите, учтем на будущее. А дочери Ярослава Мудрого без женихов не останутся.

11. Ярослав Мудрый и дела церковные

Церковные проблемы на Руси были ничуть не менее насущными и злободневными, чем военные и дипломатические. Св. Владимир Креститель имел возможность выбирать между Константинопольской и Охридской патриархиями. Но в 1018 г. Болгария прекратила существование, ее церковь утратила самостоятельность. Теперь волей-неволей нужно было обращаться в Константинополь. В 1020 г., сразу по окончании войн со Святополком, в Киеве появился греческий митрополит Иоанн I. Тем не менее отношения с Византией оставались прохладными.

Ярослав знал, кто подталкивает печенежские набеги, кто подстроил нападение Мстислава. А митрополит гнул свою линию. По канонам Западной церкви главой «христианского мира» являлся папа, но по установкам Восточной – император. Все, кто вошел в ее лоно, принял крещение от греков, должны были признать себя вассалами императора. Хотя бы формально. Для начала. Ярослава это не устраивало. Унижать престиж Руси он не собирался. Впрочем, он наглядно видел, чем оборачивается подобная зависимость – на примерах болгар, грузин, армян, абхазов. Но в стране уже имелись свои, русские священники, обученные и рукоположенные от болгар. А болгарское духовенство по указу Василия II тоже вошло в византийскую церковь. Соответственно, митрополиту приходилось считаться с этими священниками, числить их вполне законными, равноправными с греками. На них-то и старался опираться великий князь, примечал лучших, выдвигал.

Один из русских, Иларион, служил в храме св. Апостолов в пригородной резиденции государя, Берестове. Беседуя с ним, Ярослав понял, что он человек умный, начитанный. Но Илариона отличала и чистая, самоотверженная Вера. В соседнем лесу он выкопал себе пещеру. В свободное от службы время уходил туда молиться в уединении, чтобы не отвлекали шум и суeta большой усадьбы. Ярослав оценил эти качества и в 1027 г. приблизил к себе, сделал своим духовником. Ему нужен был именно такой. Способный разрешить душевные сомнения, подать совет, но и образованный, разбирающийся в богословских тонкостях, которыми пытались играть византийцы. А главное – свой, русский. С митрополичьими греками сокровенным не поделишься, у них даже исповедь могла превратиться в донесение в Константинополь.

Иларион стал верным и деятельным помощником государя. Налаживал перевод и переписку книг, обучение молодежи. Вместе с ним Ярослав Мудрый кропотливо занимался разработкой церковных уставов. Дело было крайне важным и не простым. С одной стороны, требовалось подкрепить авторитет церкви, наделить ее законодательными правами. С другой, провести четкую черту между духовной властью и государственной. Такую черту, за которую митрополиту и его присным заступать не положено.

Особое внимание Ярослав обращал на «черноризцев» – монахов. Греческих-то монахов на Руси почти не было. А среди русских людей хватало необученных, не подготовленных к священству, зато загоревшихся пламенем Веры, настоящих подвижников, принимавших монашеский постриг. Государь осознал, что как раз через них, не только проповедью, а делом, примером, Православие будет овладевать сердцами простых людей. В Киеве были созданы монастыри Св. Георгия и Св. Ирины, небесных покровителей великого князя и его супруги. А пещерка Илариона возле Берестова почти не пустовала. В ней поселился преподобный Антоний. О его святой аскетической жизни распространялась молва. В 1032 г. из Курска пришел благочестивый молодой человек Феодосий, присоединился к Антонию. Появились другие монахи. Так зародился Киево-Печерский монастырь.

Попытки Ярослава выдвигать национальные кадры вызывали трения с Константинополем. Хотя государь, в общем-то, руководствовался общепринятыми нормами – в XI в.

в любой суверенной державе монарх обладал правом инвеституры, определять и назначать епископов. Так было и в самой Византии. Но в том-то и дело, что греки не считали Русь суверенной. Силились включить в число своих подданных: пусть и номинально, через церковную зависимость. Уступать великому князю они никак не собирались. В 1036 г. освободилось место епископа в Новгороде, и Ярослав Мудрый, преодолев сопротивление византийцев, настоял на собственной кандидатуре. Впервые провел в епископы русского богослова Луку Жидяту. Но когда повез нового владыку к новгородцам, случился тот самый массивный удар печенегов на Киев. Случайно ли так совпало?

Правда, дела самой Византии по сравнению с Русью выглядели невзрачно. Очень сложной была эта держава, противоречивой. Здесь существовал святой Афон, но была и почти светская патриархия, продажная, погрязшая в интригах. Были доблестные пограничники-акриты, поколение за поколением встававшие на пути вражеских полчищ, но была и клоака придворного синклита. Константинополь славился непревзойденными мастерами, художниками, зодчими, но подавляющее большинство его населения составляли хищные вельможи со своими прихлебателями, алчные торгаши, развращенная чернь. Империя загнивала уже давно и основательно, однако до поры до времени держалась на инерции.

Одoleвать противников грекам позволяла изощренная и коварная дипломатия, она накопила тысячелетний опыт, и патриархия играла в этом не последнюю роль, внешнеполитическое ведомство традиционно возглавлял епископ Евхаитский. Византийцам немало помогал и устоявшийся престиж ведущей державы мира. Константинополь ослеплял иноземцев внешним блеском, и на этот блеск, на поиски счастья и богатства, устремлялись люди из других стран. Империя подпитывалась чужими умами, талантами, силами.

Но как раз в царствование Ярослава Мудрого инерция, казавшаяся вечной, вдруг надломилась. Василий Болгаробойца стал последним императором, правдами и неправдами поддерживавшим величие ромеев. В 1025 г. он умер, и власть досталась его брату Константину VIII. О нем даже греческие историки не сказали ни одного доброго слова. Как раньше, так и теперь он интересовался лишь попойками и женскими прелестями. Советников Василия он разогнал, а к государственной кормушке дорвались те, кто обеспечивал царю его развлечения. Но кутежи в возрасте за 70 до добра не довели, Константина хватило лишь на три года. После него остались дочери Зоя и Феодора, периодически отмечавшиеся скандальными похождениями, но так и не выданные замуж. Это оказалось кстати. При отсутствии мужчин-наследников в Византии ставили императоров путем брака.

Закипели страсти, разные группировки выдвигали своих ставленников. Выбрали такого, чтобы он сохранил то же окружение, не мешал придворной клике заправлять по-своему и набивать кошельки. Императором стал пустой и тщеславный Роман Аргир. Он был женат, но патриарх легко расторг его брак, отправил жену в монастырь и в 1028 г. обвенчал Романа с Зоей. Хотя случилась накладка. 50-летняя императрица жаждала очень бурной супружеской жизни, а 60-летний супруг обслужить ее темперамент не мог. Поэтому царица сошлась с красавчиком Михаилом Пафлагонянином. Роман, на свою беду, оказался принципиальным. Ему увлечение жены не понравилось. Забыл, что он-то является лишь «довеском» легитимной императрицы. А Зоя семейных сцен не любила, в 1034 г. она отравила мужа и на следующий день вышла замуж за Михаила.

Но несчастной женщине решительно не везло в супружестве. Со вторым мужем тоже вышла неладно, обнаружилась чахотка. Что ж, царица не отчаивалась, придворные подсунули ей молоденького Михаила Калафата. Пафлагонянин повел себя более благоразумно, чем прошлый император, сцен не закатывал, Зоя уговорила его усыновить Калафата и стала вместо супруга жить с «сынком». А тем временем казна разворовывалась, росли поборы с населения. Поднимали мятежи военачальники, нацеливаясь на императорский трон. Их подавляли единственным способом – перекупали помощников, и они предавали лидеров.

Вдобавок, Византия пожала плоды своей политики в Причерноморье. Она слишком долго и упорно натравливала печенегов на Русь, а после разгрома 1036 г. кочевники боялись идти на север. Но они уже приохотились к грабежам, не могли существовать без добычи, торговли пленными. И тогда... начались их набеги на саму Византию. Это оказалось легче, чем на Русь. А какая разница, кого в полон угонять? Евреи все равно купят, найдут куда перепродать.

Ярослав Мудрый не обличал того, что творилось в Константинополе. В конце концов, кто как царствует и с кем спит – внутреннее дело империи. Он готов был улучшить отношения с греками. Возводимую им Софию Киевскую заранее назвал Митрополичьей. Новый митрополит Феофемпт, присланный на Русь, получал роскошный храм и резиденцию, его окружили почетом. Но государь требовал и взаимного уважения. Не тут-то было! Греки по-прежнему вели себя высокомерно, титулов великого кагана и самодержца не признавали. Феофемпт еще настойчивее, чем его предшественник, лез в политику. Шаги великого князя, невыгодные Константинополю, признавал негодными Богу. На Литургиях звучали здравницы сменяющимся императорам, а уж потом как бы их вассалу, «архонту» Ярославу.

Одновременно назревал еще один конфликт. Каждая национальная церковь имела своих святых покровителей. Великий князь и его духовные советники готовили материалы для канонизации русских святых. В первую очередь, св. Владимира Крестителя. Это было закономерным и само собой разумеющимся. В любой стране монарх, приведший ее к христианству, вскоре после преставления признавался святым. Прочие его земные дела даже в расчет не принимались. Обращение целого народа к Христу перевешивало и прошлые языческие заблуждения, и частные прегрешения. «Ибо дерево познается по плоду» (Матф., 12, 33), а в таких случаях плоды говорили сами за себя. Кроме того, еще св. Владимир начал подготовку к канонизации своей бабки, св. Ольги. На Руси появились и страстотерпцы, свв. Борис и Глеб, духовенство исследовало обстоятельства их мученичества, было составлено «Сказание», заготовка для Жития [85].

Но... Константинопольская патриархия в прославлении русских святых отказала. Беспочинно и наотрез. Точнее, причины-то были очевидными. Св. Владимир слишком крепко насолил Византии. Св. Ольга тоже вела себя очень нелояльно к Константинополю. Свв. Борис и Глеб были сыновьями болгарки, а скандал с царевной Анной и переориентацией Руси на Болгарию не забыли. Да и вообще, разве можно было «варварам» иметь святых? Существует предостаточно греческих святых, пусть молятся им, заодно привыкают почитать греков как таковых, высший народ, более близкий к Господу.

Но и назвать истинные причины было нельзя. Отказ – официальный документ. Византийцы в собственных хрониках тщательно обошли историю взятия Херсонеса, крещения св. Владимира, его женитьбы. Разве можно было расписаться в том, как русский князь обставил их империю? Отказ округло мотивировали всего лишь тем, что св. Владимира «Бог не прославил» посмертными чудесами. Русские богословы весьма квалифицированно возражали, что чудеса творят и бесы, а многие святые их не творили [30]. Нет, патриархия оставалась будто глухой, повторяла одно и то же. Насчет святых Ольги, Бориса и Глеба отделялись другими формальными отговорками.

Тут уж допекло. Загремел голос Илариона. В Киеве как раз завершили строительство Золотых ворот, их венчал храм Благовещения, и на его освящении перед всем государевым двором, столичной знатью и митрополичьим клиром духовник великого князя прочел написанное им «Слово о законе и благодати». Ясное дело, оно создавалось с ведома и одобрения Ярослава. Это было и блестящее богословское произведение, и шедевр литературы, и взрывной политической трактат. Иларион разобрал суть иудаизма, основанного на законе, и противопоставил ему христианство – закон властвовал до Христа, а дальше в мир пришла Благодать Божья. Но ведь и византийцы, как прежде евреи, вообразили себя «наро-

дом избранным», пытаются регламентировать Веру собственными мертвыми законами. А она дается по Благодати – тому, кому сочтет нужным Господь. Да и Русь приняла крещение не от греков – приняла от собственного великого князя, на которого снизошла Благодать.

«Слово» было гимном св. Владимиру, гимном всей Руси. Иларион указывал, что Русская земля «не худая, не неведомая», а «известна и слышима во всех четырех концах земли», воспевал Киев, «величием сияющий», «церкви процветающие», «христианство возрастающее». А св. Владимира сравнивал с апостолами, со св. равноапостольным императором Константином, принесшим свет Веры Римскому царству. Славил и предков Владимира великих князей Игоря, Святослава, их мужество в битвах, победы, могущество – несмотря на то, что они были язычниками, а битвы-то вели с византийцами. Иларион не забыл подчеркнуть титул Владимира Святославовича, унаследованный Ярославом – каган [85]. Это был хлесткий и откровенный ответ на греческие притязания «исключительности».

Между тем, Константинополь все глубже скатывался в мерзость. В 1041 г. Михаил Пафлагонянин умер, и царица Зоя вышла за «сына» Калафата. Но делить ложе со старухой было не слишком приятным занятием. Калафат терпеливо совершал это, пока от его пыла зависела дальнейшая карьера. Заполучив корону, он настроился иначе. В 1042 г. решил, что императрице пора удалиться в монастырь, а править будет он сам. Но он не рассчитал своих сил. Сестрички Зоя и Феодора помчались по улицам, поднимая столичную чернь. Открывались винные подвалы, в толпу швырялись деньги, горожане взбурлили «за нашу матушку Зою» [100]. Калафата свергли и ослепили. А Зоя озаботилась, кем бы его заменить, и вспомнила давнего любовника Константина Мономаха. Этот фанфарон и бабник уже дважды был женат, в свое время за связь с Зоей угодил в ссылку и жил там с собственной племянницей Склиреной. Его извлекли в столицу, без проблем обвенчали и короновали, хотя 64-летней Зое пришлось смириться с наличием племянницы. Устроились дружно, по-семейному, втроем.

Но во время переворота в Константинополе пьяные толпы бесчинствовали, под горячую руку погромили лавки русских купцов, были убитые. Ярослав Мудрый потребовал возмещения убытков и наказания виновных. Мономах и Зоя спустили дело на тормозах, они не хотели обижать сброд, который обеспечил их победу. Это стало последней каплей. В 1043 г. великий князь объявил Византии войну. Впрочем, грабеж и убийство стали лишь предлогом. Настоящую причину, как ни парадоксально, раскрывают греческие хроники. Они назвали войну... «восстанием русов» [30]. Да-да! Восстанием! Нашу страну и впрямь старались принизить до положения подневольной провинции. Пришла пора внести ясность.

Для удара был выбран подходящий момент – против Византии восстала Сербия, взбунтовался военачальник Георгий Маниак. Командовать войском государь поручил сыну Владимиру и воеводе Вышате. Оно было небольшим, 10–12 тыс. Отправлялось без конницы, обозов, осадных машин, десантом на лодках. Для взятия города с миллионным населением такая армия, конечно, не предназначалась. Но Ярослав, Иларион и другие советники великого князя знали отечественную историю. Изучали документы и старые договоры, подтверждавшие – Олег, Игорь, Ольга, Святослав, взимали с греков дань [27]. Владимиру Ярославичу дана была четкая инструкция: как следует пугануть византийцев, если нужно, разорить окрестности их столицы и добиться выплаты дани. Не из-за денег, стоило ли огород городить из-за скольких-то фунтов серебра или золота? Но, по средневековым нормам, монарх, выплативший *дань*, считался *подданным* победителя. Вот и попробуйте после этого задирать носы...

Мономах сперва распетушился, хотел показать себя настоящим императором, оправдать прозвище (Мономах – единоборец). Велел арестовать русских купцов в Константинополе, русских наемников на греческой службе, разослать их по разным городам. Но у Босфора показался флот Владимира, и царь заюлил. Направил послов, соглашался выплатить штраф за убийство, компенсировать убытки. Конечно, этого было уже мало, военные

издержки тоже чего-то стоили. А Владимир и задачу имел вполне определенную, объявил: отстегивайте дань. Все греческие цари в подобных ситуациях предпочитали откупаться, Ярослав это учел. Но... он не учел, что казна Мономаха была пуста. Совершенно. Все рас-транжирили на переворот, на празднества коронации, на подкуп мятежных сербских вождей и военных.

Хочешь не хочешь, император был вынужден сражаться. У византийцев имелось секретное оружие, которого не было ни в одной стране, «греческий огонь». Из особых устройств-сифонов выдувалась смесь, она воспламенялась на воздухе, и даже водой погасить ее было невозможно. Как раз это оружие выручило Мономаха. Он собрал сколько мог кораблей, вооружил огненосными сифонами и выслал на русских. Поджечь удалось лишь несколько лодок, но «греческий огонь» разлился по воде, и флоту пришлось отойти в открытое море. А пока остановились, перегруппировались, налетел шторм. Для легких судов это было опасно. Некоторые потопило, самого Владимира перетащили из тонущей ладьи в другую. Много судов выбросило на берег, поразбивало о камни, 6 тыс. воинов остались без лодок.

О продолжении операции не могло быть речи. Вышата высадился на берег. Сказал, что разделит с соратниками все трудности, поведет их пробиваться на родину. А Владимир возглавил остатки флота. Императора окрылило неожиданное спасение. Он вообразил себя великим военачальником, заявлял, что проучит русских, навсегда отобьет охоту к нападениям. Выслал эскадру из 24 галер перехватить лодки. С опозданием к столице прибыли два армейских легиона, их Момах тоже отправил в преследование. Византийская эскадра обогнала Владимира, встала у устья Днепра, перерезав дорогу домой. Но русские бросились в атаку. Они уже выработали способы противодействовать страшному неприятельскому оружию. Умело маневрируя, быстро подскочили вплотную, и применить «греческий огонь» стало невозможно, чтобы не сгореть самим. Княжеские воины сцепились с вражескими судами, полезли на палубы в рукопашную. Императорский адмирал был убит, эскадру захватили.

На суше обернулось куда хуже. Тяжелая конница настигла русичей у Варны. Они отчаянно отбивались, но их смяли. Больше 5 тыс. воинов полегло, 800 человек вместе с Вышатой взяли в плен. О, тут-то Момах постарался похвастаться, поднять свой авторитет. Потешил Константинополь победными торжествами, под восторженные вопли толпы всем пленным выкололи глаза... Но за эйфорией пришло похмелье. В провинциях не утихали бунты. Через Дунай вторгались печенеги, нападали мадьяры. А Русь-то ничуть не ослабела. Нависала с севера, как грозовая туча. Чего стоило могучему Ярославу сговориться с теми же печенегами, мадьярами?

Императорские чиновники срочно выколачивали из народа деньги, откупаться пока не поздно, и в Киев пожаловало византийское посольство. Момах соглашался отпустить пленных, заплатить любую цену. Разве что слова «дань» уклончиво избегал, называл возмещением убытков. Подтверждались старые и давали новые привилегии русской торговле. А вдобавок император предлагал кому-нибудь из неженатых сыновей Ярослава руку своей дочери Анастасии! Св. Владимиру для брака с царевной понадобилось брать Херсонес, а Момах сам упрашивал породниться! Правда, дочка была не «порфирородной», от предыдущего брака Мономаха, но ведь и выдавали ее не за великого князя, даже не за наследника, а за четвертого сына, 16-летнего Всеволода. Большого унижения для Константинополя нельзя было ожидать, и Ярослав согласился. Не вести же армию на греческую столицу, пробиваться через Балканы, осаждать крепости... Цель была достигнута. Гордые ромеи поклонились, признали Русь равной.

Наша страна в это время вообще вознеслась на вершину международной политики. С ней старались дружить, заискивали. Датский король Канут Великий развернул широкие

завоевания, и изгнанные им английские принцы Эдвин и Эдвард прибыли не куда-нибудь, а в Киев. На Руси очутился и побежденный Канутом норвежский король Олаф. При дворе Ярослава гостил его сын Магнус, потом при русской поддержке вернул престол. В Венгрии немцы посадили на престол своего ставленника Петра, королевичи Андрей и Левента бежали к Ярославу Мудрому. А в 1046 г. мадьярская знать свергла Петра, прислала делегатов звать на трон Андрея. Он покидал Киев не один, с ним уезжала молодая супруга, дочь Ярослава Анастасия – королева Венгрии.

В очередных норвежских смутах на Русь попал принц Гаральд Смелый. Служил великому князю и влюбился в его дочь Елизавету. Но нищий эмигрант был для нее совсем не подходящим женихом, он получил отказ. Гаральд уехал с варяжским отрядом в Византию, воевал, прославился подвигами. Свою любовь принц сохранил, он был талантливым поэтом, слагал песни. До нас дошло 16 из них, и все посвящены Елизавете: «Мы видели берега Сицилии и, плавая на быстрых кораблях, искали славы... В чем я не искусен? Сражаюсь храбро, сижу на коне твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, метко бросаю копье, владею веслом, но русская красавица меня презирает!» Он вернулся героем, с трофейными богатствами – а когда стало ясно, что он сможет бороться за норвежский трон, «русская красавица» и ее отец все же отнеслись к Гаральду теплее. Елизавета стала королевой Норвегии. Через некоторое время Гаральд погиб, но «русская красавица» (и дочь Ярослава!) во вдовах не засиделась. Ей предложил руку и сердце король Дании, и Елизавета снова стала королевой.

На Византию Ярослав больше не оглядывался, титуловал себя «царем и самодержцем» – греки проглотили, молча признали. Он перестал обращать внимание и на патриархию. Впрочем, с чисто моральной точки зрения заслуживала ли она уважения? На Руси категорически запрещала третьи браки, требовала отлучать священников, заключавших их. Возбраняла браки родственников до шестого колена. А в Константинополе патриархи благословляли полнейшие безобразия Зои и ее мужей. Склирена умерла, но царь и царица продолжали вести супружескую жизнь «втроем», Мономах вместо племянницы ввел в «семью» молоденькую грузинскую княжну. Потом в возрасте 72 года угомонила в гробнице любвеобильная Зоя. Но патриарх столь же «законно» сочетал Мономаха браком с сестрой императрицы Феодорой...

Великий князь взялся строить свою, Русскую церковь. Он добился поставления Илариона в епископы. Феофемпта не трогал, подождал, пока он отойдет в мир иной, и в 1051 г. созвал епископов, предложил им избрать Илариона митрополитом. Самим, без участия Константинополя. Греки опять вынуждены были смолчать.

А германскому императору Генриху III пришлось кусать локти, что легкомысленно упустил великую княжну Анну и союз с Русью. В Италии он закрепиться не сумел, а Венгрию и Польшу потерял. Венгерский король теперь был зятем Ярослава, успешно бил немцев. Польша тоже стала лучшим другом Руси, о зависимости от Германии король Казимир больше не вспоминал. Ярослав Мудрый установил прекрасные отношения и с Чехией. Там даже открылся русский монастырь св. Прокопа на Сазове. Не просто монастырь, а культурный и дипломатический центр, прочно связанный с Киевом. Но и немцами великий князь не пренебрегал. Император не захотел породниться, зато счастливы были завязать семейные связи графы и князья. Второй женой сына Святослава стала Ода, дочь графа Штаденского [32].

В 1049 г. пожаловало посольство и из Франции. Ее король Генрих I сватал Анну Ярославну. Монарх был невесть какой, но ведь и дочку, обиженную императором, требовалось пристроить. Великий князь согласился. Прибыв в Реймс, Анна поразила всех красотой и грациозностью. Генрих, впервые увидев невесту, не сдержался, кинулся к ней и начал целовать при всех. Девушка не возражала, но после долгого жаркого поцелуя все же сочла нужным уточнить: «Надеюсь, я не ошиблась? Вы – король?» [9] Приданое Анны показалось фран-

цузам сказочными богатствами, ее наряды – невысказанной роскошью. Но саму ее Франция разочаровала. Она писала отцу: «В какую варварскую страну ты меня послал; здесь жилища мрачны, церкви безобразны и нравы ужасны».

Действительно, сравнить с Русью было трудно. Сохранились документы, где красуется аккуратная подпись Анны на латыни, а рядом крест, поставленный мужем, он был неграмотным. Русская княжна любила выезжать на охоты, метко стреляла из лука – все это было в диковинку французам. Их женщины сидели по домам, за пеньками или пустой болтовней. Анна впервые начала устраивать во Франции светские приемы. А уж таких книг, как на Руси, здесь отродясь не видели. Великолепное Евангелие поместили в Реймском соборе, на нем стали давать присягу короли. Семь веков спустя, в 1715 г. книгу показали Петру I. Благоговейно пояснили, что это самое древнее Священное Писание, написанное исчезнувшим языком, которого уже никто не знает. Петр пригляделся, засмеялся и начал читать по-славянски. Это было Евангелие Анны Ярославны.

Королева родила четверых детей. А в 1060 г. Генрих I умер, она стала править Францией в качестве регентши при сыне, Филиппе I. Поселилась в замке Санлис, полюбив красоту здешних мест. К блестящей вдове прикипел сердцем самый могущественный из феодалов, граф Рауль де Крепи. Чувство оказалось взаимным. Граф развелся с женой и обвенчался с Анной. Это вызвало скандал, папа Александр II даже отлучил супругов от церкви. Но они на папские резолюции плевать хотели. У них были свои священники, подчинявшиеся им, а не Риму. Анна и Рауль везде появлялись парой и выглядели такими счастливыми, что вся Франция приняла их сторону. В 1074 г. королева второй раз овдовела. Ее сын Филипп I уже был совершеннолетним, но глубоко почитал мать. Они правили вместе, вдвоем подписывали государственные акты. Анна скончалась во Франции в 1077 г.

12. Ярослав Мудрый и система лестницы

В Священном Писании сказано: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; это от Господа и есть дивно в глазах наших». «И кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит». Это пророчество исполнилось в Самом Христе, исполнилось и в распространении христианства – избранным народом были евреи, ждали прихода Мессии, но не узнали Его, а свет Веры подхватили вчерашние язычники, которых иудеи презирали. Но тексты Писания иногда имеют много значений. То же пророчество исполнилось в отношении Руси. Оплотом Православия являлась блестящая Византия. Русские для нее всегда оставались неполноценными дикарями, жившими где-то за пределами цивилизованного мира. Они и крещение-то приняли грубо, по-варварски, с войной и скандалами. В общем, стали чадами Церкви, но как бы приемышами, неродными и нелюбимыми. Однако Византия стала рушиться, а Русь поднималась в полный рост, величественная, богатая, грозная.

Правда, во времена Ярослава Мудрого похвастаться победой христианства Русь еще не могла. Многие люди по привычке или на всякий случай чествовали старых богов. В Новгороде слуга писал хозяину, напоминал, чтобы не забыть купить вина к празднику Велеса. Это было во втором по величине городе, а что уж говорить про глубинку? В деревнях люди продолжали жить как они привыкли. На солнцеворот катились с горок горящие колеса, перед Рождеством расхаживали толпы ряженных, поминая Коляду, перед постом гуляли Масленицу, жгли чучело зимы-Марены. Сходились на кулачных боях, были искалеченные и убитые. Это никого не останавливало, испокон веков повелось, что так надо [50, 74].

В чувственных обрядах тоже не видели чего-то постыдного и недопустимого, ведь древние верования основывались на культах плодородия. Всей деревней выходили купаться под первой весенней грозой – это божество неба сочеталось с землей. Перед севом справляли священные свадьбы, выбирали самого уважаемого и многодетного хозяина, чтобы лег с супругой на посевном зерне. Мужья и жены расходились ночью по полям, обнимались на пашне, окропляя ее супружеским семенем.

Летом старики добывали огонь трением деревяшек, разжигали купальские костры. Заводились песни, молодежь взмывала в прыжках над огнем. Собравшиеся сельчане кружились в плясках, доходя до экстаза. Сбрасывали в огонь рубахи – пусть сгорят все болезни и несчастья. Гурьбой неслись к реке, а солидные матери семейств выхватывали и утаскивали в марево утреннего тумана юных мальчиков, впервые допущенных к обрядам. Точно так же и девочки проваливались вдруг в чьи-то мужские руки, в эту ночь сами боги посвящали их во взрослую жизнь.

В июле собирались на братчины, забивали жертвенных быков и баранов, вместе усаживались на ритуальные трапезы. А в конце лета начинались чисто женские обряды. Одни из них праздновались открыто – «зажинки», «дожинки». Другие были тайными, бабы и девушки уходили в леса, чтобы на ночных полянах исполнить в чем мать родила священные пляски, встретить осень. Если грозила эпидемия или падеж скота, то тут уж на время года внимания не обращалось. Все женское население выходило ночью за околицу, хотя бы и в стужу, в мороз нагишом впрягалось с соху и борону, опахивало по кругу свое село или город...

Где-нибудь под Киевом на такие ритуалы смотрели уже косо. Священники, монахи, княжеские слуги старались пресечь их. Кто-то из крестьян отказывался если не от всех обрядов, то хотя бы от крайностей. А в полоцких, волынских, смоленских, псковских лесах никто себя не ограничивал, и таиться было не от кого. Священники сюда еще не добирались, старая племенная знать жила одной жизнью с простонародьем, крестилась ради приличия, но

кресты носила вместе с оберегами. Вятичи вообще их не носили и христианства не признавали. У них по-прежнему горели огни в капищах, длиннородые жрецы приносили жертвы, гадали о будущем. Мужчины кичились друг перед другом количеством жен, а когда умирало важное лицо, кто-то из жен или холопок рвался разделить с господином погребальное ложе.

Даже там, где уже встали православные храмы, священники за головы хватались, не знали как растолковать людям, что некоторые традиции пора бы прекратить. По-христиански отпевали покойных, а бабы приходили на могилы окликать их, в домах выставляли угощение для усопших предков. Большинство русских пребывало в уверенности, что венчание – княжеский и боярский обычай, для них не предназначенный. На шальных весенних хоровах парни умыкали невест. Вместо венчаний играли свадьбы, от слова свадить, случать, плотские удовольствия выставлялись в свадебных обычаях с полной языческой откровенностью. А ведь к священникам перешли дела о разводе, наследстве. Хочешь не хочешь, приходилось разбираться и с невенчанными, признавать их неправильной, но все-таки семьей [2, 93].

На Руси перемешалось разнородное, нередко чуждое друг другу. Спать народ в одно целое христианство еще не могло и не успело. Административные связи между различными частями державы тоже оставались слабенькими. Жителя Ростова не особо интересовало, что творилось на польской границе. А житель Переяславля не задумывался, какие там отношения у новгородцев со шведами. У него под боком были не шведы, а печенеги. Да и культурный подъем Руси шел не сразу и не равномерно. Монументальными постройками выделялись лишь несколько городов. Остальные жили гораздо скромнее. Укрепления возводили не для того, чтобы ими любовались, а чтобы враг не взял. Насыпали валы, сооружали стены из деревянных срубов, наполненных землей и камнями. На центральной площади стояла деревянная церковь, терем князя или его наместника, дома местных бояр, вокруг лепились избы или полуземлянки горожан.

А великий князь, сумевший объединить подданных, обеспечить им мир и спокойное развитие, состарился. Уходили из жизни близкие ему люди. В 1050 г. умерла верная супруга Ирина, тяжело болела, перед кончиной приняла монашеский постриг. А в 1052 г. скончался старший сын Владимир – наследник, надежда, опора. Упокоился под сводами Софийского собора Новгорода, который сам же построил. Государь знал, что и ему осталось недолго. Но кому же он оставит Русь?

Ведь традиции наследования власти в нашей стране так и не сформировались. Взять греческий образец, самому определить преемника? Св. Владимир попытался это сделать, кончилось плохо. Да и у византийцев не обходится без бунтов. Взять западный принцип, от отца к старшему сыну? Но и такая система вызывала смуты. Обделенные младшие дулись на старших, у них находились сторонники, подталкивали к мятежам. Братья свергали братьев в Польше, Чехии, Венгрии, Норвегии, Италии, убивали родню, ослепляли, кастрировали. А на Руси? Святослав умер – усобица, Владимир умер – усобица...

После Ярослава оставались его сыновья. Он каждого из них помнил ребенком, каждого держал на руках, радовался первым шагам, смеялся исковерканным детским словам, переживал за их болезни и шишки. И представить, что они могут схлестнуться друг с другом? Нет, Ярослав всеми силами стремился не допустить такого. Размышлял: если дети сохранят семью, то остальное приложится, сохранится и будет крепнуть Русская держава. Он отказался от существовавших образцов наследования, придумал совершенно новую систему «лестницы», т. е. лестницы.

Ярослав установил иерархию городов и княжеских престолов. Первый по рангу – Киев, второй – Чернигов, третий – Переяславль, четвертый – Смоленск, пятый – Владимир-Волынский. Никто из сыновей не остается без владений, каждый получает удел по старшинству, но Русь при этом не разделяется, она остается общим владением Ярославичей.

Это было уже опробовано, когда правили вместе Ярослав и Мстислав. Вроде, получалось-то удачно. Младшие подчиняются старшему, киевскому, важные вопросы решают сообща. А уделы даются им не в вечное пользование. Умрет Киевский великий князь, его заменяет черниговский, и остальные князья сдвигаются по «лестнице» на более высокие престолы. Когда умрут все братья, точно таким же образом правят их дети. Сперва Киев достается сыновьям старшего, за ними идут сыновья второго по рангу, потом третьего...

Прочие города и земли распределялись не персонально, а прикреплялись к главным уделам. К Киеву отходило Правобережье Днепра и Турово-Пинская земля. Новгород тоже подчинился великому князю – два полюса Руси, Киев и Новгород, должны находиться в одних руках. К Черниговскому столу придавались Тмутаракань, территории по Десне и Оке вплоть до Мурома. К Переяславлю прилегали южные линии городов-крепостей до Курска. Этого было маловато, и Ярослав добавил далекое Залесье – Ростов, Суздаль, Белоозеро. К Смоленску и Волыни «довесков» не требовалось. Там должны были сидеть младшие, пусть управляются с тем что есть, а потом перейдут на более значительные столы.

Чувствуя приближение смерти, Ярослав собрал детей, Изяслава, Святослава, Всеволода, Вячеслава, Игоря. Довел до них свой «ряд», порядок правления, который отныне будет действовать в государстве. Взял с них клятву не преступать его, быть всегда заедино. Старшего, великого князя киевского, все обязаны почитать и слушаться, как отца. Но и он обязан заботиться о младших, защищать их. Хотя братья были очень не похожими друг на друга. Изяслав вырос слабовольным, бесхарактерным. Святослав был его полной противоположностью – широкая и буйная натура настоящего русского богатыря, умел и повоевать, и от души попить. Всеволод – взвешенный, рассудительный, начитанный, но мягкий, миролюбивый. Он был любимцем отца, последние годы постоянно находился рядом с ним. Вячеслав и Игорь были еще юными, на самостоятельную роль пока не годились.

Можно было передать Киев Святославу или Всеволоду, минуя Изяслава, но Ярослав Мудрый считал главным именно порядок. Нарушишь его – вот тебе и ссора, а дальше новые покатыся. Великий князь хотел установить свою систему не на раз, не на ближайшее время, а на поколения вперед. Рассудил: пускай уж будет как есть. Если братья будут вместе, то и их недостатки не скажутся, они станут дополнять друг друга. В феврале 1054 г. государь и самодержец Ярослав Владимирович отошел в мир иной. Киев принял Изяслав Ярославич, остальные братья разъехались по уделам, Святослав в Чернигов, Всеволод в Переяславль, Вячеслав в Смоленск, Игорь во Владимир-Волынский.

Вроде, начали правление дружно. Но на Руси быстро обозначились перемены. Бояре и дружинники покойного великого князя прекрасно знали качества Изяслава, многие не захотели оставаться при нем, предпочли перейти в Чернигов или Переяславль. А киевское городское боярство оживилось, оно получило как раз такого государя, о котором мечтало! Этот не прижмет, не будет держать в узде. Изяславом вертела его жена, полька Гертруда, но с ней бояре легко нашли общий язык. Она мечтала о блеске, старалась обеспечить будущее собственных детей. Столичные вельможи готовы были подыгрывать ей, стали лучшими друзьями. Но не забывали и собственные выгоды. Изяслава тесно обсели тысяцкий Коснячко, Перенит, Никифор, Чудин, вместе с Гертрудой принялись регулировать политику великого князя.

В Киеве развернулось грандиозное строительство. Совсем недавно Ярослав Мудрый расширил столицу Ярославовым городом, Изяслав в угоду жене и приближенным затеял возводить «Изяславов город». В нем наметили соорудить новый, еще более пышный дворец, новый Дмитриевский монастырь (великий князь носил христианское имя Дмитрий). На строительстве всегда можно хорошо погреть руки, тут уж тысяцкому с компанией было полное раздолье. Правда, работа требовала значительных средств. Но они имелись у столичных евреев. С боярами они давно были связаны, обстряпывали те или иные дела. Проторили

дорожку и к Гертруде, подмазались к ней лестью и дорогими подарками. А за ссуды великий князь расплачивался подрядами, льготами, привилегиями.

Отдуваться приходилось простонародью. На него налагали новые повинности, увеличивали подати. Облагали так, чтобы хватило всем – в казну, боярам, евреям, да и тиуны, собиравшие подати, не стеснялись набивать собственную мошну. Вельможи из окружения Изяслава гребли более солидную поживу, прибирали к рукам села, деревеньки. Крестьяне, еще вчера вольные, вдруг оказывались боярскими.

Советники подсказывали великому князю, что надо бы подкорректировать и отцовские законы. А то нехорошо получалось. Вдруг пришибет боярин непокорного смерда, а его родственники прибьют боярина, и закон будет на их стороне. По Русской правде за смерть следовало мстить смертью. Когда Изяслав очередной раз встретился с братьями, он и его советники утвердили поправки. Кровная месть и смертная казнь упразднились, заменились денежной вирой. Деньги-то нужны, пусть идут в казну. А если преступник не сумеет уплатить, можно его продать тем же евреям.

Под стражей до сих пор находился еще один родственник государя, его дядя Судислав Псковский. Но кто-то из киевских сановников был причастен к давнему заговору, и через три года после смерти Ярослава Мудрого Судислава реабилитировали. Объявили, будто он был оклеветан, хотя при освобождении с него взяли весьма красноречивую клятву: не вмешиваться в государственные дела и вообще уйти в монастырь.

Подсуетились и греки. Они умели обхаживать бояр и великую княгиню не хуже евреев, не жалели золота на подарки и взятки. Около 1055 г. не стало митрополита Илариона, и вокруг Изяслава закипел клубок интриг. Ему внушали, что разрыв с патриархией надо ликвидировать, а за это и Константинополь поддержит его власть. Попытку Ярослава создать национальную церковь порушили напрочь. Из Константинополя прибыл митрополит Георгий. Взятся восстанавливать в церковных структурах чисто византийское влияние.

В результате обстановка в Киеве становилась все более нездоровой. В Софийском соборе устроились греки, расставляли по русским храмам своих соотечественников. Народ это никак не притягивало, а отталкивало. По праздникам церкви пустовали, зато толпы людей резвились в полях и лесах на языческих игрищах. Киевляне роптали на бояр, на растущие поборы. А евреи под высоким покровительством настолько обнаглели, что соблазнили некрепких в вере киевлян, внушали сомнения в христианстве [85].

Первый конфликт разыгрался вокруг Киево-Печерского монастыря. Преподобный Антоний и другие монахи не молчали, смело обличали беззакония и злоупотребления. Преподобный Феодосий ходил в еврейский квартал, в спорах отстаивал Православие. Его предостерегали, что это опасно, но он отвечал, что «желал быть убитым за исповедание Христа». Да, вот уже до чего дошло. При Ярославе Мудром Иларион в «Слове о Законе и Благодати» раскатал иудаизм в пух и прах, разобрал буквально по косточкам, завершив анализ недвусмысленным выводом: «Июдея молчит». А при сыне Ярослава она уже не молчала и спорящий с ней православный монах рисковал жизнью (и риск действительно был, неужто ростовщикам трудно уплатить виру за убийство?)

Но Печерский монастырь страшно раздражал и митрополию. Теперь он оказался вторым церковным центром, не греческим, а русским, На него начались нападки, покатались жалобы великому князю. Первым киевским летописцем был Никон – монахи почтительно называли его Великим, считали одним из трех «столпов» монастыря наряду со св. Антонием и св. Феодосием. В 1060–1062 гг. ему пришлось спастись от гнева Изяслава, уехать в Тмутаракань. Видать, писал не то, что нравилось власть предержащим и византийцам. А летопись редактировалась, поправлялась. Не тогда ли из нее исчезли 17 лет правления св. Владимира?

По наветам приближенных великий князь решил вообще разогнать монастырь. Монахи собрали иконы, нехитрые пожитки, и зашагали в Чернигов, во владения Святослава.

Но их заступницей, как ни парадоксально, выступила Гертруда. Она вспомнила, что случилось в ее родной Польше, и ужаснулась. Ведь там началось как раз с изгнания монахов, а вслед за этим пошли мятежи, резня и развал страны. Нажала на мужа, он перепугался и метнулся в обратную сторону. Послал гонцов вдогон за братией, извинялся. Уговаривали три дня, и монахи согласились вернуться. Великий князь принялся задабривать обитель, сделал крупные вклады, сам стал ездить туда. Особенно тронули его беседы с преподобным Феодосием, Изяслав умилялся, каялся, вместе с преподобным молился, садился за скудную монастырскую трапезу... Что ж, бояре против такого времяпровождения государя ничуть не возражали. Пусть почаще ездит, пусть ведет душеспасительные разговоры. А дела будут вершить они.

13. Братья Ярославичи: Изяслав, Святослав, Всеволод

В 1053 г. у одного из братьев Ярославичей, Всеволода, женатого на греческой царевне, родился мальчик. Его еще успел благословить дед, Ярослав Мудрый, и ребенку дали сразу три имени. Славянское, Владимир, христианское, Василий, и еще добавили – Мономах. Чтобы все знали, не чей-нибудь родственник, а самого византийского императора. Ведь знатности происхождения в ту пору придавалось первостепенное значение.

Хотя на самом-то деле его дед по материнской линии, Константин Мономах, слова доброго не стоил. Управление империей он забросил, ко двору хлынули родственники его любовниц, опустошали казну. Чтобы выкроить деньги, Мономах решил сэкономить на армии. В Византии жители приграничных провинций не платили налогов, они несли службу или содержали воинов. Теперь налоги с них стали брать. Объявили, что служить будет профессиональная армия из наемников. Но наемники стоили дорого, а львиная доля собранных средств выбрасывалась на столичные развлечения или разворовывалась.

В итоге северная граница рухнула. Печенеги уже не просто вторгались, а начали селиться в византийских пределах. Мономах сперва счел, что это отличный выход. Заключил договоры с ханами, что они будут служить Византии и вознамерился переселить часть печенегов в Азию, пусть обороняют границы. Но они взбунтовались, погромили греческие войска, грабили города и села вплоть до Константинополя, а болгары и валахи переходили на сторону кочевников. На территории нынешней Румынии и Болгарии обосновались печенежские ханства.

А в Италии появились норманны. Сперва они приходили как наемники византийцев и итальянских князьков, помогали обороняться от германских королей и арабских пиратов. Но викинги пригляделись и пришли к выводу: не проще ли самим завоевать благодатную Италию? Принялись захватывать область за областью. Римским папам пришлось не сладко. Крутились на все стороны, отбивались от норманнов, арабов, отбрыкивались или убегали от немцев.

Разрыва Восточной и Западной церковей, казалось бы, ничто не предвещало. Церковь еще считалась единой. Папы цеплялись за альянс с греками, единственными их покровителями. А Византия держалась за дружбу с Римом, чтобы сохранить влияние в Италии. В Константинополе действовали латинские храмы и подворья, патриарх поминал папу в богослужениях. Однако реальная помощь греков стала ничтожной. Папа Лев IX, разбитый норманнами и осажденный в Чивитате, вынужден был сдаться. Но... совершенно неожиданно победители преклонили перед пленником колени.

Норманны хотели легитимно закрепить своих завоевания, превратиться из банды разбойников в «настоящих» властителей. Вот тут-то папа смекнул, что может получить собственную могучую опору. Против всех – и немцев, и непокорных вассалов, и византийцев! В Константинополь пошли заносчивые послания, претензии на верховенство в христианском мире. Жесткий и властолюбивый патриарх Михаил Кируларий отреагировал резко. Закрыл папские подворья в Византии, извлек труды Фотия и других богословов, разбиравших ереси латинян. Папа не нашел ничего лучшего, как обвинить патриарха в «схизме», то бишь раскольничестве, неповиновении самому себе, прислал отлучительную грамоту. Патриархия в ответ предала анафеме папу. В 1054 г. латинская и греческая церкви окончательно разделились [100].

Грозные перемены происходили и в Средней Азии. Здесь усилились два народа, туркмены и куманы. Их давно не тревожили внешние враги, росло население, умножались стада

и табуны. Туркменские племена приняли ислам, нашлись предводители, объединившие их, возникло государство турок-сельджуков. Оно подмяло враждующие между собой персидские эмираты. Багдадский халиф, которого теснили соседи, добровольно отдался под защиту сельджуков. А Византию раньше прикрывали с востока сильные Армения и Грузия. Но греки сами их разложили и развалили, стараясь подчинить своей власти. Сельджуки без особого труда начали прибирать к рукам закавказские города.

Однако константинопольскую верхушку это мало заботило. Она погрязла в более важных проблемах. Умер Константин Мономах. Умерла его четвертая (по официальному счету) вдова, старушка Феодора. А придворную клику больше всего волновало, как бы сохранить собственное положение вокруг трона. Поэтому Феодору на смертном одре уговорили назначить преемника, недееспособного старичка Михаила Стратиотика. Спасти империю попытался энергичный и талантливый военачальник Исаак Комнин. Он совершил переворот, взялся восстанавливать армию.

Нет, ему не позволили! На него ополчилась вся столичная знать, вынудила отречься от престола и уйти в монастырь. А корону вручила полному ничтожеству, Константину Дуке, и все вернулось на круги своя. Император и его окружение сосредоточились только на том, как бы добыть побольше денег. Налоги стали сдавать на откуп, с торгов. Еврейские, армянские, сирийские купцы и ростовщики платили в казну наличными, а с населения собирали сами. По закону они получили право брать в свою пользу 14 % сверх установленной суммы, а фактически обдирали людей подчистую. Выжатые такой ценой деньги пускались на ветер, утекали в кошельки придворного синклита, а печенеги и сельджуки разоряли византийские провинции.

У другого азиатского народа, куманов, обитавших на территории нынешнего Казахстана, обычаи отличались от туркменов. Они оставались язычниками-митраистами, поклонялись супружеской паре богов, «отцу»-небу и «матери»-земле. Единого государства у них не было, они жили многочисленными коленами и родами. Но к удачливым ханам могли прикнуть другие родовые общины, а для решения важнейших вопросов ханы собирались на советы. Куманы, как и печенеги, торки (гузы), туркмены, не были монголоидами. Это были остатки древнего скифо-сарматского населения степи. Они лишь отчасти смешались с гуннами, уграми, тюрками и перешли на тюркские языки. На Руси куманов прозвали половцами от слова «полова», солома – по цвету волос, эти кочевники были голубоглазыми блондинами.

Куманы издревле враждовали с соседями, торками. В середине XI в. в очередной войне они одержали полную победу. Разбитые торки покатались на запад. А печенеги были ослаблены предшествующими войнами с русичами, значительная часть их ушла на Балканы. Торки навалились на оставшихся, и они тоже бросили Причерноморье, потекли к своим сородичам на Дунай. Но вместо одних соседей наша страна приобрела других, еще более беспокойных. В 1054 г. с востока показались орды торков – и с ходу полезли на русскую землю. Отступая от куманов, они поиздержались, потеряли имущество, скотину, жен. Надо было вознаградить себя, угнать чужие стада, набрать добычи, пленниц.

Главным городом пограничной системы был Переяславль, удел Всеволода Ярославича. Этот князь, хоть и миролюбивый, драться умел. Вывел свою дружину, переяславский полк, и на р. Суле у крепости Воинь крепко всыпал пришельцам, заставил убраться прочь. Но следом за торками двигались их победители. В 1055 г. возле Переяславля появились отряды половцев. Они нападать не стали. Хан Болуш вызвал Всеволода на переговоры. Съехались на берегу Трубежа, Болуш объяснил, что они воюют только с торками, которые и для русских враги. А враг моего врага – мой друг. Обменялись подарками, оружием, заключили мир и дружбу.

Война в степях полыхала несколько лет, кочевники насмерть бились между собой. От Волги и Дона отходили все новые колена торков. Граница кипела налетами, грабежами. Сши-

бались в скоротечных схватках богатырские дозоры, не расставались с оружием гарнизоны крепостей. Просочившиеся степняки разоряли деревни, и дружины вскакивали на коней, во весь опор неслись на перехват. Массы торков, стиснутые половцами, скапливались в низовьях Днепра, грозили хлынуть на Киев, на Волынь.

Князья договорились между собой покончить с этой напастью. В 1060 г. выступила вся Русь – и киевский, и черниговский, и переяславский братья. Сверкали кольчугами конные дружины, целый флот лодок грузился пехотой. Прибыли новгородская, смоленская, волынская рати. Даже молодой полоцкий князь Всеслав, сын умершего Брячислава, согласился встать заодно с родней, привел воинов. В первых стычках торков разметали, а на большое сражение они не отважились. Узнали, какая сила на них идет, и бросили берега Днепра. Двинулись дальше на запад, за Дунай. Но победа не принесла русичам даже передышки. Теперь их никто не отделял от половцев. А у половецких ханов исчезла надобность в союзе с князьями.

Впрочем, они в подобных случаях нередко хитрили – союз заключал один хан, а прочие были свободны от обязательств. Причем воины «дружественного» хана могли запросто участвовать в набегах «недружественных». Половцы тоже понесли ущерб в войне, в дальних перекочевках, его требовалось восполнить. В 1061 г. зимой, когда никто не ожидал, лавина всадников хана Искала прорвала оборону. Всеволод снова вывел навстречу переяславское войско, но его разгромили. С трудом отбиваясь, князь сумел отступить в город, укрыться за дубовыми стенами, а степняки растеклись по окрестностям, разграбили села.

Ну а вчерашние враги, наоборот, вскоре превратились в друзей. Орда торков вступила в пределы Византии. Армия, высланная императором, не произвела на них никакого впечатления, ее втоптали в грязь и снег. Торки ворвались во Фракию. Но в Византии уже жили их кровные враги, печенеги. Обрушились атаками, громили и захватывали кочевья. А вдобавок, торков стала косить какая-то страшная эпидемия. Они очутились в совершенно бедственном положении и разделились. Часть передалась императору, их зачислили на службу – оборонять греков от тех же печенегов. Другие вернулись на север и попросили убежища у великого князя. Изяслав поселил их на правом берегу Днепра, здесь была построена крепость Торческ (ныне Тараща).

Русь в походе на торков продемонстрировала впечатляющую мощь, казалось бы, чего ей бояться? Лествица Ярослава Мудрого обеспечивала братские узы княжеского дома, ограждала от взаимных претензий. Но... только теоретически. В том случае, если бы правила лестницы действительно соблюдались. А частные интересы иногда шли вразрез с общими. Старший из братьев Ярославичей, Владимир, умер раньше отца. После него в Новгороде остался княжить его юный сын Ростислав. А Новгород был очень уж заманчивым местом. Несмотря на полученные льготы, он платил значительную дань. Да и вообще центр торговли, золотое дно. Великий князь Изяслав с женой и киевскими боярами забеспокоились, почему выгоды достаются племяннику Ростиславу, а не им? В данном случае закон был на их стороне, Новгород принадлежит тому же, кому Киев.

Правда, племянник слушался государя, готов был верно служить ему, но Изяслава это не устраивало. Новгородцы любили покойного Владимира, привыкнув к его сыну. А у великого князя тоже были сыновья. Когда подрастут, им понадобятся достойные уделы. А пока не подросли, править Новгородом рвались киевские бояре. Изяслав отправил туда наместника, приказал Ростиславу выехать. Собственных владений для него пожалел, спихнул к брату Всеволоду. Объяснил – твой-то сын Владимир Мономах еще маленький, в Ростове у тебя князя нет, пусть там пока посидит Ростислав.

После кончины Ярослава Мудрого миновало два года, и умер еще один из его детей – Вячеслав Смоленский. С переходами по лестнице все было понятно, и братья Ярославичи сделали все по отцовским заветам. Из Владимира-Волынского, пятого по рангу города,

перевели в Смоленск младшего брата Игоря. Но и он княжил два года, заболел и преставился. Теперь на Смоленск предъявил права племянник Ростислав. В полном соответствии с лестницей: когда братья умрут, по лестнице начинают продвигаться их сыновья. Сперва – старшего, потом второго по возрасту, третьего. А отец Ростислава, Владимир, был старше Изяслава...

Великого князя запросы племянника очень встревожили. При таком раскладе Ростислав признавался четвертым в очереди на киевский престол! Он шел впереди родных сыновей Изяслава! Но в любых законах можно найти закорючки, чтобы трактовать их по-разному. Киевские бояре хорошо умели это делать. Государя поддержала и греческая митрополия – ведь Изяслав уже показал свою лояльность к Византии, а отец Ростислава возглавлял поход на Константинополь, и его сын вряд ли испытывал любовь к грекам.

Подумали, посоображали и нашли выход. Повернули вопрос не по духу ярославова закона о наследовании, а по формальным признакам. Кому Ярослав Мудрый читал свой «ряд», распределял уделы, кто клялся соблюдать его порядок? Только пятеро братьев: Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав и Игорь. А Владимир в этом не участвовал, его уже не было в живых. И киевского престола он не занимал, не дотянул. Стало быть, Ростислав вообще выпадает из системы лестницы.

Эдаким боком для Изяслава оборачивалось совсем хорошо. То он должен был продвигать по лестнице мешающего ему Ростислава, как-то пристраивать детишек умерших братьев, Вячеслава и Игоря. А сейчас получалось, что и они вычеркиваются из лестницы, Смоленск и Владимир-Волынский превращаются в выморочные уделы и переходят под непосредственное управление великого князя! Достаются ему, Изяславу! Ну а дети покойных братьев становятся изгоями. На Руси это слово не было ругательным. Так называли людей, выбывших из своей общины. Изгоем считался разорившийся купец или сын священника, не выучившийся грамоте и не способный занять место отца. Но изгоем был и крестьянин, отколовшийся от верви (сельской общины), ушедший в город, был и раб, выкупившийся или отпущенный на свободу. Теперь появились князья-изгои.

Изяслав и его советники с помощью греческого духовенства убедили других князей, Святослава и Всеволода, что именно такой порядок будет правильным, именно так задумывал отец Ярослав. Оба согласились. Хотя, может, и задняя мысль мелькнула, что так будет лучше – ведь Ростислав опережал и их сыновей, сдвигал на ступенечку вниз. А государь заверил, что своими обязанностями заботиться о младших он не пренебрежет, Ростислава не обделит. Дал ему Владимир-Волынский. Но дал не по праву лестничного наследования, а в «частный» удел, от себя. Выделил из владений, которые отныне принадлежали Изяславу.

Конечно, Ростиславу было обидно. Он – сын прославленного Владимира Ярославича, новгородского героя, стал попросту вассалом своего дяди, целиком зависел от его милости. Захотел – дал Волынь, а захочет – отберет так же, как отнял Новгород. И будущие дети, внуки Ростислава не смогут претендовать на Киев, Чернигов, Переяславль. Они тоже должны будут, как простые бояре, служить кому-нибудь из дядей, из двоюродных братьев...

Но по соседству с Волынью лежала Венгрия, а там в 1060 г. случился переворот. Корону захватил Бела I. Королева Анастасия Ярославна, сестра Изяслава, Святослава и Всеволода, бежала с сынишкой Шаламоном в Германию. Немецкий король Генрих IV направил посольство в Киев, звал великого князя заключить союз, заступиться за честь родственницы. Точнее, Генрих IV был еще ребенком, послов прислала его мать-регентша. Великая княгиня Гертруда настояла, чтобы муж уклонился от союза – с немцами враждовала ее польская родня.

Зато венгерский узурпатор Бела I проявил себя куда более умелым дипломатом, чем немецкая и русская государыни. Он прекрасно знал о политических хитросплетениях на Руси, обратился к оскорбленному изгоя Ростиславу, предложил ему дружбу и выдал за него дочь, красавицу Ланку. Вот тут-то Изяславу пришлось крупно понервничать и попе-

реживать, клясть и племянника, и собственную неосмотрительность. Ростислав от Руси не отделялся, но реально перестал подчиняться Киеву. С таким тестем он чувствовал себя неуязвимым. Волынский князь был уверен, что его положение наконец-то стало прочным и надежным. У него было свое княжество, семья, за три года родились трое детей – Рюрик, Володарь, Василько. А могущественный тесть поможет отстоять законные права, вернуть подобающее место в ряду русских князей...

Но пока Бела I ничем не мог ему подсобить, он был занят войной с немцами. А в 1063 г. он погиб, королем Венгрии снова стал Шаламон. Все рухнуло! Ростислав не был наивным простачком, он полностью отдавал себе отчет, что теперь-то великий князь отыграется, со дня на день можно было ждать, что его сгонят с Волынского княжества. И куда податься? Но князь был решительным, предприимчивым, и в его голове вызрела лихая авантюра. Помощниками стали старый воевода Порей – его еще в детстве приставил к княжичу отец. В скитаниях Ростислава сопровождал и друг детства, сын новгородского посадника Вышата.

Один из дядей изгоя, черниговский богатырь Святослав, получив в придачу к уделу Тмутаракань, послал туда править малолетнего сына Глеба. Святослав не нанес Ростиславу таких обид, как великий князь, но ведь и он согласился на его исключение из общего наследства. А в конце концов, чем Глеб лучше Ростислава и его детей? Тмутараканское княжество лежало на отшибе от Руси, в богатых портовых городах, Тмутаракани и Корчеве, собиралась всякая вольница: русские удалыцы, варяги, беглые греческие рабы, грузины, абхазы. Рядом жили бесшабашные наездники-касоги. Тут легко можно было сформировать отличную дружину – как у Мстислава, отвоевавшего Чернигов. Попасть туда с Волыни было не трудно, спустился на лодках по Южному Бугу, вышел в море и плыви себе к таманским берегам.

В Тмутаракани появились посланцы Ростислава. На базарах, в портовых корчмах заводились разговоры. Зачем платить дань в Чернигов? Есть замечательный князь... А в 1064 г. нагрянул сам Ростислав с отрядом молодцев. Городская вольница тут же приняла его сторону. Глеба князь пальцем не тронул, просто отправил к отцу – езжай, мальчик, подрасти. На Руси поднялся переполох. Уж такой выходки от Ростислава никто не ожидал. Гадали, что он предпримет дальше? На этот раз великий князь и его советники не колебались, не медлили, сразу сделали ответный ход. Изяслав погнал свою дружину на Волынь. Прискакал во Владимир, захватил жену и детей Ростислава. Попробуй-ка, племянничек, выступить на Киев! А черниговский Святослав не на шутку рассердился самоуправством в его владениях. Поднял рать и повел на юг.

Однако Ростислав, даром что горячий, не хотел рубиться с родными. Оставил город и ушел на Кубань. Святослав без помех вступил в Тмутаракань, вернул Глеба в княжеский дворец. Но не мог же он со всем воинством вечно торчать здесь. Дома ждали другие дела. А как только Святослав отправился обратно, племянник очутился тут как тут. Глеба снова выпроводил – езжай, голубчик. Стоило ли из Чернигова туда-сюда мотаться? Такой боевой и отчаянный князь, пришелся по душе касогам, они признали власть Ростислава.

Но образование на Черном море вольного бунтарского княжества чрезвычайно обеспокоило греков. Купцы доносили: в буйной дружине Ростислава за чарами вина поговаривают – давненько русские ладьи не наведывались к византийским берегам. Надо бы напомнить о себе Херсонесу, Константинополю, взять дань, как когда-то бывало. А в соседнем Херсонесе нарастало брожение. Императорские чиновники и откупщики достали народ поборами. Среди горожан перешептывались: а неплохо бы тоже отложиться, присоединиться к Тмутаракани! Что ж правитель-катепан Херсонеса постарался предотвратить нежелательные развитие событий. Он лично отправился к Ростиславу с визитом. Его радушно приняли, договорились о мире. А на прощальном пиру катепан поднял тост за дружбу, отпил из кубка и протянул князю, незаметно подсыпав яд. Хладнокровно предсказал, что через семь дней «друга» не станет. Греки в подобных делах толк знали, прогноз оказался точным.

14. Братья Ярославичи и война с Полоцком

Русские люди по-разному воспринимали Православие. Некоторые так и не порывали до конца с язычеством, становились «двоеверами». Знатные нередко посматривали на византийцев – у них-то власть имущие позволяли себе все что угодно. Значит, и русским можно. А грехи пусть отмаливают попы и монахи. Киевские вельможи подхватили пример Изяслава, дарили монастырям деревни, рабов, слали продукты, деньги. Глядишь, Господь простит, какими путями все это нажито. В Переяславле, резиденции Всеволода Ярославича, к христианству относились иначе. Здесь, на степной границе, опасность всегда была рядом, смерть в любой момент могла засвистеть на жалах половецких стрел. А как же человеку не воззвать в трудную минуту к Господу, к Божьей Матери? Жили, уповая на Них. Воины осознавали себя защитниками не только населения, но и Веры. Вера была опорой, самым ценным, самым главным для каждого.

В такой обстановке подрастал и княжич Владимир Мономах. Его готовили быть воином, этому учили всех княжеских сыновей. Владимир получил и великолепное разностороннее образование, у отца-книжника была богатейшая библиотека, Всеволод знал пять языков. Мать приобщила сына к сокровищам греческой культуры. Но грекофилом княжич не стал. Окружение-то у него было русским, бесстрашные богатыри-пограничники, было с кого брать пример. А любое свое дело, любой поступок Владимир старался взвешивать с точки зрения христианства. Он даже вставал до рассвета, первым приходил в храм и зажигал лампы. В Мономахе формировался новый, доселе неизвестный тип властителя – русского православного князя.

Свое первое княжение он получил в 13 лет, отец послал его в подвластный Ростов. Даже много лет спустя Владимир не забыл подчеркнуть, что ехать пришлось «сквозе вятичи». Вроде бы, племя входило в состав Руси, войны с ним не было, но путешествие считалось совсем не безопасным. Обособленные лесные язычники были непредсказуемыми. Мало ли что взбредет в голову суровым гордым вятичам или их жрецам? В их краях периодически исчезали купцы, проезжие, посланные по каким-то делам слуги и дружинники. Так и юный князь исчезнет вместе со свитой, и следа не найдешь в лесных чащобах.

Вятичей миновали благополучно, но и в Залесской земле было не просто. Ростовские бояре встретили настороженно, повиноваться Владимиру не спешили. Привыкли, что князя сюда наезжают временные, сегодня прислали вот такого мальчишку, завтра заберут в более престижный город. Язычество держалось здесь прочно и сдавать позиций не собиралось. Сам Ростов делился на два конца, Чудский, с капищем мерянского бога, и Русский с деревянным храмом. Причем национальность определялась не по языку, не по происхождению, а по вере. Если мерянин принимал крещение, его уже признавали «русским», он лишался права носить национальный костюм с «шумящими» подвесками, должен был уходить с Чудского конца и переселяться на Русский.

Мономах с отцовскими опекунами принялся проверять и налаживать администрацию. Выяснялось, что управляющие-тиуны тоже привыкли – князь где-то далеко, в Переяславле. Подати подгребали для себя, погосты пришли в запущенное состояние, амбары сгнили, палисады завалились. Владимир опрашивал смердов, и лились потоки жалоб, кого обидели, ограбили, кого рассудили неправильно. Князь делал выводы на будущее: все проверять лично. Сам не досмотришь, и спросить будет не с кого. Отбирал помощников, зазывал на службу боярских сыновей, присматривал расторопных крестьян, горожан. Лучших князь определял в свою дружину, начал формировать суздальский и ростовский полки.

Это было не лишним. Дерзкий вызов всей Руси неожиданно бросил Всеслав Полоцкий. Его княжество было таким же полуязыческим, как Залесское. Поговаривали, что и мать Все-

слава была ведуньей, и сына зачала необычным образом: шла в священную ночь по речным лугам, наступила босой ногой на некоего змея, он и оплодотворил ее. Может, и впрямь не от мужа был князь, а получился в тайных ритуалах, кто знает? К таким язычники испытывали особое почтение. Всеслав и сам слыл волхвом-колдуном, от рождения имел на голове некую язву и носил повязку, считавшуюся волшебной. Ходили легенды, что он оборотень. Умеет скрыться от людей, завернувшись в туман, превратиться в волка [32, 86].

Повел он себя действительно по-волчьи. Впрочем, и в стиле отца Брячислава. Когда Ростислав заварил кашу в Тмутаракани, полоцкий князь понадеялся, что на юге начнется большая война. Обрадовался – братья Ярославичи будут заняты, не сразу выпутаются, почему бы не поразбойничать? Он внезапно напал на Псков. Город успел затворить ворота, и взять его не удалось. Всеслав отступил в свои леса, а потом вдруг рванул на Новгород. А наместники великого князя оказались явно не на высоте. Увлечлись своими шкурными делами, к обороне не изготовились, разведку не организовали. Войско полочан без боя влетело в Новгород. Нет, они не считали себя «русскими». Новгородцы были для них чужим народом. Всеслав выгреб все ценное из новенькой Св. Софии – паникадила, колокола, ободрал иконы. Толпы его воинов растеклись по улицам, обчищая дома. Резали, насиловали. Богатый город был осквернен и опустошен, тысячи жителей увели в рабство.

Спускать волчьи повадки было никак нельзя. Спустишь одному, так и другим захочется, на Руси житья не станет. В данном вопросе Изяслав, Святослав и Всеволод полностью сошлись между собой – Всеслава надо покарать. Зимой 1067 г. братья двинулись в поход, призвали своих сыновей. Подступили к Минску. Он оборонялся, сыпал со стен стрелами, но город взяли приступом, порубили защитников. Небось поучаствовали в разорении Новгорода? Пора ответ держать. Горожан забрали в плен, поделили между воинами, Минск сожгли.

Пока его осаждали, Всеслав времени не терял, поднимал на войну всех полочан. С его армией братья встретились на р. Немиге. Сшиблись жестоко. Рать полочан была многочисленной, уступать они не желали. Киевляне, черниговцы, переяславцы, смоляне, суздальцы навалились на них, крушили в сече. Снег от крови превратился в красное месиво, сугробы громоздились наваленными людскими и конскими трупами. И дожали, рать Всеслава сломалась. Сам он сумел сбежать, его армию полностью разгромили. Ярославичи разослали отряды на поиски князя, разоряли его села, собирали обозы добычи и таборы пленных.

Всеслав запросил мира. Уговорились встретиться для переговоров на Днепре под Оршей. Братья принесли клятву на кресте, что не причинят противнику зла. Но советники подсказывали Изяславу: а благоразумно ли выполнять обещание? Жить в ожидании новых ударов, снова губить людей в боях? Не проще ли решить дело сразу? Целовали крест? Но Всеслав почти язычник, церкви громил. А Полоцкое княжество неужели будет лишним? Если не станет Всеслава, оно достанется великому князю...

Изяслав и его бояре уговаривали Святослава со Всеволодом, что избавиться от врага будет лучше и безопаснее для всей Руси. Да и греческое духовенство, принимавшее присягу, не возражало. Для него подобная тактика представлялась нормальной – если государственные интересы требовали нарушить клятву, византийские императоры никогда не церемонились. В общем, договорились: полоцкий князь явился на встречу с двумя сыновьями и был схвачен.

Братья с победой возвратились по домам. Всеслава посадили в Киеве в поруб (тюрьму), дела снова входили в мирную колею. Разве что случилось восстание в Херсонесе. Власти все-таки довели его до ручки своими безобразиями. Того самого катепана, который недавно отравил Ростислава, горожане забили камнями. Император обратился за помощью в Киев, и Изяслав откликнулся. Расплатился за то, как поддерживали его греки. Послал войско, и мятеж был подавлен. Ну а Всеволод первым попытался налаживать дружбу и доброе сосед-

ство с половцами. У него недавно умерла жена, мать Мономаха, и переяславский князь сосватал дочку половецкого хана. Ее с почестями привезли в Киев, митрополит окрестил ее с именем Анна, обвенчались. Родственники Анны, племя читеевичей, стало с этого времени союзниками Всеволода.

Но в Киеве нарастало недовольство боярами. Война еще и усугубила его. Государевы вельможи постарались переложить на народ все расходы на походы против Всеслава, против Херсонеса. Тиуны погрели руки, собирая деньги, продовольствие, коней. Кто-то из киевских ратников полег в сражениях или был ранен, но всю добычу хапнул тысяцкий и его дружки. Рядовым ратникам и семьям погибших почти ничего не перепало. Люди вспоминали, как поступали прошлые государи – раздавали милостыни, выставляли угощение, заботливо выделяли часть трофеев для вдов и сирот убитых, «род его возьмет». Ну а русское духовенство, в отличие от митрополита, не смолчало по поводу клятвопреступления. Кажется бы, Изяслав осыпал милостями Печерский монастырь, но аскет и молитвенник преподобный Антоний не поступился принципами. Открыто обличал, что совершен великий грех, предрекал за него небесную кару. Его слова передавались из уст в уста, подогревали общий ропот.

А в конце лета 1068 г. заставы сообщили – на Русь идут половцы. Изяслав, Святослав и Всеволод подняли дружины. Поскакали без пехоты, чтобы не терять времени, встретить врага на дальних подступах. Выехали к р. Альте, там же, где Ярослав бил печенегов. Огляделись и ахнули: вся ночная степь мерцала, как звездами, кострами кочевников. Несколько колен сошлись вместе, привели десятки тысяч всадников, а у братьев – тысячи три с небольшим. Тем не менее попробовали атаковать с ходу, среди ночи. Авось не поймут, какие силы на них напали, переполошатся. Налетели, ударили в копья и мечи. Но половцы быстро разобрались, что русских гораздо меньше. Дальних костров паника не коснулась, оттуда покатились свежие отряды. Налегли, обтекали со всех сторон.

Братья еле вырвались. От Переяславля они оказались отрезаны, помчались к Киеву. Святослав отделился, повернул в Чернигов, оборонять свой город. А Изяслав со Всеволодом прискакали в столицу. Закрылись мощные ворота. Лавина половцев двигалась следом. Все небо перепачкали дымы на местах деревень. Киевляне стекались на торгу, требовали выдать оружие, прогнать хищников – ведь совсем рядом убивали их братьев, связывали пленных сестер. Но... тысяцкий боялся вооружать народ. Знал, как озлоблены горожане на него и других бояр. Как бы не повторилось то же самое, что было в Херсонесе.

Киевляне поняли, почему не собирают ополчение. Это стало последней каплей. Закипели, забурлили. Тут-то вспомнилось все, как их обирали, кабелили, обделяли. Разъяренная толпа устремилась ко двору тысяцкого, разнесла и разграбила его. А после тысяцкого зазвучало имя Изяслава. Кто как не он распустил своих приближенных? Зачем он нужен, такой князь? Среди возбужденных людей вспыхнуло, как искра – есть же и другой князь, сидит в тюрьме! Неправедно обиженный, невинно пострадавший, это придавало Всеславу Полоцкому ореол мученика, вполне положительного героя...

Бояре сбегались в палаты великого князя, лихорадочно совещались. Уговаривали государя, пока не поздно, послать людей, прикончить Всеслава с его детьми. Но эту грань Изяслав не переступил. Подлым убийцей он стать не желал. Да и Всеволод был рядом, противился подобным методам. А толпа уже хлынула к темнице, освободила заключенного. Изяславу и Всеволоду осталось только спасаться бегством. Под защитой дружинников выскочили из бушующего Киева, перевели дыхание. Князья обсудили положение, но разъехались в разные стороны. Всеволод заспешил к себе в Переяславль. А старший брат не захотел просить убежища у младших, повернул на запад, к польской границе.

Третий брат Святослав в это же время был занят совсем другими заботами. После сражения на Альте часть половцев направила коней к Киеву, а другие полезли как раз к нему, на

Чернигов. Святослав со своими подданными не ссорился, вооружил городской полк, вывел в поле. Рать была совсем небольшая, 3 тыс., а степняков явилось 12 тыс., четверо на одного. Но черниговцы были спаяны, готовы стоять насмерть. А князь обратился к ним по-простому, по-отечески: «Потянем, дети, нам ведь с вами уже некуда деться». И потянули. Встретили удар конницы на копья, сумели устоять, а потом и отшвырнули. Сломали, погнали, тысячи врагов положили на месте, остальных прижали к р. Снов, загнали в холодную осеннюю воду и потопили. Вот вам и непобедимые половцы! Впервые русские их смогли побить – значит, можно и во второй раз, и в третий.

В результате всех этих событий на Руси установилось довольно странное положение. Полоцкий самозванец сидел в Киеве, а Святослав и Всеволод в своих уделах. Но они прекрасно представляли, что в мятеже виноват Изяслав, поэтому подавлять его даже не пытались. Сам напакостил, сам и разгребай. Впрочем, великий князь был уверен, что сумеет это сделать. Он прибыл ко двору польского короля Болеслава II, племянника и брата жены, просил по-родственному выручить. О, Болеслав был всегда готов повоевать! Молодой, задиристый, его прадед носил прозвище Храброго, и он не хотел отставать, назвался Смелым. Правда, в Польше порядки напоминали киевские. Решение принимал король, а какое именно решение, определяли вельможные паны. Они покачали головами, многозначительно вздохнули, война – дело дорогое, рыцарям и наемникам надо платить.

Денег у Изяслава не было. Взять с собой он ничего не успел, в Киеве бунтовщики подчистую разграбили его дворец. Но государь ничуть не смущался, предложил полякам Червенские города с соляными копами, свинцовыми и железными рудниками. Коли так, дело решилось мгновенно, в 1069 г. Болеслав с армией выступил на Киев. Что ж, и киевляне исполчились. Бодро строились перед Всеславом – веди нас, князь! Постоим за тебя и за себя! Вышли к Белгороду. Всеслав прикинул силы противника, оценил свои. Толпа повстанцев – не войско, разнесут в два счета. Да и кем для него были киевляне? Чужой город, чужое племя. Стоило ли за них рисковать? Среди ночи, как и положено чародею, князь исчез. Бросил поверившую в него рать и умчался в родной Полоцк.

У мятежников наступило горькое похмелье. Их герой скрылся. От Изяслава ничего хорошего ждать не приходилось, с ним шли поляки, их бесчинства хорошо помнили. Киевское воинство, растрепанное без всяких боев, бежало назад в столицу. Киевляне слали гонцов к Святославу и Всеволоду, молили – вступитесь за «мать городов русских», иначе сами сожжем город и уйдем в Грецию. Но вопрос-то был не простым. Принять сторону бунтовщиков против великого князя и брата выглядело некрасиво и глупо. А с другой стороны, польская интервенция черниговскому и переяславскому князьям категорически не понравилась. Святослав согласился быть посредником и предложил компромисс: Киев покорится Изяславу, но и он простит горожан. На престол он вернется только со своей дружиной, а поляков удалит. В противном случае братья будут сражаться против чужеземцев, а Изяслав окажется врагом Руси.

Обе стороны приняли этот вариант, целовали крест исполнить условия, и столица открыла ворота. Но великий князь солгал. Он отпустил лишь часть польской армии, а Болеслава с основным ядром попросил остаться. В Киев же пустил впереди себя сына Мстислава, который никаких клятв не давал. Он учинил погром, казнил 70 предводителей восстания, многих ослепил и побросал в тюрьмы. После этого въехал Изяслав с польским королем, делая вид, будто не имеет к расправам никакого отношения. Расставаться с поляками государь не собирался. Он уже не верил ни киевлянам, ни братьям, самой надежной опорой считал иностранцев. Договаривался, чтобы Болеслав не уходил, обещал взять на содержание его войско.

А король был ничуть не против. Польские историки писали, что он был пленен великолепием Киева и «любезностью русских женщин». Хотя сами-то киевлянки никаких причин

для любезности не имели, у них родных казнили и сажали. Но уж князь и бояре расстарались ради гостя, выскивали соотечественниц помоложе и покрасивее. Не хочешь, чтобы твою семью судили за мятеж – иди к королю и прояви «любезность». Рыцарей и солдат разместили по Киеву, под их защитой боярские слуги перетряхивали дворы, искали разграбленное имущество, собирали жалованье для иноземцев. Продолжались и репрессии. Преподобного Антония Печерского князь посадить не посмел, но и его причислил к противникам – он же обличал вероломное заточение Всеслава. Монаха под стражей вывезли из Киева и прогнали прочь. Он зашагал в Чернигов. Там святого встретили с подобающим уважением, он основал новый монастырь.

Но... повторилась та же история, что полвека назад. По утрам на улицах стали находить польские трупы. Один, два, десять... Болеслав обиделся. Он и впрямь считал себя благодетелем русских, а они оказались такими неблагодарными! Еще дождешься, что очередная красавица после «любезностей» перережет тебе глотку. Король поругался с Изяславом: великий князь полагал, что оккупанты должны обеспечивать его безопасность, а Болеслав возмутился, почему Изяслав не обеспечивает безопасность его громил и насильников. Собрал тех, кого еще не зарезали, и увел на родину.

15. Братья Ярославичи и русские святые

Поляки ушли, и тут-то задергался великий князь. Киевлян он снова озлобил, его братья были совсем не в восторге от случившегося. Что делать, за кого зацепиться? Изяслав быстренько переориентировался, начал выкручиваться. Заюлил перед братьями, купил их поддержку огромными уступками. Святославу отдал Новгород, черниговский князь перевел туда из Тмутаракани сына Глеба. Всеволоду государь поклонился Смоленском, туда перевели Мономаха. Каялся и просил прощения у преподобного Антония, умолял вернуться, задабривал дарами Печерский монастырь.

Изяславу в его шатком положении и впрямь было нельзя ссориться с обителем. Киевская митрополия оставалась представительством греческой церкви на Руси, а Печерский монастырь превратился в духовный центр Русской церкви. Печерские монахи становились игуменами в других монастырях, основывали новые обители. Они были и миссионерами, проповедниками. Св. Кукша отправился обращать в христианство вятичей. Но они и на князей-то внимания не обращали, что им был одинокий монах? Его схватили и предали мучительной смерти. А в монастыре в один день с ним умер его друг Пимен Постник. Встал вдруг во время службы в церкви, объявил: «Брат наш Кукша нынче убит», и преставился [52].

Ученик преподобного Феодосия св. Леонтий стал настоятелем киевского Дмитриевского монастыря. Казалось бы, чего еще желать? Столица, элитная великокняжеская обитель. Но и он стремился в далекую глухомань, просвещать язычников. Тщательно готовился, выучил мерянский язык и был назначен Ростовским епископом. После перерыва почти в 80 лет св. Леонтий попытался возродить здешнюю епархию. Меряне встретили его враждебно, изгоняли из Ростова. Но он, в отличие от греческих предшественников, не уехал, продолжал проповедовать и был зверски убит.

Язычество отчаянно сопротивлялось. А начавшиеся войны, неурядицы, брожение в народе создавали для него благодатную почву. В Киеве объявился волхв, предрекавший, что вскоре Днепр потечет вспять, а Русь и Греция поменяются местами. Ему развернуться не дали, однажды ночью он исчез без следа. Так же оперативно княжеские слуги обезвредили колдуна, старавшегося взбунтовать Ростов. Но в Новгороде кудесник возмутил толпу «пророчествами», хулил христианство. Епископ вышел с крестом, звал к себе православных, а волхв открыто поливал его бранью, и соблазнившиеся люди собирались вокруг него. Спас положение молодой князь Глеб Святославич. Спрятав под плащом топор, смело подошел к «пророку» и спросил, знает ли он, что с ним будет сегодня? Тот уверенно заявил: «Чудеса великие сотворю!» «Нет», – поправил его Глеб и убил. Народ увидел, что смутьян не смог предвидеть собственной участи, и тут же угомонился.

А в Верхнем Поволжье случился неурожай и голод. Два волхва из Ярославля повели за собой триста человек. В каждом селении оповещали, что женщины прячут продукты «в себе». Требовали, чтобы хозяева выводили жен, дочерей, матерей. Растерянные и ошалевшие бабы орали от ужаса, а их хватали, стаскивали одежду, и волхвы с важным видом резали им спины. С дешевыми фокусами драли кожу, показывая, будто извлекают рыбу или зерно. Возбудив соратников женской кровью, бросали их на грабеж. Прокатились по Волге, Шексне, оставляя за собой истерзанные трупы. Но в Белоозеро прибыл собирать дань воевода Ян Вышатич. Узнал о бесчинствах, вышел к мятежникам с двенадцатью дружинниками и священником.

На них бросилась орава. Стрела сразила священника, озверелый мужик замахнулся топором на Яна. Но это же были профессионалы. Воевода легко увернулся и уложил нападавшего – обухом в лоб, даже лезвие секиры пачкать не хотел. Скомандовал отрокам: руби! Толпа разбежалась. Гоняться по лесам воевода не стал, велел белозерцам самим выловить

волхвов. Их поймали, привели. На допросе они изложили отнюдь не языческие теории, а все ту же богумильскую ересь – что человека и весь материальный мир создал сатана и правит в нем. Оказалось, что волхвы очень хорошо знают и законы: настаивали, что воевода не имеет права их карать, должен представить на суд князя. А смертная казнь была отменена, оплатить штрафами всех женщин они никак не смогли бы, отделаются продажей в рабство. Но Ян Вышатич применил старый закон Ярослава. Спросил гребцов, у кого погибла родня? Жертв было столько, что и среди гребцов воеводских лодок нашлись люди, потерявшие сестру или дочь. Воевода разрешил: мстите за своих. Они не заставили себя упрашивать, прикончили изуверов.

А спокойствие на Руси так и не восстановилось. Великий князь лавировал, силясь усидеть на престоле, но при этом отчаянно хитрил, старался разыграть какие-то корыстные комбинации. Подрастали дети его умерших братьев Борис Вячеславович, Давид Игоревич. За ними должны были подтянуться дети отравленного Ростислава – Рюрик, Володарь и Василько. Как-то пристраивать их, наделять городами Изяслав не стал. Правило уже выработали: если отцы не сидели на киевском престоле, сыновья превращаются в изгоев. Это правило распространили на всех сирот. Но они были юными, горячими, обидчивыми. В их лице созревали бунтовщики и оппозиционеры.

Источник конфликтов можно было ликвидировать в зародыше, для этого следовало всего лишь предоставить изгоям какие-то уделы. Но... великому князю никак не хотелось делиться владениями. У него было трое собственных сыновей, Мстислав, Святополк, Ярополк. Им ведь тоже требовались уделы. Изяслав и его жена озаботились, как бы обеспечить детей получше, побогаче. Ради примирения государь отдал братьям Новгород со Смоленском и тут же пожалел – вон какие земли уплыли от его наследников! Что ж, великий князь нашел выход, стал подкатываться к тем же братьям: дескать я-то вам Новгород и Смоленск отдаю, но за это и вы мне помогите наказать Всеслава Полоцкого. Он – главный враг, источник всех смут. А в семейном кругу строились планы, что Полоцкое княжество как раз и достанется сыновьям, компенсирует утраченные города.

Зимой 1069 г. большое войско опять двинулось в Белоруссию, обложило и взяло Полоцк. Но комбинации, задуманные великим князем, поехали наперекосяк. Всеслав ускользал, это он хорошо умел. Не только прятался, а наносил контрудары. Взбунтовал новгородских подданных, финское племя воедь, мучил карелов. Подступал с ними к Новгороду, князь Глеб и новгородцы с трудом отбили и рассеяли их. А сыновья Изяслава оказались князьями далеко не лучшими. Их отец порой совершал неблагоприятные дела, но все же сохранял в душе какие-то понятия чести, порядочности, не считал возможным нарушать их. Дети отбросили эти рамки.

Мстислав уже показал свой нрав расправами в Киеве. Аналогично повел себя и в Полоцке. Он быстро умер при неясных обстоятельствах, но его заменил Святополк. Современники характеризовали его «бык яр и лют». Жестокий, жадный, похотливый. Для таких князей и их дружинников Полоцкое княжество было захваченной добычей. Вели себя как оккупанты, грабили, притесняли местных жителей, тащили на забаву женщин. Но партизанская война в Белоруссии была еще опаснее, чем в Киеве. В открытых боях Изяславичи каждый раз побеждали разношерстные отряды Всеслава Полоцкого, а он скрывался. В любой избушке в глубинах болот ему был готов стол и дом, взамен перебитых ратников к нему стекались другие. Из чащобы свистели стрелы, и гадай, кто их послал? Киевляне безнадежно завязли.

Вдобавок напомнил о себе польский Болеслав II. Ведь Изяслав пообещал ему Червенские города. Король хотел занять их, а горожане поляков не пустили. Болеслав обратился к великому князю, но и он уваливал от обещаний. Он попросту не мог их выполнить: что скажут подданные, что скажут братья, если он начнет разбазаривать русские города? Болеслав

вспылил: Смелый он или не Смелый? Начал войну. Изяслав выступил против него лично – пышно, торжественно, с многочисленными полками. Обернулся поход полным провалом. Поляки потрепали великого князя, заняли прикарпатские города, сожгли Берестье (Брест).

Изяслав вернулся в Киев куда более скромно, чем уезжал. Без шума, потихонечку. Больше его на подвиги не тянуло, он послал на Волынь 19-летнего Владимира Мономаха. В схватках с полочанами и степняками Владимир уже проявил себя умелым командиром. Но назначение определялось не только этим. Великий князь очередной раз хитрил. Лыстил Мономаху и его отцу – вот какое доверие молодому князю, постоять за Русь, защитить ее рубежи. Однако Волынь находилась под угрозой, ее вот-вот могли захватить поляки. А в обмен за Волынь Изяслав забрал обратно Смоленск.

Но Мономах свой новый удел чужеземцам не отдал. Приехал во Владимир-Волынский, переформировал дружины и ополчение, наладил толковую оборону. Тайно связался с жителями оккупированных городов, оставаться под властью поляков им ничуть не нравилось. Выбрав удобный момент, князь внезапно ринулся на Прикарпатье. Брал крепости почти без боя, население переходило на его сторону. В короткий срок Мономах лишил поляков всех завоеваний, вернул их в состав Руси.

А Изяслав, стараясь укрепить свои позиции, обратился к делам Церкви. Русское духовенство по-прежнему напоминало: стране нужны свои святые. Это и впрямь было важно. Язычники в борьбе с христианством упирали именно на то, что вера «чужая», «греческая». Люди куда более охотно пошли бы в храмы, если бы знали, что у них имеются заступники-соотечественники: близкие, понятные, вроде как «родные». Отказ в канонизации русских святых принижал весь народ, ущемлял державу. Священники пытались как-то выйти из положения. За неимением русских, пропагандировали других славянских святых или близких к славянам – чешских, болгарских, очень популярным стало и почитание св. великомученика Никиты Готского.

Но в это время изменилась и ситуация в Византии. Там придворная клика совсем развалила государство и армию. Возмущенные военные несколько раз пытались совершить переворот. Один из заговорщиков, Роман Диоген, был арестован, но его полюбила императрица Евдокия, правившая от лица малолетнего сына Михаила VII Дуки. Роман обвенчался с ней, и таким необычным способом империя получила вдруг талантливого властителя. Новый император начал восстанавливать войско, успешно повел войну с печенегами и сельджуками. Он очень нуждался в помощи и заключил союз с Русью.

Братья Ярославичи и русское духовенство воспользовались этим, возобновили ходатайства о канонизации отечественных угодников. Несмотря ни на какие политические перемены, Константинопольская патриархия и Киевская митрополия брыкались, упирались, прославление св. Владимира и св. Ольги наотрез отвергали. Но и отвечать полным отказом было нельзя. Ярославичи могли оскорбиться, а дружба с ними требовалась империи, как воздух. Крайне неохотно Греческая церковь согласилась на канонизацию святых благоверных страстотерпцев Бориса и Глеба. Они с греками никогда не конфликтовали, никакого ущерба не нанесли. Да и спорить против их прославления было трудно, у гробницы святых происходили чудесные явления, а русские священники добросовестно документировали их.

Борис и Глеб становились первыми русскими святыми, кого патриархия и митрополия признали официально! Первыми! Это был праздник для всей Руси, для каждого русского верующего. Торжество решили сделать общенародным. В Вышгороде был построен новый храм, в 1072 г. все князья и их дети собрались для перенесения мощей страстотерпцев. Митрополит Георгий мялся, хмурился, но противиться было уже не время. Пришлось и ему пасть на землю перед святыми. Раки с мощами несли сами правители: Изяслав, Святослав, Всеволод. Звонили колокола, в столичных храмах шли праздничные службы, народ ликовал...

Увы, единение князей оставалось недолгим. Даже великое совершенное дело спасти власть Изяслава уже не смогло. Киевляне не забыли казней и приглашения поляков, а на войну, на строительство храмов, из них вытрясали дополнительные поборы. Княжеские и боярские тиуны, ничем не наученные, спешили обогатиться. А все затраты и потери ратников оказывались в итоге ненужными. В боях с Болеславом великий князь опозорился. Его сыновья не удержались в Полоцком княжестве, под ударами лесных воинов вынуждены были бросить его и убираться подобру-поздорову. Пока великокняжеские дружины погибали в Белоруссии, на саму Киевщину вторгались половцы. Раньше разоряли села, а сейчас захватывали уже и городки – Ростовец, Неятин.

Атмосфера в Киеве опять накалялась. В народе заговорили о Святославе. Вот он – настоящий князь! Готов был защищать народ от поляков, одолел половцев. Степняки до сих пор боялись лезть на Черниговщину. Из столицы стали уходить в Чернигов недовольные дружинники, бежали от долговой кабалы горожане и крестьяне. Но и бояре почуяли, что пахнет новым восстанием. Недавно чернь уже громила их дворы, повторять не хотелось. Чтобы предотвратить взрыв, они предали Изяслава и тайком обратились к популярному Святославу. Сообщали, что столица с радостью примет его.

А ускорил развязку сам великий князь. До него дошли слухи, что подданные мечтают о Святославе, и государь переполошился. Заметался в поисках, на кого же еще можно опереться? Разборчивостью он никогда не отличался и совершил очередной необдуманный поворот. Раз уж Полоцкое княжество прибрать к рукам не удалось, он в 1073 г. вступил в переговоры со вчерашним врагом, Всеславом Полоцким. Предлагал союз против братьев, сулил за это Смоленск. Но собственные изяславовы бояре уже отмежевались от него. Они немедленно донесли о переговорах в Чернигов.

Святослава правление старшего брата глубоко возмущало, но до сих пор он вел себя лояльно, от каких-либо враждебных выпадов воздерживался. Однако известие о сговоре с Всеславом вывело черниговского князя из себя. Святослав связался со Всеволодом и проинформировал его: вот, мол, полюбуйся что творится. Сколько уже бед и глупостей натворил Изяслав, мы с тобой это терпели, как-то сглаживали. Ну и дождались благодарности, он на нас злоумышляет. На сборы братьям много времени не понадобилось, они подняли по команде свои полки и повели к Киеву.

Великий князь в панике велел запирать ворота, но Святослав и Всеволод отнюдь не собирались штурмовать город. Встали рядом, в Берестове, и объявили старшему: он лишается великого княжения и может убираться куда хочет. А столичные жители уже забурлили, вооружались, кричали за Святослава. Видя, что деваться-то некуда, Изяслав сдался. Его не торопили. Он несколько дней грузил обоз, казну, богатства, и и покатил по наезженной дорожке, к западной границе.

Киев с восторгом встретил великого князя Святослава II. И только Печерский монастырь не поступился строгой принципиальностью. Его игумен преподобный Феодосий открыто обличал, что Святослав занял трон незаконно, нарушил братскую любовь. На Литургиях по-прежнему поминал великим князем Изяслава, написал новому властителю резкое письмо: «Голос крови брата твоего взывает к Богу, как крови Авелевой на Каина». Государь осерчал, пригрозил посадить преподобного в темницу. Тот не поддался, повторял: «Уступи престол старшему брату».

Но Святослав умел уважать смелых и честных людей. Он извинился перед игуменом, стал приезжать к нему, приглашать к себе во дворец. Святослав жил широко, истинно побогатырски, как бывало во времена св. Владимира. Задавал дружине веселые пиры, играла музыка, звучали песни. Но когда приходил преподобный, пир немедленно прекращался, музыка стихала. Великий князь лично встречал игумена на крыльце, почтительно провожал в палаты, советовался с ним и по духовным, и по светским делам.

Под властью Святослава Русь наконец-то обрела долгожданный мир. Половцы сразу присмирели, нарываться на новую взбучку у них желания не было. Присмирел и Всеслав Полоцкий, хулиганить не осмеливался. Святослав наметил восстановить на Руси законность и справедливость. По его указанию Печерский монастырь начал переписывать Изборник, собрание ученых и назидательных трудов. В числе других поучений там указывалось: «Князь бо есть Божий слуга, человеком милостию и казнию злым». Именно таким стремился быть сам Святослав.

Уделы он перераспределил в соответствии с лествицей. Всеволод получил второй по значению Чернигов. Владимир Мономах был оставлен на Волыни. Его успехи в войне с поляками оценили, а теперь ждали, что Изяслав опять приведет иностранную армию. В эти годы Мономах обзавелся семьей. Супругу ему сосватала сестра Ярославичей, датская королева Елизавета. В 1066 г. Англию захватили норманны, король Гарольд пал в битве при Гастингсе, его семья бежала и нашла пристанище в Дании. Елизавета приняла участие в судьбе эмигрантов, предложила русским родственникам дочь погибшего короля Гиту. В общем-то Англия была страной захудалой, а невеста вообще оказалась бесприданницей, потерявшей родину. Но все-таки королевское происхождение кое-что значило. А Мономах был далеко не первым князем в лествичной цепочке, решили, что для него жена подойдет. Гита приехала на Русь навсегда.

Что же касается конфликта между Святославом II и преподобным Феодосием, то он очень быстро сошел на нет. Как можно было не любить такого государя? Он и для Печерского монастыря делал ничуть не меньше, чем Изяслав. Монахи давно уже задумывали вместо ветхого деревянного храма поставить большой, каменный. В том же 1073 г., вскоре после переворота, Святослав наметанным глазом хозяина и военного указал лучшее место для храма, выделил деньги на строительство. И не только деньги, собственными руками взял лопату и копал канаву под фундамент. Преподобный Феодосий смягчился, начал поминать на службах Святослава, хотя и вторым, после Изяслава. Но с купцами и послами, приезжающими из-за границы, стали приходить потрясающие новости: Изяслав изменил Руси. Мало того, он изменил и Православию. В 1074 г., лежа на смертном одре, св. Феодосий благословил Святослава и его сына Глеба.

16. Братья Ярославичи и князья-изгои

Император Роман Диоген пытался спасти Византию, но пришелся очень не по душе столичным вельможам. Какая там Византия! Для них было куда важнее захватить под влияние инфантильного Михаила VII Дуку и хозяйничать так же неограниченно, как они хозяйничали раньше. В 1071 г. Романа предали. В битве под Манцикертом Андроник Дука увел часть войска. Сельджукский султан Альп-Арслан наголову разгромил императора и взял в плен. Впрочем, турки повели себя благородно. Роман пообещал уплатить выкуп, и его отпустили с честью. Но в Константинополе уже произошел переворот. Романа объявили низложенным, на обратном пути схватили и ослепили. Операцию провели так жестоко, что он умер [100]. Императрицу Евдокию, выбравшую Романа в мужья, заточили в монастырь, сына Романа Льва сослали в Херсонес. А сельджуки были просто поражены. Они-то обошлись с пленником великодушно, а собственные подданные расправились с ним. Да и выкуп остался не выплаченным. Альп-Арслан объявил, что идет мстить за Романа, его войска легко заняли почти всю Малую Азию, Сирию, Палестину.

Но кого действительно порадовала катастрофа Византии, так это Рим. Папские друзья, норманны, отобрали греческие владения в Италии и на Сицилии. А папы снова заговорили о своем верховенстве в христианском мире. Правда, сама католическая церковь находилась в ужасном состоянии. Места священников продавались и покупались, в монастырях жили случайные люди, часто с женами и детьми. Епископы давно уже вели себя как светские властители. Три немецких архиепископа украли у матери-регентши малолетнего короля Генриха IV и правили Германией от его имени, по очереди передавая друг другу. Среди священников было полно неграмотных, множились секты. В Италии набрали силу патарены. На словах они ратовали за чистоту католической церкви, исправление ее недостатков, а в действительности это была тайная манихейская ересь, близкая богумилам. От манихеев было недалеко и до сатанистов. Если признать, что мир создал лукавый и правит в нем, почему же не поклониться ему? В Германии и Италии возникли общины николаитов.

Но папы, подкрепленные мечами норманнов, усиливали свое влияние. В Риме выдвинулся умный и деятельный субдиакон Гильдебранд. Он был секретарем при нескольких папах, а фактически принаоровился руководить ими. В 1073 г. он сам стал папой под именем Григория VII и издал программный трактат «Диктат папы». Целью ставилась ни больше, ни меньше как всемирная теократическая монархия. Утверждалось, что римский первосвященник – «царь царей». Ему должны подчиняться императоры, короли, князья. А над ним не властен никто, выше его только Бог [31].

Но для того чтобы реализовывать такую программу, надо было в первую очередь реорганизовать церковь. Ведь именно ей предстояло стать орудием папской власти над миром. Григорий VII, засучив рукава, взялся за эту работу. Преобразовывались монастыри, в них внедрялись строгие уставы. Тех, кто не пожелает принять новые правила, выгоняли. Григорий нацелился вывести церковные органы из подчинения светским монархам. Объявил, что правом назначать епископов обладают только папы, а не короли. Чтобы должности не передавались по наследству, для духовенства вводился «целибат», обязательное безбрачие. А на своих противников папа обрушился под лозунгом борьбы с «симонией», продажей церковных должностей. Под это обвинение можно было подогнать и сместить любого неугодного священника.

Однако реформы встретили мощное сопротивление. Германскому королю Генриху IV ничуть не улыбалось стать вассалом папы. Наоборот, он сам претендовал на власть над Римом. Забунтовали монастыри. Монахи убивали или изгоняли настоятелей, пытавшихся устанавливать новые уставы. Архиепископы и епископы избивали, а то и вешали папских

посланцев, привозивших им приказы расстаться с женами и земельными пожалованиями от короля. Но и у Рима нашлось достаточно сторонников. Причем разделение получилось весьма своеобразное. Церковные феодалы поддержали Генриха IV, а светские – папу. Они-то вечно были в оппозиции к своему королю, а Григорий VII учил, что они имеют полное право свергнуть монарха, не признающего власть Рима. Папскими подданными согласились считать себя и короли Польши, Венгрии, враждовавшие с Германией [13, 36].

И в эту кашу прикатил великий князь Изяслав с семейством. Сперва он сунулся в Польшу к Болеславу II – помоги, племянничек. Но король помнил, как «нелюбезно» обошлись с ним в Киеве, как Изяслав обманул его с прикарпатскими городами. В компенсацию за прошлые расходы он отобрал большую часть казны великого князя и выгнал его вон. Изяслав отправился в Германию, к Генриху IV. С поклоном вручил то, что сумел уберечь от поляков – золотые и серебряные сосуды, деньги. А для большего веса добавил родную страну. Пообещал признать себя вассалом Германии, платить дань, если поможет снова сесть на престоле.

Идти на Русь для Генриха было никак не с руки, на пути к Киеву лежали Польша, Венгрия. Но уж больно заманчиво выглядело заполучить в подданство огромную державу. Король решил хотя бы попробовать, взять русских «на пушку». В Киев поехали немецкие послы. Явились ко двору, грозно потребовали вернуть трон Изяславу, а в противном случае страшали войной. Но Святослава их демарши, разумеется, не впечатлили. Как, интересно, Генрих думает воевать? Издалека мечом махать? Великий князь радушно угостил послов, выделил щедрые подарки и отправил домой. Делегаты разъяснили королю, что с таким могущественным государем враждовать не стоит, и в целом немцы остались довольны. От одного князя что-то получили, от другого получили, а на большее рассчитывать не приходилось.

Тогда Изяслав и его супруга послали сына Ярополка в Рим. Он от имени отца целовал папскую туфлю, отдавал Русь под верховную власть «царя царей» Григория VII, выражал готовность сменить веру на католическую. Папа был в полнейшем восторге. Еще бы! Эдакая держава сама шла к нему в руки! Ярополк принес присягу ему на верность, и в 1075 г. Григорий направил к Изяславу посольство, «утвердил» его на киевском княжении как своего вассала. Отписал и в Польшу. Указывал Болеславу, что грабить изгнанников нехорошо, приказывал подсобить столь сговорчивому киевскому государю.

Хотя в данный момент Болеславу было совсем не до папских пожеланий. Он, правда, до сих пор находился с Русью в состоянии войны, но боевые действия давно не велись. А вот с Генрихом IV драка началась нешуточная, в Польшу вторгся германский вассал, чешский герцог Вратислав. И вместо того, чтобы помогать изгнанному дяде, Болеслав принялся заискивать перед другим дядей, Святославом II. Молил, чтобы русские помирились с ним и выручили. Мириться государь был не против, войну развязал не он, а поляки. Мог и выручить за ответные услуги. Сошлись на том, что Польша отказывается поддерживать Изяслава, а Русь заключает с ней союз против чехов.

В 1076 г. русские полки выступили на запад. Командовали ими Мономах и сын Святослава Олег. В системе лестницы он стоял выше, но Мономах был более умелым и опытным начальником, и великий князь поручил ему возглавлять поход. Князья вместе с польским войском вступили в Чехию, в первом же сражении разнесли в пух и прах богемских и немецких рыцарей [32]. Герцог Вратислав срочно погнал послов к польскому королю, просил о мире, платил тысячу гривен серебра за нанесенный ущерб. А Болеслав и сам перепугался, что призвал таких могучих союзников. На чешские условия он согласился, велел своей армии возвращаться, а русских известил, что они больше не нужны.

Но возмутился Мономах. Как же так? Шли за тридевять земель, воевали вместе, а поляки заключают сепаратный мир? Нет уж, пускай чехи договариваются и с русскими. Они уклонялись, юлили. Князья подтолкнули их быть более сговорчивыми, взяли несколько горо-

дов. Только после этого прислали делегатов, и Мономах продиктовал требования: заплатить столько же, сколько полякам, тысячу гривен серебра, но вдобавок выделить дань на каждого воина и на всех погибших. Хочешь не хочешь, чехам пришлось согласиться. Войско возвращалось радостное, довольное. Получили прибыль и себе, и казне, поиграли молодецкой силушкой, заставили соседей уважать себя. Мономах и Олег Святославович в походе сдружились. Пока они воевали, княгиня Гита родила Владимиру первенца Мстислава, и Олег стал его крестным.

Святослав II намеревался упрочить и внутреннее положение Руси. Он правильно оценил, что осиротевшие князья-изгои будут источником серьезных смут. Стараясь предотвратить это, начал давать им уделы. Но сделать он сумел немного, его правление оказалось слишком коротким. У Святослава обнаружилась опухоль, ее попытались удалить, и государь операции не перенес, скончался.

А как только о его смерти узнали враги Руси, они тут же встrepенулись, принялись седлать коней, проверять оружие – не заржавело ли? Князя-богатыря не стало! Можно было пожить после вынужденного перерыва. Престол великого князя занял Всеволод, и покоя ему не давали буквально ни одного дня. Государь был вынужден рассылать рати то в одну, то в другую сторону. На южных рубежах замелькали отряды половцев. Всеслав Полоцкий будто проснулся от спячки, кинулся грабить новгородские села. А польский Болеслав II сразу забыл, как Святослав спасал его, какие обязательства он взял на себя. Стоит ли вспоминать неприятные мелочи? Любезно принял Изяслава, дал ему солдат, позволил на вербовать наемников. Для Болеслава все складывалось самым лучшим образом – папская воля будет выполнена, на Руси начнется усобица, и украденной казны можно не возвращать, изгнанник будет и без того благодарен.

В 1077 г. Изяслав вступил на Русь. На Волыни в это время княжил Олег Святославич, он храбро вывел в поле дружину, но наемное войско раздавило ее, Олег бежал в Киев. Пришел черед Всеволода. Он собрал большую армию, повел ее преградить путь Изяславу. Встретились у р. Горынь, построил полки к битве. Но спокойный и взвешенный Всеволод был совсем не настроен драться с братом. Пригласил съехаться, переговорить один на один, и предложил – а чего нам делить-то? Обоим уже не так долго осталось жить, и перерезать друг друга на старости лет? Отправляй назад своих наемников, возвращайся в Киев и будь по-прежнему государем. Обнялись, плакали, клялись забыть прошлое.

Но смута еще не успела угаснуть, а уже назревали другие. Одного из изгоев, племянника Бориса Вячеславича, покойный Святослав II посадил княжить в Вышгороде, рядом с Киевом. Борису, вздорному и воинственному, этого показалось мало. Когда войска ушли к западной границе, он окрылился – сейчас два дяди сцепятся, настало самое время половить рыбку в мутной воде. Ни с того ни с сего внезапным налетом захватил Чернигов. Но почти сразу узнал, что ошибка вышла. Дяди не сцепились, а дружно возвращаются вместе. При таком раскладе Борис Вячеславович предпочел удрать.

Изяслав сел княжить в Киеве, Всеволоду оставил Чернигов, а Мономаху Смоленск. О своем обещании перейти в католицизм и подчинить Русь папе великий князь благоразумно не вспоминал. Но собственные обиды держал в памяти крепко и прощать их не собирался. Правда, изгнавший его Святослав умер, зато можно было отыгаться на его сыновьях. Изяслав применил к ним собственный закон об изгоях. Если Святослав занимал киевский престол не по праву, то он его как бы вообще не занимал, не был великим князем. Значит, его дети выбывают из лестницы, лишаются уделов. А сыновей было пятеро.

Младший, Ярослав, был еще маленьким. Вдова Святослава Ода была умной женщиной. Она сразу поняла, что от Изяслава можно ждать крупных неприятностей. Предпочла уехать на родину, в Германию, и забрала ребенка с собой. Старшего Святославича, Глеба, великий князь решил удалить из Новгорода, заменить собственным сыном Святополком. Но

Глеб не стал дожидаться, пока его выгонят. Он с экспедицией новгородцев ушел в Заволочье – так называли Русский Север. Там Глеб был убит в стычке с местной чудью. Хотя поговаривали, что постарался все-таки Святополк, послал вдогонку своих людей [\[32\]](#).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.